
Составитель Георгий Винс
Пусть воды шумят
Христиане в ГУЛАГе

Оглавление

Пусть воды шумят

Составитель Георгий Винс

Христиане в ГУЛАГе

Библейские цитаты взяты из Русского Синодального перевода Библии.

Перевод с английского языка: Натальи Прокопович

Редакторы: Светлана Филипчук, Петр Наконечный

Книга напечатана на пожертвования братьев и сестер с целью призвать церковь к молитве за преследуемых детей Божьих. Книга предназначена для БЕСПЛАТНОГО распространения. О случаях продажи книги просим сообщить по указанному в книге адресу.

ISBN: 978-617-503-106-3

Предисловие

Свидетельства, помещенные в этой книге, изначально были представлены христианам в Советском Союзе – аудитории, которой известно и о гонении церкви, и о советской карательной системе. В то же время у западных читателей могут возникнуть вопросы касательно некоторых эпизодов. Поэтому некоторые предварительные объяснения помогут читателю лучше понять и оценить жизненный опыт этих советских верующих.

Прежде всего, советская карательная система имеет много уровней. Советский гражданин, подозреваемый в нарушении Уголовного кодекса, может быть арестован и заключен в тюремную «следственную камеру» без суда. Гражданин находится в камере, пока государственный обвинитель проводит расследование и составляет дело против заключенного. В суде заключенного могут приговорить к отбыванию срока в тюрьме, в трудовом лагере, в ссылке в отдаленной деревне, на каторге на государственном проекте с применением принудительного труда или же к комбинации вышеупомянутых наказаний. Заключенных, пребывающих в здравом уме (включая христиан), также приговаривают к неопределенным срокам в специальных психиатрических больницах. Таким образом, советские христиане используют общий термин *в узах* не только лишь в смысле «в кандалах», но чтобы определить пребывание человека в одном из этих мест.

Иногда эти свидетельства преднамеренно нечеткие в некоторых деталях. Например, бывший заключенный может рассказать о получении секретного послания из-за пределов трудового лагеря, о котором не узнала служба проверки, но не скажет, как ему это удалось.

Однако, и это очевидно, публикация подробностей того, как именно ему это удалось, была бы безрассудной. Такая информация может подвергнуть риску безопасность помогавшего или же дать советским властям подсказки, как предотвратить последующие послания.

Подобным образом верующие не всегда объясняют, какая именно христианская деятельность послужила причиной их ареста или кто еще им помогал. И опять-таки, даже после того, как заключенный выходит на свободу, он должен сохранять в тайне некоторую информацию. Если советские власти раскроют предыдущую христианскую деятельность бывшего заключенного, против него или против других могут быть выдвинуты новые обвинения. Был случай, когда советские власти использовали статью, опубликованную на Западе, как доказательство против христиан, арестованных за тайное печатанье Библий.

Преследуемые христиане также часто недоговаривают о подробностях своих страданий, даже если их безопасности ничего не угрожает. Причина ясна: христиане, которые любят Бога настолько, чтобы вытерпеть большие трудности за Него, не заинтересованы в том, чтобы изображать свое бесстрашие или отвагу. Наоборот, они живут, чтобы прославлять Господа, и потому они акцентируют внимание на милости, утешении и благословениях, которые Он посылает, несмотря на жесткие условия.

И в заключение, рассказывая о событиях своей жизни, персонажи этой книги иногда упоминают других христиан, которые живут в их родных городах или которых они встретили в ГУЛАГе. В некоторых случаях они также упоминают христиан из прошлого, которые стали мучениками в руках властей. Читатели, которым интересно будет узнать больше об этих верующих и их страданиях, смогут обратиться к биографическому приложению в конце книги.

Вступление

Когда моя семья жила в Киеве, нам подарили большую красивую картину. На ней были изображены бушующее море, зловещие тучи и большие волны, разбивающиеся об огромные камни и утесы. Картина была в прекрасной раме. Но самыми важными на этой картине были слова, написанные на темном фоне неба и волн, отрывки из трех первых стихов Псалма 45:

«Бог нам прибежище и сила... посему не убоимся, хотя... шумят, вздымаются воды!».

Мы повесили картину в гостиной, и ее послание многие годы ободряло всю нашу семью на протяжении трудных дней и испытаний. Более десяти раз за эти годы власти проводили обыски и отбирали Библии, Евангелия, кассеты, христианские гимны и проповеди. Забирали даже личные письма, где вспоминалось имя Бога.

Но картина продолжала висеть на стене, и эти слова – «*Бог нам прибежище и сила... посему не убоимся, хотя... шумят, вздымаются воды!*» – читали люди, проводившие обыски у нас дома. Их также читали христиане, которые к нам приходили.

В марте 1974 года меня арестовали, а в январе 1975 года привели на суд в Киеве. Прокурор выдвинул против меня девять обвинений, все они были на религиозной почве, включая проповедь Евангелия и печать Библий. Суд приговорил меня к пяти годам лишения свободы в трудовых лагерях строгого режима и к пяти годам ссылки. Кроме того, мне объявили третье наказание: конфискация всего личного имущества! Этим наказанием они намеревались причинить вред моей семье.

Вскоре после суда меня перевезли в Сибирь в один из трудовых лагерей неподалеку от Иркутска. Некоторое время спустя, когда моя семья приехала навестить меня в лагере, они рассказали мне, как происходила конфискация имущества.

Когда приговор вступил в силу, к нам домой прибыла специальная комиссия, чтобы составить опись имущества для конфискации: стол, стулья, буфет, книжная полка, диван, стиральная машина, холодильник, посуда и так далее. Комиссия даже решила забрать картину, на которой было написано: «*Бог нам прибежище и сила… посему не убоимся, хотя… шумят, вздымаются воды!*»

Как раз во время конфискации к нам домой зашел другой христианин Иван Петрович. Он сел на диван, который уже был внесен в опись, и молча наблюдал за тем, что происходило. Один из членов комиссии снял картину со стены и поставил ее возле мебели, которая была уже помечена на вывоз.

Другой член комиссии, молодая женщина, составляла описание каждого предмета. Но, добравшись до картины, она озадачилась: как же ее записать?

– Как называется картина? – спросила она громко. – Как ее записать?

Никто не ответил. Другие члены комиссии ходили по дому, проверяли снаружи, а также искали в сарае, что бы еще конфисковать. В комнате, где молодая женщина составляла опись, находились только моя жена, дети и Иван Петрович.

Женщина подняла картину, поставила ее на стол и вновь спросила:

– Как мне ее назвать? Как мне занести ее в список?

Иван Петрович встал, подошел к столу, взял в руки картину и сказал:

– Просто укажите то, что написано здесь: «Бог нам прибежище и сила… посему не убоимся, хотя… шумят, вздымаются воды!»

Женщина была довольна, что наконец-то нашла название для картины, и стала поспешно записывать его в свой документ. Она написала: «Картина со словами: бог нам прибежище и сила…»

– Почему слово *Бог* вы написали с маленькой буквы? – запротестовал Иван Петрович. – На картине это слово написано с большой буквы. Напишите так, как написано на картине!

Женщина исправила букву и написала слово *Бог* с заглавной буквы. Но скоро она остановилась, и ясно было, что она не собирается записывать полное название картины, поэтому Иван Петрович подсказал ей:

– Будьте так любезны, написать полное название картины в описи. Желаете, чтобы я вам продиктовал?

И он продиктовал ей весь текст с картины. «Бог нам прибежище и сила… посему не убоимся, хотя… шумят, вздымаются воды!»

Молодая женщина начала записывать полное название, но потом вслух спросила:

– Зачем мы забираем эту картину? Кому она нужна? Только верующим!

В тот момент в комнату зашли другие члены комиссии. Один из них, взглянув на документ, спросил:

– Что это вы написали о Боге в списке? «Бог нам прибежище и сила»?

– Это длинное название картины, которую вы сняли со стены для конфискации, – ответила она.

Как выяснилось, этот мужчина был главой комиссии. Он был явно раздражен такой записью и сказал:

– Вы испортили весь документ этой картиной! И кто только ее у нас купит с таким названием?

Потом он сказал моей жене:

– По закону вы имеете право сделать первую покупку предметов, конфискованных здесь государством. Это ваше законное право!

Но моя жена хранила молчание.

Потом он обратился к Ивану Петровичу.

– Как я понимаю, вы тоже верующий?

– Да, я также верю в Бога, Который есть нашим прибежищем и силой!

– Возможно, вы купите эту картину у государства? – спросил исполнитель. Затем он указал на документ, на мебель и сказал:

– Все эти конфискованные предметы уже принадлежат государству. Мы можем продать мебель и картину кому захотим. Купите у нас эту картину! Что нам с нею делать? Нам не нужна эта картина. Мы не запросим много за нее. Всего пять рублей!

Иван Петрович достал из своего кармана пять рублей и отдал их комиссии. Потом взял картину и с победоносным видом повесил ее на стену на прежнее место, громко прочитав: «Бог нам прибежище и сила… посему не убоимся, хотя… шумят, вздымаются воды!»

И так эта картина осталась у нас в доме, провозглашая силу и могущество Бога, подбадривая и утешая сердца многих верующих, преследуемых за веру во Христа, которые посещали наш дом в Киеве.

Но преследование за веру в Господа не новость на моей родине. Прошло всего немногим более ста лет с тех пор, как евангельское христианство началось в России. В 1867 году Никита Воронин стал первым русским, крещенным по вере. И с самых первых дней следования за Господом Воронин переносил сильное гонение за свою веру во Христа. Почти вся история евангельских христиан-баптистов в моей стране отличается преследованием, страданием за истину Христа в тюрьмах, ссылках, трудовых лагерях и даже психиатрических больницах. Но что может нас отделить от Божьей любви? Может ли это сделать горе, гонение, голод или меч? Нет, нет никого и ничего, что могло бы отделить нас от Божьей любви во Христе Иисусе. «Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим. 8:37).

Теперь Господь помог сотрудникам Зарубежного представительства собрать и перевести на английский язык драгоценные свидетельства современных русских верующих – свидетельства страданий и благословений. Это истории людей, идущих узкой, тернистой тропой по следам Христа. Братья и сестры во Христе, проживающие на Западе, мы в ваши руки даем этот материал. Пускай через него Господь благословит ваши сердца любить Иисуса Христа больше, заботливо

относиться к своей Библии и молиться за духовное возрождение по всему миру, а главным образом на вашей земле.

Пожалуйста, не забывайте молиться за работу Евангелия в России и за тех, кто даже сегодня претерпевает испытания и трудности за свою веру во Христа.

Георгий Петрович Винс

Зарубежное представительство

Церквей евангельских христиан-баптистов

Советского Союза

Георгий Винс

Георгий Винс (1928–1998) – составитель этой книги свидетельств, был заключен на восемь лет за проповедь Евангелия в Советском Союзе. В апреле 1979 года, во время своего десятилетнего наказания по приговору, пятидесятилетнего Винса вдруг лишили советского гражданства и выслали в США в рамках программы обмена заключенными между двумя странами. Когда в 1979 году его выдворили в Соединенные Штаты, его братья, евангельские христиане-баптисты, назвали его своим послом на Западе. Пастор Винс основал Зарубежное представительство, служение которого заключалось в том, чтобы представлять, защищать и помогать преследуемой церкви в СССР. Его ежеквартальный журнал «Бюллетень узника». стал голосом угнетенных верующих. Путешествуя по всему миру, Винс рассказывал о положении христиан в СССР и повсюду призывал христиан ценить свою свободу, бережно относиться к своим Библиям и следовать за Иисусом Христом, невзирая на то, чего это может стоить.

Крещение, причастие, молитва, домашнее богослужение и свидетельство являются неотъемлемыми составляющими жизни и роста церкви и в Советском Союзе, и по всему миру.

1: Андрей Юдинцев

Юноша в ГУЛАГе

Андрею Юдинцеву (1964 г. р.) было всего 18 лет, когда милиция арестовала его во время собрания христианской молодежи в 1982 году. Он провел последующих три с половиной года в советских тюрьмах и трудовых лагерях. Буквально за четыре недели до освобождения Андрея, за христианское служение арестовали его отца Василия, а позже приговорили к семи годам тюрьмы. Андрей, самый старший из тринадцати детей в семье, на момент первого издания этой книги в 1989 году служил в Советской Армии, что являлось обязательным для всех молодых мужчин. Советская военная жизнь ни для кого не была легкой, но жестокое притеснение делало ее еще более сложной для христиан.

Охранники привели меня к следственной камере и открыли дверь. Я впервые увидел тюремные нары и заключенных. Их лица выглядели странно, их пристальный взгляд был тщательным и проницательным.

Я ступил вперед, и заключенные немедля начали задавать мне вопросы: Откуда я? За что я оказался здесь? Более всего они интересовались моим характером, какой я был личностью. Я молча попросил Господа, чтобы Он Сам руководил моими устами, и я начал рассказывать свою историю.

Сначала я даже и не думал, что окажусь в тюрьме. Когда милиционеры забрали нас с богослужения на День благодарения в отделение милиции, я подумал, что они задержат нас на пятнадцать суток или же оштрафуют. В тот момент желания моей плоти и духа были противоположными. Плоть хотела свободы. Будучи молодым, в возрасте восемнадцати лет, мне не хотелось быть заключенным в суровом, незнакомом месте. По рассказам других людей я знал, как там

было, и не хотел туда попадать. Но в конце концов они посадили меня за решетку.

На следующий день разговор в нашей камере продолжился. Мы обсуждали и даже дискутировали по поводу различных вопросов, каждый высказывал свою точку зрения. Я всегда пытался ответить отрывками из Библии. Этому меня научила моя мама. Когда люди задают тебе вопросы, старайся отвечать отрывками из Слова Божьего; только тогда ответ будет полным. Я помнил это и с Господней помощью пытался отвечать именно так. Так жизнь протекала приблизительно месяц – непрерывные дискуссии, постоянные вопросы – пока в один день меня в наручниках не привезли в Народный суд Харцызска. Там уже, также в наручниках, находился мой друг Владимир Тимчук.

Возле здания суда мы увидели много наших друзей, но внутрь их не пустили. Когда нас ввели в зал суда, я увидел, что он переполнен представителями заводов, школ, институтов, исполнительных комитетов. Там просто не осталось места для наших друзей-христиан.

Когда началось заседание суда, я увидел, что моя мама пытается пройти в зал суда, но охрана не пускает ее.

– В чем дело? Неужели даже моей матери нельзя здесь присутствовать? – спросил я у судьи.

Тогда они разрешили ей войти, а также нескольким друзьям. Началось судебное слушание. Зачитали обвинения.

– Признаете ли вы себя виновными?

– Нет, – ответили мы.

Тогда они начали опрашивать свидетелей. Я никогда прежде их не видел. Я спрашивал их: «Где меня арестовали?» И все они по-разному отвечали – что я был на улице за забором или возле дверей, возле выхода из здания. Конечно же, эти показания были неправдивыми. Я спросил судью: «Как они могут давать показания, если они не присутствовали в тот момент?»

Несомненно, судья пытался помочь свидетелям, и его вопросы выводили их из замешательства. Но все равно всем присутствующим было понятно, что это был сговор.

Ми с Владимиром уже поняли, что заданием суда было признать нас виновными и вынести нам приговор. И власти добились своей цели. Но, так или иначе, мы с Володей не беспокоились, потому что вверили ситуацию Господу. Мы приняли приговор как из Его руки.

После суда нас с Владимиром поместили в одну камеру, поскольку в других был ремонт. Бог чудесным образом закрыл глаза охранникам, и они не обратили внимания на то, что мы окажемся в одной камере. Когда охрана привела меня в эту камеру и я увидел Володю, то очень удивился и обрадовался. Он сидел на нарах на втором ярусе, все заключенные смотрели на него, а он что-то объяснял. Я подошел прямо к нему, положил мои вещи и тонкий матрас, который мне выдали, и стал его слушать. Он повернулся ко мне и не мог поверить своим глазам. Мы обнялись, поблагодарили и прославили Господа. Воспрянув духом, мы начали петь.

Когда Володе сказали, что его переводят, мы вместе помолились и попрощались. Через несколько дней охрана вызвала и меня, чтобы тоже перевести в другое место. 18 апреля я прибыл в лагерь.

Лагерь, конечно, очень отличается от тюрьмы. Все находится на свежем воздухе. Я работал целый год сварщиком. Это было тяжело: часть смены ты носишь сырье, а другую часть – свариваешь сталь. Я работал по три смены каждую неделю. Особенно запомнилась вторая смена, главным образом летом. Когда смеркалось, я взбирался на крышу цеха, глазами провожал солнце до горизонта и пел: «Солнце село уж за горизонт. Сумерки сгустились над землею». В этой песне много утешения. Я молился, а потом спускался вниз, чтобы продолжать работать. Я очень часто наблюдал за солнцем.

Конечно же, первый год был суровым испытанием. Я не знал, как жить среди преступников. Но люди, которых я встретил, еще пребывая в тюрьме в моем родном городе, по-дружески присматривали за мной. Прибыв в лагерь раньше меня, они уже знали, как уживаться с другими, и подсказывали мне, как вести себя в этой среде.

– Как ты собираешься жить в лагере? – спросил меня кто-то.

– Так же, как я жил на свободе – как христианин, – ответил я. – Я очень хочу жить так же и не отклоняться от моих убеждений даже здесь.

Они поняли меня и даже уважали меня за это. А это было трудно, поскольку я был единственным христианином в лагере. Но меня всегда подбадривали письма от друзей, когда мне было особенно трудно и одиноко. Господь побуждал моих друзей писать в такие периоды; письма, которые приходили, были именно тем, в чем нуждался мой дух. Это меня очень утешало, и я радовался такой удивительной своевременности. Я просто удивлялся и не знал, как мне благодарить Бога. Таким образом Он показывал, что Он Господь и что Он верен Своим обещаниям, хотя мы иногда бываем неверными. Когда я находился в подавленном состоянии, Бог сразу же видел мою нужду.

Я уже пребывал в лагере около двух лет, когда заключенный из другого барака сказал мне:

– Они привезли сюда еще одного христианина.

– Кто он и где он? – спросил я.

– Вот там, в другой части цеха.

Я его не знал. Другие заключенные его расспрашивали, а он им отвечал. Потом кто-то позвал его, и он подошел ко мне, улыбаясь. Очевидно, они сказали ему, что здесь находится еще один верующий, и указали на меня. Даже не спрашивая, кто я такой, он подошел ко мне и поздоровался.

– Откуда ты? Знаешь ли ты?.. – я начал его спрашивать, называя некоторые христианские семьи.

– Да, я всех их знаю, – ответил он.

– Знаешь ли ты Юдинцевых?

– Да, я знаю мать семейства, – сказал он.

Я сказал, что я – ее сын, и сразу же подумал: «*Слава Богу, что Он послал мне друга в этих условиях*». Новоприбывший тоже

обрадовался, и мы вместе поблагодарили Господа. Так началась наша дружба с Павлом Зинченко.

Павел и я помогали друг другу преодолевать проблемы и трудности. Когда мне было очень тяжело, я обращался к нему. Мы разговаривали и молились. Мы делили все переживания и приносили их к Господу, наша дружба приносила нам большое утешение. Каждый день мы были благодарны Богу за наше общение, но вели себя осмотрительно, чтобы начальство не заметило и не запретило нам христианское общение.

Так прошел почти год. Потом в лагерь привезли еще одного христианина – Власенко Владимира из Николаева. Он был отличным парнем – стойким и неунывающим, ему пришлось претерпеть больше, чем кому-либо из нас. Его перевели из другого лагеря, потому что он многократно просил у начальства Библию. Когда ему отказали, он настаивал на своем праве иметь Слово Божье. В качестве наказания они отправили его в другой лагерь.

Мы сразу же дали Владимиру наш Новый Завет. У него был самый высокий ярус на нарах, прямо под потолком. Там вверху было мало воздуха ночью, но он был счастлив, повернувшись к стене читать при лунном свете Новый Завет. Господь благословил его, и он никогда не унывал. Начальство преследовало его; они постоянно притесняли его. Они докапывались до каждой мелочи, но он всегда рассказывал нам о своих неприятностях с улыбкой. То, что он оставался непоколебимым и не был подавленным, также ободряло и нас. Мы благодарили Бога за него.

Владимир, Павел и я на праздники получали отовсюду много писем от друзей. Каждый получал до тридцати писем в день. Мы читали письма друг другу и словно окунались в общение с тысячами людей. Господь видел нашу потребность и обеспечивал нас важными новостями, наилучшими пожеланиями и наставлениями от наших друзей.

Незадолго до праздника Нового 1985 года Бог позаботился о тихом помещении для нас. Мы горячо молились со слезами на глазах, потом обняли друг друга и пожелали счастливого нового года. Это было очень радостное время.

Но вскоре для нас начались тяжелые испытания. Павел, работавший художником в лагере, был отстранен от своей работы. Руководитель оперативного отдела послал его на каторгу. Но Павел не унывал. Он обустроился там, работал сварщиком: у него получались хорошие сварные швы.

Владимира продолжали притеснять. Однажды его даже оклеветали, сказав, что его не было ночью в своем бараке и что он провел ночь в другом бараке. Но в ту ночь он даже не выходил на улицу; он спал на нарах всю ночь. Надзиратель даже подтвердил, что не видел, чтобы кто-то выходил. То же сказал и дневальный, но командир оперативного отдела настаивал на своих словах, что у него есть донос от одного заключенного о том, что Власенко не был ночью в бараке.

В конце января начальство конфисковало Новый Завет. Я обычно носил его в моем боковом кармане, чтобы почитать в свободную минуту. Как-то во время работы пришли несколько охранников тюрьмы, они начали обыскивать цех. Когда они приблизились ко мне, то приказали встать. Меня обыскали и нашли Новый Завет. Когда я возвратился в тот вечер в барак, меня вызвали в оперативный отдел и приказали заключить в изолятор.

– Эта книга не запрещена, – сказал я. – У вас нет закона, по которому вы могли бы закрывать людей в изоляторе за христианскую литературу. Эта книга не является запрещенной, и я имею право на пять книг в лагере.

– Я ничего не знаю, – сказал надзиратель, – начальник дал тебе семь дней. Если у тебя есть какое-то недовольство, поговори с ним. Я всего лишь исполняю свои обязанности.

На тот момент Павел уже содержался там шесть дней. Ему оставался еще один день. Узнав, что он там, я попросил, чтобы и меня поместили в ту же камеру. Конечно, наша встреча в камере была радостной. Мы долго разговаривали.

К вечеру они отпустили Павла. Но когда подходил к окончанию мой последний день наказания, я услышал, что они кого-то ведут. По голосу я узнал Павла, подбежал к решетке и закричал:

– Павел, это ты?

– Да, да, – сказал он. – Андрей, они увозят меня и Владимира из лагеря.

Какой тяжелый удар! Перекрикиваясь через решетку, мы благословили друг друга. Павла и Владимира должны были отправить в другие лагеря следующим утром.

Я не спал всю ночь. Приблизительно в восемь часов утра, когда меня выпустили из изолятора, я увидел Владимира и Павла через трещину в заборе. Я позвал Павла. Он быстро подбежал, а за ним бросился охранник и потянул его за воротник. Но Павел схватился одной рукой за забор, разделявший нас, а другую руку протянул сквозь отверстие. Мы крепко пожали руки. Подбежал со слезами на глазах Владимир, и мы попрощались.

Было очень больно расставаться в таких обстоятельствах. Когда моих друзей забрали из лагеря, все наблюдали за мной. Все глаза и уши были направлены на меня. Все хотели увидеть, как я, который был таким смелым, пока мы трое были вместе, буду вести себя сейчас, когда я вновь остался один.

После своего освобождения Андрей, вместе со своей матерью, бабушкой, а также маленькими братьями и сестрами, опускается на колени, чтобы поблагодарить Бога в молитве за то, что Он сберег его и сохранил верным во время тюремного заключения.

Но Господь укреплял меня. Новый Завет возвратили. Люди вырвали некоторые страницы для себя. Я никогда так и не узнал, у кого было начало, а у кого окончание, но середину Нового Завета оставили мне до конца моего срока. Господь чудным образом сохранил его. Дважды начальство хотело забрать Евангелие, и оно уже почти было в их руках. Но я молился, и Господь удивительным образом возвращал его мне, как доказательство Его сильной руки. Все, что меня больше всего беспокоило за это время, так это то, что я часто был на грани, но Бог показывал, что Он верен Своим обещаниям и Своему Слову.

Я работал плотником, когда мне оставалось всего полгода до конца срока. Работы было много. Мы ремонтировали кабинеты, и мне казалось, что время будет проходить быстрее, если с головой погрузиться в работу. Я оказался прав.

За несколько дней до моего освобождения моя мама и младшие дети приехали ненадолго меня навестить. Мама плакала, рассказывая, что моего отца арестовали. В течение нескольких лет он служил Господу подпольно.

Я часто мечтал о встрече с отцом после моего освобождения. Я даже планировал, о чем мы будем говорить. Я очень хотел его увидеть. Во время того последнего визита мамы, – о чем бы мы ни говорили, какие бы вопросы ни поднимали, – мы все время возвращались к теме его ареста.

Последние дни перед моим освобождением были печальными из-за ареста моего отца. Прежде мое сердце украдкой радовалось тому, что вскоре я буду свободен и всех увижу, но теперь тяжело было смириться с такими новостями. Я узнал, что его обвинили в антисоветской деятельности, в высказываниях против органов государственной власти. Я знаю, что мой отец, как христианин, никогда бы этого не сделал.

Наконец я был освобожден после трех с половиной лет заключения. На первый взгляд может показаться, что это было потерей моей молодости, но, когда все окончилось, не осталось ничего, кроме благодарности Господу и радости. Давид в Псалме 32:21 говорит: «О Нем веселится сердце наше, ибо на святое имя Его мы уповали».

Так будет всегда, и это исполнилось в моей жизни. Любые обстоятельства и любые трудности доказывали только то, что Господь показывал свою милостивую десницу и удивительно благословлял.

2: Валентина Савельева

Выживая в долине смерти

Валентина Савельева (1954 г. р.) была арестована в январе 1982 года во время транспортировки христианской литературы. Невзирая на то, что это был ее первый арест, администрация дала 27-летней Валентине необычно жесткий приговор – пятилетнее тюремное заключение. После вынесения приговора и вплоть до ее освобождения в январе 1987 года, о ней на Западе практически ничего не было известно. На момент первого издания книги она жила в Буденовске вместе со своей матерью Юлией Павловной Савельевой.

Меня арестовали, когда я перевозила христианскую литературу. До суда я была заключена в тюрьму в Ставрополе почти шесть месяцев. Когда попадаешь в тюрьму впервые, то многого не понимаешь. Ты не сразу отдаешь себе отчет в том, что происходит, но начальство наблюдает за тобой. Они пристально тебя изучают и обманными уловками пытаются выудить из тебя информацию. Один из методов – вынудить других заключенных к сотрудничеству, и чтобы те, вовлекая тебя в разговор, смогли определить твои слабые стороны. Они обращают внимание даже на мелкие детали. И вот уже тогда следователь точно знает, как эффективней на тебя надавить.

Те длинные месяцы в следственной камере были трудными для меня, но там произошло нечто необычное. Я попросила следователя разрешить мне самой защищать себя в суде. Он отказал в моей просьбе, сказав, что у меня нет специального юридического образования. Поэтому я написала районному обвинителю с просьбой разрешить мне защищать себя в суде и с целью подготовки предоставить мне Библию и экземпляр Уголовного кодекса. После нескольких бесед следователь принес мне Библию – мою личную Библию, которую перед тем конфисковали!

Когда я увидела ее, первое, что пришло мне на ум, было то, что сказал ангел Илии, когда тот полностью изнеможенный спал под можжевеловым кустом. Ангел коснулся его и, разбудив, сказал: «Встань, ешь и пей; ибо дальняя дорога перед тобою». Тогда я поняла, что Господь дает мне еду для длительного пути. Я понимала, что срок моего заключения коротким не будет.

Моей Библией восхищались другие заключенные и охранники. Каждый раз, когда нас обыскивали, охранники осторожно переворачивали ее страницы и спрашивали, где я взяла ее и сколько за нее заплатила. Это не было простым праздным любопытством. Эти люди были серьезно заинтересованы, потому что отыскать Библию в нашей стране было очень трудно.

Никто не мешал мне, когда я опускалась на колени, чтобы помолиться в камере, и я могла читать Библию свободно. Я часто думала о тех словах в 22-м Псалме – «чаша моя преисполнена». Моя чаша действительно была переполнена, потому что Господь приготовил мне трапезу в виду врагов моих в те дни перед судом. В конце концов, начальство забрало у меня Библию, сказав, что мне выдали ее незаконно. Но я отказалась идти на допрос, пока мне ее не вернут, поэтому они возвратили мне Библию, чтобы закончить расследование.

Сам следователь заинтересовался Библией. Ему особо интересно было прочитать про суд над Иисусом, и я нашла этот отрывок для него.

– Как вы видите, история повторяется, – заметила я, когда он закончил чтение.

– Что вы имеете в виду? – спросил он.

– Так же как и тогда не было причин для осуждения на смерть Иисуса, и Его врагам пришлось искать лжесвидетелей, так же и вы ищете лжесвидетелей против меня. Они говорили, что Он выступал против цезаря, а вы говорите, что моя деятельность направлена против правительства. Пилат омыл свои руки, сказав, что он не нашел никакой вины во Христе, но все равно отдал Его на распятие. Вы говорите мне: «Нам жаль, что это с вами происходит», но в то же время вы сулите мне пятилетний приговор.

Наконец начался суд в здании суда в Ставрополе. Через два дня заседание перенесли в клуб завода «Красный металлист», где оно продолжалось два дня. Судебное заседание было открыто для публики, и по городу пронеслась весть о том, над кем будет суд и где он проходит. Из-за любопытства пришло много зрителей, особенно молодых. Пришло также много друзей-христиан. Первые два дня верующие могли пройти без проблем, но к концу суда их вытеснили. Все передние места были заняты воинствующими атеистами.

Еще во время предварительного расследования я четко дала понять, что хочу защищать себя самостоятельно. Я не соглашалась на адвоката, потому что мне не разрешали того, которого я хотела, и мне не нужна была помощь человека, который был обязан исполнять распоряжение суда. Но, несмотря на мой протест, суд все же назначил мне адвоката. Впервые я увидела ее в зале судебного заседания. Женщина была абсолютно незнакома с моим делом. Она даже не знала, почему меня обвиняют в нарушении некоторых статей Уголовного кодекса. Нам не разрешили совещаться перед судом, и во время судебного заседания нас держали на расстоянии друг от друга. Она была огорчена всем происходящим и попросила, чтобы ее отстранили как моего адвоката, сказав, что весь этот процесс был унизительным для нее как юриста и как личности. Но суд вынудил ее защищать меня, потому что ей за это платили. Я сказала суду, что я даю ей отвод в качестве моего адвоката из-за того, что я не могу доверить атеисту свою защиту. И несмотря на то, что она меня в этом поддержала, суд отказался от каких-либо изменений. Они настояли на ее участии в суде, хотя судья и его помощники постоянно перебивали ее и отказывались дать ей слово. Она негодовала по поводу происходящего и в один момент подошла ко мне и сказала:

– Извините меня, вряд ли я смогу что-нибудь сделать для вас.

– Не беспокойтесь, – сказала я, – я понимаю. Они собираются дать мне пять лет, несмотря ни на что.

Судья и его помощники по отношению ко мне вели себя предвзято, и было ясно, что кто-то командовал делом из-за кулис. Они просто следовали приказаниям. Помощник судьи даже раз сказал свидетельнице, что читать Библию вообще невозможно, поскольку та

написана на церковнославянском языке. Очевидно, что этот человек даже и не догадывался, что у нас есть Библии на русском.

Заявления прокурора, чаще всего, были не более чем атаками и обвинениями в сторону верующих. Как-то он сказал:

– Вы утверждаете, что не нарушили прав других граждан, но вы молитесь на коленях. Это очень унизительно.

Некоторые рабочие и студенты встретили его заявление аплодисментами.

– Если для вас преклонять колени унизительно, – ответила я, – то никто вас не заставляет этого делать. Для меня же это священная поза во время молитвы. И если вы объявляете это в суде в качестве обвинения, я должна ответить, что это не является законным обвинением, а скорее общественной клеветой. Нет ничего противозаконного в молитве на коленях. Это право верующего согласно его личным убеждениям. Какое вы видите в этом преступление, что используете его как повод для общественного упрека?

На этот раз часть аудитории аплодировала мне.

Когда я сделала это заявление, мой адвокат также поддержала меня. Она сказала прокурору, что он сеет вражду и ненависть на почве религиозных убеждений. Но, в конце концов, как и предупреждали сотрудники КГБ, судья приговорил меня к пяти годам заключения.

Я решила подать апелляцию по вынесенному решению. Но меня немедленно перевели в другую камеру, а все мои документы остались в прежней – обвинительный акт, переписанные мною отрывки Уголовного кодекса и все мои записи. Я письменно обращалась к тюремному начальнику с просьбой вернуть мне мои бумаги, но мне сказали, что никто ничего не знал о них и что вообще не существовало никаких документов. Поэтому мне пришлось писать апелляцию по памяти.

Две недели спустя мне вернули мою апелляцию. Я поняла, что за такой короткий период ее не могли послать в Москву на рассмотрение. Скорее всего, ее рассмотрели в Ставрополе и возвратили мне. Приговор остался без изменений.

28 января меня вызвали, чтобы перевезти в другое место, но только в поезде я узнала, куда меня посылают. Я предполагала, что меня отправят в женский тюремный лагерь неподалеку от моего дома. Вместо этого меня этапировали в Сибирь, в лагерь возле Иркутска. В одной из промежуточных тюрем я написала записку местному начальнику тюрьмы, спрашивая, на каких основаниях меня сослали в Сибирь и можно ли изменить приказ. Он ответил, что приказ пришел из Москвы и что только Москва может его отозвать.

Трудности этапирования были невыносимыми. Мы постоянно замерзали, особенно в тюремных фургонах и маленьких камерах для заключенных, прибывающих ночью. Эти камеры не отапливались, там негде было сесть, поэтому все время нужно было стоять или сидеть на полу на корточках. Поскольку я думала, что меня отправят в женский тюремный лагерь поблизости от дома, я не взяла с собой теплой одежды.

Единственной едой во время перевозки был небольшой хлебец и маленький кусочек сахара. У меня не было с собой еды в дорогу, но Господь показал Свою милость и смягчил сердца заключенных ко мне. Когда эти женщины узнали, за что меня приговорили, они стали очень заботиться обо мне и защищать. Они делились со мной своей едой, и Господь давал мне силы для дороги.

Некоторое время я ехала с женщиной, которую везли в Кемеровскую область. Мы использовали маленький полиэтиленовый пакет для хранения сахара, и он все время был наполнен почти наполовину. Люди продолжали давать нам сахар, и он у нас не заканчивался. Это напомнило мне о вдове из Сарепты, которая кормила Илию. У нее все время оставалось достаточно муки и масла – ни больше, ни меньше – и у нас оставалось достаточно сахара, чтобы продержаться во время переезда.

Я находилась в промежуточной тюрьме в Актюбинске приблизительно неделю. Камера была рассчитана на десятерых, но в ней находилось тридцать женщин. Люди спали на полу, под столом и даже возле отхожего места. В окне не было стекла, только решетка, поэтому заключенным приходилось затыкать подушки и тряпки между прутьев, чтобы защититься от холода.

Но наихудшими условия были в иркутской тюрьме, последней тюрьме на пути к лагерю. Я была в старом крыле здания. Моя первая камера была настолько переполнена, что места, чтобы спать, не оставалось даже на полу. Позднее меня перевели в другую камеру, не так сильно забитую людьми. Там тоже не было стекла в окне, и толстый слой инея покрывал все четыре стены. Теплое дыхание заключенных растапливало иней на потолке, из-за чего он таял и капал на нас днем и ночью. Было невозможно согреться. Мы находились там четыре дня, прежде чем нас посадили на поезд, идущий в лагерь вблизи поселка Бозой.

Я много слышала об этом лагере от других заключенных. Этот лагерь был основан в 1931 году на месте заброшенного кладбища, и он известен под названием «долина смерти» – из-за высокого уровня смертности. Климат там особо суровый, и очень много больных туберкулезом. Сам поселок Бозой принадлежит бурятам, которые поклоняются духам и основное верование которых – шаманизм. Говорили, когда лагерь только построили, один из местных бурятов предупредил: «Люди не могут здесь жить. Они будут болеть и умирать. Ни один тюремный начальник здесь долго не протянет». Его предсказание оказалось правдой.

Наконец-то, после более чем месяца перевозки и промежуточных тюрем в Пятигорске, Актюбинске, Оренбурге, Челябинске и Иркутске, 3 марта 1983 года я прибыла в лагерь в Бозой. Условия лагеря повергали в уныние. Нужно начать с того, что Сибирь очень отличалась от европейской части Советского Союза, это угрюмая, отдаленная территория. Бозой от Иркутска отдален на сто километров, и жители поселка говорят, что это место забыто Богом и людьми. Снабжение в лагерь доставляли на конных повозках.

Ветры в поселке Бозой очень сильные. Мое первое лето там было дождливым; наши куртки и тяжелые рабочие ботинки никогда не высыхали. Часто на земле был иней, когда мы строились на утреннюю перекличку. В лагере не было асфальта, только грязь, поэтому мы стояли в лужах во время переклички, а иногда даже приходилось пробираться до работы по колена в грязи.

Помыться также было очень нелегко. Лагерь был рассчитан на 1700–1800 человек, но фактически там находилось около 3000 женщин. Прачечная была слишком мала для такого количества людей. Поскольку воду нужно было возить в лагерь бочками, ее всегда не хватало. И даже если удавалось найти воду, нужно было еще и найти миску, чтобы ее унести. Заключенные крали воду друг у друга, чтобы попить или помыться. Ясное дело, что не было никаких стиральных или сушильных машин! Иногда мы не могли помыться из-за отсутствия воды или из-за проблем с ваннами, но администрация лагеря никогда не интересовалась тем, чистые мы или нет.

Поскольку лагерь был очень переполнен, для всех не хватало коек. Люди спали на полу и в коридорах. На протяжении двух лет у нас в бараке не было тепла. Старые деревянные бараки с печками были теплыми, но в нашем бараке было центральное отопление, которое не работало. Поэтому мы одевались перед сном так же, как и перед выходом на улицу: мы одевали на себя все, что имели. Часто приходилось укрываться матрасами, чтобы не замерзнуть окончательно. Ночью я просыпалась, потому что мое лицо и нос замерзали, и я прятала нос под одеяло, чтобы его согреть, а потом опять высовывала наружу, чтобы дышать. Так продолжалось всю ночь.

Все в бараке было замерзшим – пласты льда покрывали окна, толстый шар инея облеплял стены и потолок. Так же, как и в иркутской тюрме, когда заключенные возвращались в барак вечером, чтобы поспать, тепло их дыхания растапливало иней на потолке, и он начинал капать. Поскольку кровати были постоянно влажными, согреться было невозможно. Поэтому все с радостью шли на работу: мы могли двигаться, и рабочее помещение отапливалось.

Меня назначили в отдел раскройки материала для шитья. У нас был ненормированный рабочий день. Мы работали, пока не выполним норму. Мы начинали в 5:30 утра и часто работали до 2:00 или 3:00 ночи. Потом мы спали несколько часов и возвращались к работе. Работа была очень тяжелой и практически не механизированной. Но Бог очень четко отпечатал одну истину на моем сердце: что Бог посылает и какие трудности Он допускает – этому суждено случиться. До отправления в Бозой я молилась, чтобы, куда бы меня ни послал Бог, Он дал мне силу работать. Сначала мне было очень трудно

физически, но Бог сохранил меня по Своей милости и по молитве моих друзей из церкви.

Мой первый официальный разговор в лагере был с моей бригадиршей. Администрация тюрьмы смотрела на христиан с подозрением. Они не знали, чего от нас ожидать и опасались жалоб, агитации и отказа работать. Бригадирша всячески мне угрожала, но Господь дал мир в мое сердце. Я сказала ей: «Я хочу выпить чашу, уготованную мне Господом. Я с готовностью следую за Богом, и Он даст мне силу».

Как только я прибыла в лагерь, то сообщила начальству, что я христианка и не буду работать в христианские праздники, такие как Рождество, Пасха и Троица. Я сказала, что мне вынесли приговор за мои религиозные убеждения, а не за преступление. Но я добавила, что работать не отказываюсь: буду дополнительно работать в рабочие дни, чтобы наверстать работу, пропущенную мною в праздники. Администрация не знала, как на это отреагировать. Они наблюдали, что же буду я делать.

Мое первое испытание было на Пасху. Я не видела своей семьи, за исключением коротких пятнадцати минут после суда. Я ожидала, что они приедут в лагерь для запланированного визита и привезут теплую одежду, мыло, шампунь и другие необходимые вещи. (Я не зарабатывала достаточно, чтобы что-нибудь купить в лагерной лавке.) Я понимала, что меня могут наказать за то, что я не работала на Пасху, и поэтому не боялась, что меня посадят в карцер, но очень переживала, что мне могут запретить увидеться с семьей. Как оказалось, Господь полностью обо всем позаботился. Мне разрешили отработать в другой день, а также увидеться с семьей. Когда я проснулась пасхальным утром, я поприветствовала всех в бараке:

– Христос воскрес!

Многие мне ответили:

– Воистину воскрес!

В каждый из христианских праздников я брала выходной. Позже Господь давал мне силы выполнить двойную норму в другой день, так что работа не страдала и никому из заключенных не приходилось

выполнять мою работу. Я всегда старалась сделать как можно больше и помочь другим женщинам. У меня было много возможностей помогать другим, и поэтому они были добры ко мне.

Поначалу другие заключенные относились ко мне недоверчиво. Они не очень-то смотрят на то, за что тебя осудили; они смотрят лично на тебя и следят за каждым шагом. Они обращают внимание на то, как ты относишься к другим людям. Если ты им понравишься, они начнут интересоваться тем, во что ты веришь. Их интересовало все обо мне. То, что я молилась, вызывало много вопросов. «Как ты молишься?» – спрашивали они. «О чем ты молишься? И почему ты получаешь так много писем?» Я давала им почитать эти письма, и вскоре они начали первые проявлять инициативу и просить прочесть их. Они спрашивали, можно ли им взять закладки со стихами из Библии, которые мне присылали, и они начали просить меня рассказать им что-нибудь из Библии.

На праздники я иногда получала три-четыре сотни открыток. Забота моих друзей чрезвычайно ободряла мой дух и очень радовала, что выливалось на других заключенных. Они приходили ко мне и спрашивали: «Сколько открыток ты получила сегодня? Как, это же больше, чем вчера!» Они сами продолжали считать. Каждый день приходило по двадцать-тридцать открыток. Между праздниками, когда писем было меньше, охранники и заключенные спрашивали: «Почему так мало писем? Неужели твои друзья тебя уже забыли?» Они очень тщательно следили за моей корреспонденцией и всегда хотели увидеть письма.

Несколько женщин переписали стихи и Псалмы из моих писем и выучили их наизусть. Однажды произошло нечто интересное. В общем, у нас не было времени сидеть и читать, потому что все наше время было занято или работой, или сном. Один друг-христианин прислал мне письмо, в котором было стихотворение Николая Мельникова «Роза и колючая проволока». Я дала его почитать женщине в бараке, и она переписала его. Вскоре после этого, когда я работала за своим столом, я услышала хор голосов, поющих в унисон: «Письма от любимых скрывают…» Я приподняла голову и увидела, что на одном из рабочих мест женщины вместе учат стихи Мельникова. Мне было немного стыдно, что *они* заучивают стихотворение, я же смогла

выучить очень мало из стихов, которые присылали мне мои друзья. В другой день ко мне подошла одна женщина и сказала: «Я научилась петь гимн, который ты мне дала: «Господь, научи меня молиться». Она придумала свою мелодию, а я и не пыталась научить ее настоящей. Я просто радовалась, что она его выучила.

Один очень трогательный инцидент, связанный с моей почтой, произошел тогда, когда мне на Пасху пришла посылка от христиан из другой страны. Согласно правилам лагеря, мне должны были вручить посылку, поэтому меня вызвали в кабинет. Но когда охранники увидели, что посылка была из-за границы, они не хотели отдавать ее мне без предварительной проверки КГБ.

– От кого она? – спросили меня. – Что в ней? Вы должны отказаться от нее. – Они сказали мне написать отказ от посылки, указав, что она мне не нужна, а потом возвратить ее отправителю.

Я ответила, что не собираюсь отказываться от нее, и поскольку посылка прошла таможню, мне должны разрешить ее забрать. И они наконец-то отдали ее мне. В посылке находился очень милый, теплый, вязаный шарф. Для меня было очень трогательно, что эти люди думали обо мне здесь, в Сибири, что они молились и послали мне этот шарф, чтобы согреть и защитить от болезни. Господь использовал этот и многие другие случаи, чтобы постоянно мне напоминать, что меня не забыли мои друзья, церковь и даже христиане из других стран.

Также я была очень растрогана письмами от детей, которые подписывались «Надя, 7 лет» или «Наташа, 8 лет». С простой детской искренностью они пытались облегчить мою ситуацию. Ноша и нужды церкви уже стали ношей их маленьких сердец. Господь пробудил в них сострадание и готовил их принимать участие в служении Божьему народу.

Иногда друзья мне писали: «Мы не получаем ответов от тебя и не знаем, стоит ли продолжать писать тебе письма. Кажется, что письма просто не доходят до тебя». Но одна подруга придумала решение этой проблемы. Она стала нумеровать свои письма. Я получила №1, №3 и №10, но не получила промежуточных номеров. Я была поражена твердой верой этой сестры. Она писала: «Независимо от того, получаешь ты мои письма или нет, я буду продолжать тебе писать. Я

делаю это как служение Господу. Я взяла обязательство писать тебе, и я буду продолжать писать». Господь дал мне такую радостную дружбу с этой женщиной.

Несомненно, все письма сначала читают цензоры, охранники и агенты КГБ, и я верю, что Слово Божье не возвращается пустым. Если я не получала какие-то письма, их читали другие, и Слово Божье сделает нужную работу в их сердцах в свое время. А те письма, которые я получала, я отдавала другим с твердой уверенностью, что Господь сделает Свою работу и в их жизни.

На одно Рождество я получила письмо от друзей из Омска, в котором находились еловые веточки. Я выложила веточки на стол и предложила другой женщине устроить небольшой праздник. У меня была кое-какая еда из посылки, чтобы с ней поделиться. Она стояла и очень застенчиво слушала, как я молилась, но после того ее отношение к Богу поменялось кардинально. Она начала задавать вопросы и даже читала мою Библию. Позднее она сказала мне по секрету: «Я думала, что все верующие – плохие люди. Мне всегда говорили, что христиане – преступники».

То Рождество я никогда не забуду!

Одним из наиболее удручающих аспектов лагерной жизни была подавляющая атмосфера зла. Люди вокруг меня постоянно сквернословили друг друга. Были времена, когда мне казалось, что я не могу молиться, что небеса были запечатаны и безмолвны. Невозможно было побыть наедине. Как-то раз я настолько была встревожена своим духовным состоянием, что решила пойти в одно из запрещенных мест за строениями, чтобы побыть наедине и помолиться. Но когда я пошла в том направлении, охранник заметил меня и крикнул, чтобы я возвращалась к работе.

Господь видел мою нужду и по Своей милости послал мне сестру-христианку по имени Наташа из Новокузнецка. Она удивительная христианка с прекрасным характером, исполненная мира, было очевидно, что Господь пребывал с ней. Господь послал ее, чтобы дать мне облегчение в трудный период. Мы вместе много молились и всегда старались поддержать друг друга на руках молитвы. Я помню, как мы часто встречались на улице вечером под открытым небом. Мы не

могли оставаться там долго, потому что температура часто опускалась ниже – 40 С, и наши рабочие ботинки не удерживали тепло, так что ноги быстро замерзали. Мы пели и молились несколько минут, возвращались в свои отдельные бараки, чтобы немного согреться, а потом опять встречались на улице. Иногда мы стояли молча, просто смотрели вместе в небеса. Ничто как небеса не было так дорого для нас.

Физические условия в лагере были настолько суровыми, что я не была уверена, что выживу. Иногда моим единственным желанием было, чтобы Господь поспешил и забрал меня к Себе домой. Но Наташа очень меня ободряла. Она имела чрезвычайно сильное положительное влияние на мою жизнь. Часто я думала, что Господь послал ее в тот лагерь только ради меня.

Каждый раз, когда мы получали известия о том, что арестовывали других христиан, наши сердца наполнялись болью, и мы взывали к Богу: «О, Господь, сколько еще Твои люди будут жертвами? Помоги Своим людям, Господи». Было особенно тяжело слышать о тех, чьи приговоры продлевали. Я представляла, каким это было горем. Я сама знала, как трудно, когда твои силы на пределе. У меня было тайное желание – если бы можно было вернуться домой на месяц или хотя бы на неделю, чтобы увидеться с друзьями, побывать хотя бы на одном богослужении, а потом возвратиться сюда к этим людям. Но Господь имеет Свои планы для каждого из нас. Он не разрешил мне выйти раньше срока, но Он разрешил мне иметь Его Слово. Мое сердце переполняла благодарность за то, что Он говорил ко мне через Писание.

Нас с Наташей очень поддерживали письма друзей. Вечерняя почта всегда была праздником. Мы показывали свои письма друг другу. Особо ободряло, когда Господь использовал некие стихи из Библии, помещенные кем-то в письмо для поддержания наших сердец, чтобы ответить на наши вопросы или помочь в конкретной нужде. Например, мне приходилось работать очень много часов, чтобы выполнить свою норму. Сначала я считала эту работу ношей. Я сравнивала себя с Самсоном. «*Сколько еще мне придется вращать эти жернова?*» – спрашивала я себя. Но потом друзья прислали мне открытку со стихом «И все, что делаете, делайте от души, как для Господа». Господь ясно мне показал, что я должна выполнять мою работу, как и все другое в

жизни, во имя Господа и для Господа. Я должна была попросить у Него прощения за это, и я попросила Его дать мне возможность делать мою работу хорошо и делать ее для Него. Господь дал мне настоящую победу в этом, и Он подарил мне такие успехи и способности в моей работе, что к концу моего срока, по Его милости, я стала производственным специалистом! Надсмотрщицы в рабочем отделе даже стали ко мне обращаться с вопросами и просили меня о помощи. Конечно, я была рада им помочь, и поэтому они любили и уважали меня, хорошо ко мне относились.

На протяжении всех лет моего заключения я молилась Богу в различных местах и ситуациях. Я знала, что, где бы я ни была, Господь был со мной и слышал меня. Поздно ночью я выходила на леденящий холод на несколько минут, чтобы помолиться с Наташей. В другое время, когда заключенные засыпали, я становилась на колени, чтобы помолиться. Потребностью моего сердца было просто побыть наедине с Богом, поговорить с Ним, излить душу, отдать Ему все мои заботы и поблагодарить Его за теплое присутствие со мной. И Господь посещал меня в те часы молитвы.

Я также молилась за столом перед едой. Я всегда вставала и молча про себя молилась. Но была одна женщина, которой не нравилось то, что я молилась. Я часто говорила с ней о Господе, но она со мной не соглашалась. Она была воспитана в православной семье и считала, что нельзя менять свои взгляды на Бога. Но Господь работал с ней интересным образом. У нее были проблемы с поясницей, что переросло в серьезное воспаление. Когда ее состояние ухудшилось и она не могла работать, я помогала ей изо всех сил. Я практически делала за нее ее работу, помогала ей одеваться и приносила еду. Она смотрела на меня со слезами на глазах, потому что в лагерях все обычно думают только о себе. Если кто-то заболевает, он стает никому не нужным, его оставляют без посторонней помощи. В основном у людей есть сила заботиться только о своих потребностях, а нести ношу другого человека очень трудно. Поэтому, когда христианин берет на себя чужую ношу, это производит впечатление на других. Я думаю, что это наибольшая возможная проповедь в лагере – делать другим добро во имя Господа. В свою очередь, Господь давал мне силы делать свою работу, а также помогать этой женщине.

Когда состояние этой женщины стало критическим и она стала совершенно беспомощной, я предложила ей помолиться об исцелении. Я верю, что Господь дал это желание в мое сердце. Она встала возле меня, и мы молились. Я призывала Господа, а она стояла возле меня с сильным недомоганием, плакала и, возможно, молча молилась про себя. Когда я закончила, она сказала: «Аминь». После того, как мы помолились о ее спине, Господь послал ей облегчение, и она стала поправляться. Она сказала мне: «Тебе не нужно больше ничего мне говорить, потому что я знаю, что Бог исцелил меня». До окончания своего срока эта женщина больше не имела проблем со спиной, хотя раньше на свободе она всегда страдала от приступов боли весной и осенью. Там в лагере, после того как Господь исцелил ее, она начала молиться и интересоваться Словом Божьим. Каждый раз, когда мы были вместе за едой, она просила меня помолиться вслух. Она вставала возле меня, а в конце молитвы говорила «Аминь», на виду у всех.

Другая женщина, с которой я немного разговаривала, начала читать Библию и молиться, иногда мы молились вместе. Для меня было очень важно слышать, что она благодарит Бога за то, что Он послал одну из Его детей к ней в заточение. Она говорила: «Господь, Ты послал Валентину ко мне сюда, и я благодарю Тебя за нее!» Подобные молитвы укрепляли мое собственное доверие к Господу и наполняли мое сердце благодарностью за то, что у Бога есть замысел, когда Он посылает Своих детей туда, куда посылает.

Был некий период в лагере, когда никто не проявлял особого интереса к Богу и никто ничего о Нем не спрашивал. Тогда одна женщина сказала мне:

– Какая цель твоего служения здесь? Нет никакого смысла. Все, что ты делаешь, тщетно!

– Даже если никто не интересуется, – ответила я, – я довольствуюсь тем, что могу быть здесь и просто молиться за этих людей, быть напоминанием о Божьей милости, долготерпении и Его призвании к покаянию.

Господь приводил тех людей на мой жизненный путь, с которыми Он хотел, чтобы я поговорила, и я верю, что Он будет продолжать приводить их ко мне. Семя Евангелия было посеяно в жизни многих.

Пускай Господь позволит, чтобы это семя произрастало и чтобы больше людей пришло к Нему.

Были, конечно, и те, которые, с тех или иных причин, сотрудничали с КГБ. Я уже встречалась с этим в тюрьме. Начальство составляло мой подробный психологический портрет. Вопросы, которые мне задавала бригадирша, агенты КГБ и другие, были очень индивидуальными, продуманными так, чтобы можно было получить четкую картину характера человека и его личности. Очевидно, это делают на будущее, чтобы в КГБ знали, как обращаться с человеком и как оказывать на него давление. У меня сложилось впечатление, что КГБ составляет такое дело на каждого христианина, и оно следует за ним со свободы в тюремный лагерь и обратно на свободу.

Отвечая на некоторые вопросы, которые мне задавали агенты КГБ, я сказала:

– Похоже, что вы уже консультировались с КГБ в моем родном городе.

Они засмеялись и ответили:

– Да, мы уже с ними поговорили.

Тогда я ответила:

– В таком случае нет смысла продолжать разговор. Не нужно мне задавать те же вопросы во второй раз.

На протяжении моего пятилетнего заключения начальство наблюдало за мной, изучало меня, пыталось определить мои слабости и подчинить меня своим условиям. Иногда они предлагали мне привилегии и особые условия. Например, вопрос краткосрочных свиданий. Моя семья не могла себе позволить долгий перелет в Сибирь ради двухчасового свидания со мной, поэтому начальство лагеря разрешило вместо этого приезжать некоторым моим друзьям-христианам из Иркутска. Но после первого визита представители КГБ начали выдвигать условия. Они сказали, что разрешат еще одно свидание с христианами из Иркутска, если я уговорю их быть более лояльными к властям. Я, конечно же, отказалась и сказала:

– Нет, спасибо. Мне не нужно свидание. Я в порядке.

Это их очень разозлило, и они насмехались:

– Мы видим, что вы в порядке. Все просто прекрасно.

Но Господь дал мне силы быть непоколебимой.

В другой раз сотрудники КГБ очень интересовались моей личной моральностью и моими отношениями с другими людьми. Например, они хотели узнать, способна ли я предавать других, поэтому предложили мне работать на КГБ в лагере и доносить на других заключенных. Они даже спрашивали меня, нет ли у меня жалоб на администрацию лагеря. Это было одной из основных тактик: попытаться сделать так, чтобы я жаловалась на жизнь в лагере. Кажется, что дьявол думает, что, если ему удастся соблазнить человека на такой грех, он завладеет его душой. Они предложили перевести меня в лагерь поближе к дому, если я буду сотрудничать, но я отказалась, сказав: «Если бы мне было от вас что-то нужно, я бы уже давно согласилась и не получила бы этот пятилетний приговор». Потом они предложили позволить мне учиться в государственном университете на философском факультете, сказав, что у меня есть к этому способности. Я знала, что лесть была еще одной тактикой, и ответила: «Спасибо, но я уже имею образование – четыре года училища».

Кроме того, что мне задавали вопросы, сотрудники КГБ внимательно следили за тем, как я веду себя в лагере. Они хотели знать мои тайные мысли, чтобы увидеть, становлюсь ли я слабой. Как-то они сказали: «Что с тобой случилось? Когда ты только приехала, ты улыбалась чаще. Ты что, уже обессилила?» Но Господь использовал даже эти слова, чтобы ободрить меня. Я научилась постоянно узнавать, чувствовать Божью милость и радоваться в ней.

Агенты КГБ также хотели знать, кто мне писал, и интересовались письмами, которые писала я. Они очень хотели узнать, что для меня было особенно трудным, чтобы усугубить мое состояние и сломать мой дух, и таким образом заполучить контроль надо мной. Каждый раз, когда я получала письма, офицеры спрашивали других женщин в бараке: «Какой была ее реакция на письма? Которые письма ее огорчили, а какие обрадовали?» Я узнала, что некоторые люди пишут на меня доносы. Записи о перевоспитании, которое проводится с

каждой заключенной, сохраняются. Я узнала из надежного источника, что информация обо мне собиралась и обновлялась каждые три месяца, иногда даже чаще. Сюда входили отчеты моей бригадирши, руководителей рабочего отдела и многих других.

Один человек, государственный чиновник, особенно часто вызывал меня для разговоров, и я смогла узнать, что он писал обо мне. В отчете он писал, что на протяжении нескольких лет проведено ряд бесед со мной на различные темы. Он сказал, что определил уровень моих знаний и мои взгляды и пришел к заключению, что общее направление моей жизни было правильным и здравым – за исключением моих религиозных взглядов. Он отметил также, что, несмотря на то, что я окончила только средний уровень специального образования, я была очень сообразительной и остроумной, могла быстро опровергать приведенные аргументы, а свои аргументы подтверждать логично, цитируя Библию. В заключение он прогнозировал, что после окончания моего срока я вернусь к своей религиозной деятельности. Очевидно, что сотрудники КГБ имели различные источники – заключенных и штатских должностных лиц, но информаторы друг друга не знали.

1987 год я встречала еще в лагере. В канун Нового года я собрала наиболее близких мне женщин, и мы вместе проводили это время. Мы приберегли немного еды для такого случая. После ужина они попросили меня рассказать им историю о Рождестве. Затем некоторые задавали вопросы о жизни Христа. В заключение я продекламировала несколько стихотворений и каждой приготовила особенные новогодние пожелания. Но потом они попросили меня рассказать им еще что-нибудь. Обычно я дарила им закладки, но их у меня уже не осталось. Тогда Господь положил мне на сердце подарить каждой из них стих из 118-го Псалма. Я предложила, чтобы каждая из женщин назвала число, а я прочитала соответствующий стих. «Примите это как дар от Господа, – сказала я, – как путеводитель в новом году». И когда я прочитала им стихи, все были восхищены, говоря: «Надо же, этот стих идеально мне подходит!»

Перед моим освобождением 23 января меня вызвали сотрудники КГБ. Они задали мне ряд вопросов и хотели знать, изменила ли я свои убеждения. Каждый раз, когда они меня об этом спрашивали, я

задавала встречный вопрос: «На что я должна их поменять?» Они никогда не могли предложить что-нибудь взамен, поэтому вопрос отпадал сам собой. Наконец они спросили:

– Как власти примут вас, когда вы вернетесь домой?

– То, как они примут меня, будет зависеть от дела с психологическим портретом, который вы им пришлете, – ответила я.

Тогда они начали смеяться и сказали:

– Хорошо, мы видим, что здесь происходит. Вы можете идти.

С другими заключенными мы расстались в хороших отношениях. Многие благодарили меня за открытки, которые я им дарила, за мои молитвы и поддержку, и просто за то, что разделила их участь. Большинство охранников и администрации лагеря тоже попрощались со мной. Меня вывели к воротам в 9.00, как раз, когда они шли на работу, и все они прощались со мной, желали всего наилучшего и говорили не возвращаться сюда, потому что это место не для меня! Они осознали, что верующие – не преступники, и Господь расположил их сердца ко мне. Я вспомнила стих из Библии, где сказано, что, когда пути человека угождают Господу, Он примиряет с ним даже его врагов. Это был еще один пример Господней милости ко мне.

Начальник лагеря поручил одному охраннику отвезти меня в областной центр на своей машине, потому что от лагеря нет рейсовых автобусов. Возможно, его мотивом была не только доброта, а желание удалить меня подальше от лагеря и от поселка Бозой как можно быстрее, чтобы никто из моих друзей из Иркутска не мог меня встретить возле лагеря, петь и фотографировать.

Во время всего моего срока люди спрашивали меня: «Разве ты не жалеешь о времени, которое ты здесь потеряла?» Следователь спрашивал меня об этом, пока я находилась в тюрьме до суда, а также охранники и заключенные задавали мне тот же вопрос в лагере. Господь давал мне в сердце разные ответы, но основная идея всегда была одной и той же: «Если Божий Сын добровольно поднялся на крест за меня, что в сравнении с этим пять лет моей земной жизни?»

Некоторые люди могут также сказать: «Ты можешь сделать больше, будучи на свободе. Ты можешь верить во все, что хочешь, просто

научись быть гибкой, чтобы находить компромиссы. Ты нужна церкви, ты принесешь больше плода дома. Зачем тебе быть в тюремном лагере?»

Но Господь заверил меня, что мое пятилетнее путешествие было перед Его глазами. Служение, которое Он мне дал в тюремном лагере, было той работой, которую Он хотел, чтобы я выполнила. Я уверена, что если бы я пошла на компромиссы ради досрочного освобождения, Господь не дал бы мне такого спокойствия совести и радости, и что наиболее важно, я бы не получила драгоценное сокровище на небесах.

Во время моего пятилетнего заключения я часто думала о стихе в Римлянах 8:37: «Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас». Только благодаря Божьей милости я смогла идти Его путями, выполнять работу, которую Он мне дал, и превозносить Его имя перед заключенными и охранниками. Иногда у меня не хватало силы даже молиться; я могла только возводить глаза к небу в беззвучном рыдании. Но Господь очень любит и сочувствует через помощь, которую Он посылает Своим людям. Через Его силу – а не мою – я тоже могла быть непоколебимой и все преодолевать.

3: Владимир Рытиков

Сокамерник лжехриста

Владимиру Рытикову (1959 г. р.) было всего 20 лет, когда милиция арестовала его в августе 1979 года вместе с его отцом Павлом и еще одной христианкой Галиной Вильчинской за проведение библейского обучения детей. После освобождения Владимир был вынужден заниматься своим служением подпольно. Он женился в 1984 году на Людмиле Юдинцевой, сестре бывшего заключенного за Евангелие Андрея Юдинцева (см. главу 1).

Летом 1979 года мы с моим отцом и Галиной Вильчинской помогали организовать библейский лагерь в Закарпатье для более тридцати детей. Большинство из них были детьми заключенных, отцы некоторых детей уже отбывали второй или третий срок в тюрьме. Нашей целью было обогатить детей духовно живым Божьим Словом, а также дать им возможность отдохнуть и возобновить силы перед началом учебного года.

Возвращаясь домой из лагеря, мы были задержаны милицией на железнодорожной станции Львова в шесть часов утра. Нам объяснили: «В поезде убили человека, а его вещи украли. На вас падает подозрение, поэтому мы забираем вас в отделение милиции».

Они схватили нас за руки и увели. Нас содержали несколько часов. Потом прибыл майор КГБ Малышев, представившись майором милиции Стаценко. Он приказал нас перевезти в другое отделение, где мы ожидали до одиннадцати часов вечера, пока доставят ордер на наш арест. После нас перевезли в другую тюрьму, где содержали месяц.

На протяжении этого месяца следователь и агент КГБ допрашивали каждого из нас отдельно. Потом они строчили доклады с ложными утверждениями о наших церквях и пытались заставить меня подписать

эти документы. Тогда я перестал отвечать на их вопросы, я не подписывал доклады и не признавал себя виновным. Я вообще не давал никакой информации! В ответ на их крики и угрозы я пытался оставаться умиротворенным. Как-то раз Малышев (под вымышленным именем Стаценко) сказал мне: «Ты хочешь стать героем веры, как Ваня Моисеев? Мы можем тебе в этом помочь!»

Информаторы, переодетые в заключенных, часто пытались вытянуть из нас информацию для КГБ, услышать оговорки в разговоре. Как-то раз, когда я лежал на своих нарах, в камеру привели нового заключенного. Он был среднего роста, с длинными волосами и бородой. Он выглядел точно так же, как всегда изображают Иисуса на картинках. После того, как он поговорил с другими заключенными, он сел возле меня и спросил:

– Ты верующий?

– Да, – ответил я, внимательно за ним наблюдая.

– Ты веришь в Бога? Ты веришь в Иисуса Христа?

– Да.

– Я – Христос, – сказал он и начал рассказывать мне по памяти различные истории из Библии. Он отлично знал Библию.

– Очень скоро я буду судить мир, – сказал новоявленный «Христос» заговорщическим тоном. – Первый раз я пришел спасти людей, но теперь я пришел для суда.

– Как ты можешь быть Христом? – спросил я. – Христос придет во славе, а не в человеческом подобии, как Он сделал в первый раз.

– Но именно так я пришел, так, как ты меня видишь!

– Как ты можешь говорить, что ты Христос, когда используешь такой грязный язык? А твоя жизнь по твоим описаниям полна греха.

– Я не использую ругательств, когда говорю с тобой. Я ругаюсь, когда говорю с неверующими. Разве ты не помнишь, как я выгнал хлыстом продавцов и покупателей из храма? Я разгневался на них! Я показываю свою ярость и использую ругательства только по отношению к неверующим.

Я пытался его игнорировать. Я встал и начал ходить по камере, напевая себе: «Любовь Христа безмерно велика...»

Он подошел ко мне и сказал: «Ты поешь обо мне». Он пытался выучить слова и мне подпевать.

Как-то раз, когда мужчин из папиной камеры вывели в прогулочный дворик, я приподнялся к окну. Человек, называющий себя Христом, сделал то же. Он копировал все мои движения, подражал каждому моему жесту.

Я позвал из окна:

– Папа, этот человек говорит, что он Христос и что он пришел судить мир!

На следующий день я снова поднялся к окну. Этот мужчина сделал то же.

– Папа, – крикнул я, – как он может быть Христом, если он ругается и использует грязный язык? Он лжехристос!

– Именно так и есть, – ответил отец, – он – лжехристос!

После этого тот человек перестал меня донимать.

Приблизительно через месяц меня, папу и Галину перевели в другую тюрьму. Когда я вошел в камеру, то сказал:

– Мир вашему дому!

Заключенные ответили:

– С миром принимаем!

Они были настроены на разговор. Они задавали вопросы о моей вере, о Боге, а также спрашивали, по какой статье Уголовного кодекса меня обвиняют. Когда я объяснил, многие были удивлены и возмущены. «Как такое может быть? Тебя посадили в тюрьму за веру в Бога? Но у нас нет законов против веры».

Я находился в той камере приблизительно два месяца. Сначала другие заключенные относились ко мне очень хорошо. Но потом в тюрьму пришли следователь и агент КГБ Малышев и начали вызывать заключенных, настраивая их против нас. Они говорили, что мы только

притворяемся верующими, а на самом деле нас арестовали на вокзале, что у нас были ножи, с которыми мы бросались на пассажиров и заставляли их поверить в Бога. Отношение заключенных к нам стало меняться. Они возвращались с этих разговоров и кричали: «Вы врете о том, что вы верующие! Вы просто антисоветчики!»

Сначала я пытался объяснить, но понял, что это бесполезно. Потом я просто пытался хранить молчание. Ночью, когда я спал, другие заключенные бросали в меня ботинки или поливали холодной водой.

После возвращения домой Валентина все еще улыбается.

Валентина с молодежной группой из своей церкви.

Как-то меня перевели в камеру для троих людей. Другой человек в камере был арестован за взяточничество, а в тюрьме работал доносчиком. Его отношение ко мне было абсолютно неподобающим. Он вел себя отвратительно со мной, например, плевал в мою еду. Он пытался выудить из меня информацию для следователя, но ему не удавалось. Я находился с ним шесть месяцев.

Следствие тянулось год. Старший следователь Шемчук из прокуратуры Львова часто приходил допрашивать меня. Он угрожал упечь меня в психиатрическую больницу. Раз он позвал меня к себе в кабинет, его глаза были налиты кровью, а у рта была пена. Он схватил острую ручку и бросился на меня. Он водил ручкой перед моими глазами и приставлял к шее, а второй рукой мне в лицо тыкал документы, требуя, чтобы я их подписал.

Но Господь дал мне мир в сердце, и эти угрозы не огорчили меня. Мое спокойствие приводило Шемчука в бешенство. «Ты психопат, – кричал он, – погоди, мы закроем тебя в психушке!»

В моей следующей камере ядовитый дым валил из разбитого окна. Привели другого заключенного. Дым в камере был настолько густым, что мы даже не могли видеть свет через непроглядную завесу. Не было

чем дышать. Мы стали барабанить в двери и звать охранников, чтобы нас забрали или закрыли окна, но никто не обращал на нас внимание.

Каждый день следователь вызывал меня на допрос и спрашивал: «Как твоя голова? Не болит? Готовься к психушке!»

Моя голова действительно болела из-за дыма, и я чувствовал тошноту. С Господней помощью я смог послать из тюрьмы письмо моей семье. В течение недели моя мама приехала в тюрьму и поговорила со следователем.

После этого начальник тюрьмы вызвал меня. Он был удивлен. «Скажи на милость, как твоя мать узнала, что с тобой здесь происходит?»

Потом Кницук, руководитель оперативного отдела, стал кричать на меня и использовать гнуснейший язык. «Погоди только, попадешь ты в лагерь! Я о тебе там позабочусь!»

Наконец, после более года в тюрьме меня, отца и Галину привели в суд, который длился три дня. Нас обвиняли в том, что мы ездили из города в город, убеждая людей не посылать детей в школу, а вместо этого учить их религии. Я отрицал, говоря, что мы никогда не делали ничего подобного. Поскольку мы были невиновны, наши обвинители не могли предоставить убедительных аргументов против нас. Но областной суд все равно нас осудил. Каждого из нас приговорили к трем годам тюремного заключения.

В ноябре 1980 года мне сказали, чтобы я собирал вещи и готовился к этапу. Меня привезли на железнодорожный вокзал. Нас с Галиной посадили на один и тот же поезд. Мы ехали несколько дней до Харькова. Моего отца оставили во Львове еще на две недели.

Из Харькова мы три дня ехали в Свердловск. В харьковской тюрьме Господь послал нам особое благословение. Мы встретили наших друзей Тамару Быстрову и Сергея Бублика, которых арестовали за работу с командой издателей, их везли из тюрьмы в Днепропетровске в лагерь, Сергея – в Красноярский край, а Тамару – в Челябинск. Это была очень радостная встреча. Мы молились, чтобы Господь подарил нам еще одну встречу в лагере или где-нибудь по дороге, где Он будет

считать подходящим. И Господь исполнил наше желание: Сергей и я ехали в соседних вагонах, а Тамара и Галина ехали вместе.

Когда мы добрались до свердловской тюрьмы, нас с Сергеем поместили в одну камеру! Мы обнялись и заплакали, потом поблагодарили Господа за то, что Он нас сохранил. Мы поддерживали и утешали друг друга. Мы были вместе с Сергеем четыре дня: пели, цитировали стихи из Библии и молились о том, чтобы Господь защитил сотрудников издательства «Христианин».

Свердловская тюрьма – это ужасное место. Это центральная пересылочная тюрьма России. Мы заметили, что стены были красного цвета, но сначала не поняли почему. Но когда мы лежали на нарах, то увидели, что стены буквально кишели насекомыми, которые падали на нас и безжалостно кусали.

Наша камера была очень переполнена. Она была рассчитана на тридцать человек, а находилось в ней сто двадцать. Заключенные приходили усталыми и валились с ног. Там не только не было места, чтобы лежать, там едва хватало места, чтобы стоять.

На пятый день мне пришлось расстаться со своим дорогим другом Сергеем, который остался в Свердловске. Меня забрали в Новосибирск, а потом в Иркутск. Вся поездка из Львова до Иркутска длилась месяц. Когда мы туда добрались, уже наступил декабрь. Транзитная камера в Иркутске была переполненной и холодной, в окне не было стекла, и не было где сесть. Было настолько холодно, что я не мог даже спокойно стоять.

2 декабря я наконец-то прибыл в конечный пункт назначения – трудовой лагерь в городе Тулун. Там находился молодой адвентист, которого приговорили за его убеждения, он был очень добр ко мне. Он дал мне валенки и телогрейку. Также у него была Библия. Я не держал в руках эту священную Книгу больше года, а он дал мне ее на целый месяц! Как же я торжествовал с бесценным Божьим Словом!

Многие заключенные спрашивали, за что меня приговорили. Когда я им говорил, они удивлялись и возмущались, узнав, что христиан в нашей стране сажают в тюрьмы. Но некоторые просто мне не верили. В

те дни у меня было много возможностей поговорить о Господе и любви Христа.

В январе с запланированным визитом ко мне приехала мама. Но в тот день, когда она приехала, бараки будто бы закрыли на карантин. Во время настоящего карантина заключенным не разрешают выходить из бараков без охраны, а дневных рабочих не пускают в лагерь. Но в этом случае люди продолжали входить и выходить, как обычно – не пускали только мою мать! Она решила остаться в Сибири на два месяца, дожидаясь отмены карантина. Она мне часто писала из Красноярска. В это время мои младшие братья и сестры были оставлены под присмотром нашей девяностолетней бабушки.

Первых полгода в лагере я работал на лесопилке и зарабатывал в месяц четыре с половиной рубля. Потом поставки древесины в лагерь прекратились, и работы не было.

Как-то раз появился сотрудник КГБ Петров и вызвал меня в кабинет.

– Ситуация для христиан здесь, в Сибири, проще, чем в Украине, откуда ты родом, – сказал он. – Послушай, ты можешь нам помочь. Напиши письмо своим друзьям-христианам. Убеди их зарегистрировать церковь. Если ты нам поможешь, мы пошлем тебя в лучший лагерь или даже освободим тебя досрочно.

Петров трижды вызывал меня, прежде чем понял, что я не собираюсь сотрудничать. Потом руководство начало закрывать меня в карцере. Первый раз меня заключили туда на пять дней, предположительно за то, что я не работал со своей бригадой, хотя я ни разу не покидал бригаду.

Когда моя мама приехала для следующего запланированного визита, меня посадили в карцер на пятнадцать дней. Когда я узнал, что она в лагере, я объявил голодовку; тогда меня наконец-то выпустили и позволили с ней увидеться.

После свидания с мамой дни тянулись медленно. Потом, 5 мая, за три месяца до моего освобождения, меня вызвали и сказали, что у меня есть тридцать минут, чтобы собрать вещи и приготовиться к переезду. Я смог взять свои фотографии и записную книжку со стихами из

Библии, прежде чем меня забрали в специальную тюрьму в городе Тулун, где поместили в крохотную камеру. Окно там было довольно большое, и в нем не то чтобы стекла, а даже рамы не было. Я не мог лежать ночью, потому что было невыносимо холодно, так же, как и на улице, а в Сибири даже в мае может быть очень холодно.

На следующий день меня вызвали в кабинет тюремного начальника. Когда я вошел, то увидел капитана КГБ Петрова. Начальник тюрьмы стал расспрашивать меня о моей вере, о Боге и по какой статье Уголовного кодекса меня осудили. Неожиданно он выпалил:

– Почему вы отделились от Всесоюзного совета евангельских христиан баптистов в 1961 году? Почему вы не объединяетесь с зарегистрированными церквями?

– В 1961 году мне было два года, – ответил я.

– Вы пытаетесь сказать, что невиновны в этом?

Он приказал офицеру отвести меня обратно в камеру. Когда я вошел, то увидел еще троих заключенных.

Офицер спросил их:

– Недели достаточно?

– Достаточно, – ответили они.

Дверь захлопнулась.

Трое заключенных – больших, крепких мужчин – начали задавать мне прямые вопросы о моей вере и о жизни в лагере.

– Почему ты страдаешь ни за что? – спросили они. – В конце концов, ты такой молодой. Просто напиши заявление КГБ, что ты отказываешься от своей веры, и они тебя сегодня же выпустят! Они дадут тебе наилучшую квартиру и все, чего ты захочешь. Когда у тебя родится сын, он станет космонавтом...

И так далее.

Когда я продолжал молчать, они стали на меня кричать и угрожать мне.

– Мы разотрем тебя в пыль! Мы накажем тебя, как собаку! Мы заставим тебя отречься от твоей веры!

Один из них пнул меня в плечо, выкрикивая:

– Где твой Бог? Почему Он тебе не помогает, когда я тебя бью? Почему Он не сдерживает мою ногу? Если Он существует, почему Он не защищает тебя? И ты продолжаешь в Него верить? Ты служишь Ему?

– Ты говоришь, что ты христианин, – сказал другой, – тогда мы вырежем слово *христианин* у тебя на лбу. Чтобы везде, куда бы ты ни пошел, люди видели, что ты – христианин! А на твоей спине мы вырежем богохульства. Тогда как ты сможешь быть верующим? Как же Бог тогда тебе поможет?

Я не знал, что они могут со мной сделать, и молил Бога только об одном – чтобы я смог остаться верным Ему до конца.

Следующих два дня были переполнены криками и угрозами. В воскресенье 9 мая я решил провести день в молитве и посте. В шесть часов утра трое мужчин уже не спали, а делали ножи. Они работали над ними целый день, острили их до тех пор, пока не промокли от пота. Они остановились только для того, чтобы поесть.

Я приготовился к смерти. «Господь, – молился я, – если они нападут на меня, позволь мне быть верным Тебе до конца!» Я думал о первых христианах, которых пытали за их преданность Господу. Я также вспоминал о мучениках наших дней: о Хмаре, Библенко, Одинцове, Ване Моисееве и о других, которых замучили и убили. Я был готов встретиться с Господом и с теми другими, которые раньше меня отошли в вечность. Я уже не надеялся увидеться с моими друзьями на свободе. Я все вверил в руки Господу.

Когда прозвонил звонок, призывающий заключенных ко сну, трое мужчин в камере бросили свои ножи и буквально рухнули на свои нары от изнеможения. Но потом один из них встал и подошел к моей постели. Он сел возле меня и сказал:

– Я люблю детей. Я хочу, чтобы ты мне пообещал, что когда у тебя будут дети, ты не будешь их учить религии. Ты должен пообещать сейчас. Если нет, тогда ты видишь ту дубинку в углу? Я буду бить тебя этой дубинкой, пока я буду в этой камере.

– Неужели ты думаешь, что я боюсь дубинки? – спросил я, будучи готов не только к побитию, а даже к смерти.

Он молчал несколько минут, потом сменил тему разговора. Он говорил со мной подобным образом всю ночь.

На следующий день меня перевели в другую камеру, а потом забрали обратно в лагерь. Меня бросили в изолятор на пятнадцать дней, якобы за то, что у меня были фотографии. Конечно же, администрация лагеря долгое время знала, что у меня есть эти фотографии; они просто хотели придумать оправдание за то, что меня наказали. После двух недель охранники вывели меня и побили дубинками. Потом они водили меня из камеры в камеру, чтобы вызвать подозрение других заключенных, чтобы настроить их против меня.

Незадолго до дня моего освобождения пришел охранник, чтобы забрать меня и сказал:

– Твоя семья здесь.

Он привел меня к комнате для свиданий, а потом вдруг толкнул меня, и я, споткнувшись, упал в зону, запрещенную для заключенных. Он сразу же отвел меня в карцер.

– На каком основании? – запротестовал я.

– Ты сам прекрасно знаешь! – ответил он.

Затем он начал бить и пинать меня. Он оглянулся, нет ли чего поблизости, чем он бы мог меня ударить, но не нашедши ничего, он продолжал орудовать руками и ногами. Администрация лагеря даже не пыталась скрыть тот факт, что агент КГБ Петров направлял на меня все эти незаконные действия. Ближе к концу моего заключения я упомянул это Петрову.

– Тебе не нравится здесь в лагере? – прошипел Петров. – Я сошлю тебя на край земли! Вот увидишь, что я могу с тобой сделать!

Потом он приказал руководителю оперативного отдела опять посадить меня в изолятор.

– Но ему осталось всего пять дней до освобождения!

– Мне все равно! Закройте его! – настаивал Петров.

Но в конечном счете меня не закрыли в карцере. Вместо этого офицер Головичев из оперативного подразделения сказал мне: «Если ты выберешься из тюрьмы Тулун живым, то ты родился в рубашке!»

Наконец-то пришел последний день моего тюремного заключения – 23 августа. В шесть часов утра пришли Головичев и начальник тюрьмы, чтобы вывести меня к воротам. Они хотели меня отослать как можно раньше, чтобы моя семья не могла поприветствовать меня после выхода на свободу. Но моя семья и друзья уже были на месте и ожидали меня.

Владимир Рытиков и его невеста Людмила Юдинцева (слева) с Натальей Рытиковой и ее женихом Василием Дмитриевым (справа) были необычным зрелищем в приемной этого тюремного лагеря. Их отец, Павел Рытиков, пропустил церемонию двойной свадьбы своих детей, потому что все еще оставался заключенным. Детям разрешили на час увидеться с отцом.

Долгожданная свобода! Мы все пошли домой к одной бабушке-христианке, которая жила неподалеку. Все вместе мы поблагодарили Господа за Его милость и заботу. Но даже и это мы не могли сделать спокойно!.. Появился милиционер, обвинил нас в неразрешенном собрании и написал рапорт.

Возле тюремного лагеря в Комиссаровке, Украина. Владимир ждет, чтобы обнять только что освободившегося отца.

Несколько недель спустя, 12 сентября, в нашей церкви в Краснодоне проходила свадьба, которая также стала для нас с отцом радостным приветствием после возвращения домой. Церковь приняла нас с такой любовью! Они ждали нас и молились за нас. И Господь услышал их молитвы и сохранил нас.

Сегодня, когда я вспоминаю мое заключение – холодную унылую львовскую тюрьму, лагерь, все трудности и испытания, безнадежность, которую я иногда ощущал, – я хочу поблагодарить всех людей Божьих за молитвы и особенно за то, что вспоминали обо мне по пятницам, в день молитвы и поста, когда я по-особенному чувствовал заботу Господа. И я хочу поблагодарить моего Бога за путь, которым Он меня провел, и за Его силу, которая помогла мне «преодолев все, устоять» (Ефесянам 6:13).

В Псалме 123:2-3 сказано: «Если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди, то живых они поглотили бы нас, когда возгорелась ярость их на нас». Да, если бы ни Господь, Который идет перед Своей церковью и ведет нас Своей сильной рукой через все бедствия, то мир уже бы давно уничтожил людей Божьих. Но помощь наша в имени Господа. Слава Его имени!

4: Петр Румачик

Самый богатый узник

«Я не надеялся, что когда-нибудь вернусь домой», – сказал Петр Румачик (1931 г. р.) о своем последнем тюремном сроке. В возрасте сорока девяти лет в 1980 году Румачика арестовали и в пятый раз приговорили к тюремному заключению за проповедь Евангелия. Одаренный проповедник, заместитель председателя Совета церквей евангельских христиан-баптистов, пастор Румачик пережил необычайно жестокое обращение от советских властей. Еще до окончания его пятого по счету срока заключения, его дополнительно приговорили еще к пяти годам. Румачик, старший пастор Независимой баптистской церкви из подмосковного Дедовска, был неожиданно освобожден в феврале 1987 года. У Петра и его жены Любови шестеро детей.

Для меня жизнь заключенного не была легкой и в 1981 году, и большую часть 1982–1983 годов, но 1984 год был исполнен особо большими испытаниями. В том году мне запретили писать письма, объяснив, что это из-за того, что моя жена распространяла их по стране. Так для меня захлопнулась эта дверь общения. Мне нельзя было никому писать, я лишь мог благодарить Бога в молитвах за письма, которые получал. Позже меня на длительный период поместили в госпиталь, я был настолько болен, что с трудом мог дышать. Другие заключенные подводили меня к окну подышать свежим воздухом. Я настолько был уверен, что умру, что в моих молитвах уже прощался со своей семьей, моими братьями и сестрами во Христе. Позднее мужчины, которые находились со мной, сказали: «Мы и не надеялись, что ты выживешь».

Мне приходилось быть заключенным в карцере, в цементе и железе, иногда в переполненных камерах, иногда – в одиночках. Все это было чрезвычайно трудным для «внешнего» человека. Но во всем этом

Господь давал мне силу, чтобы все вынести и «утешиться духом», как писал апостол Павел.

В трудные времена я проводил много дней в молитве и посте пред Господом. Я думаю, что все те дни составляют недели. Иногда я едва спал на протяжении почти пятнадцати дней, потому что охрана держала меня в камерах, где стекла в окнах были выбиты, и я все время дрожал. После одного такого срока я попал в больницу. Как я уже сказал, это было большим испытанием для физического человека, но внутренний человек был укрепляем и утешаем Богом. В те долгие периоды молитвы и поста в одиночном заключении мое сердце наслаждалось присутствием Бога. Как и апостол Павел, я часами пел гимны.

Мужчины в соседней камере слушали мое пение. Я выкрикивал:

– Вам нравятся такие песни? Вы хотите, чтобы я еще спел?

– Да, продолжай петь. Мы никогда раньше не слышали таких песен. Если у тебя есть сила, спой еще, – отвечали они.

Многие из тех мужчин были преступниками. Они совершали ужасные вещи. Но Господь смягчал их твердые, черные сердца. Когда у меня появлялась возможность поговорить с ними, некоторые из них каялись. Господь посеял Свое семя в их сердцах; и там, в тех очень сложных обстоятельствах, люди спасались. Иногда люди пытались удержать меня от разговоров о Христе, но Господь опять показывал Свою могущественную руку, и те, чьи сердца уже получили Благую Весть, становились на мою защиту. Они могли влиять на других, и через них Господь дал больше возможностей свидетельствовать о Христе.

Когда мое положение было чрезвычайно тяжелым, я больше, чем когда-либо, был уверен в том, что мои братья и сестры во Христе молятся обо мне. Я ощущал поддержку от их молитв. Я знал, что церковь не безразлична ко мне и к другим христианам в узах, но взывает к Господу, ходатайствуя о нас. Я знал это наверняка даже во время пребывания в карцере, когда я не получал писем.

Но были и другие времена, особенно перед праздниками, когда я получал ежедневно от тридцати до пятидесяти писем, а также

телеграммы. Молодежь присылала очень много ярких, красочных, красивых открыток. Я был самым счастливым, самым богатым человеком. Божьи дети изливали свои души в письмах, и я знал, что церковь была бдительной и молилась. Многие узники в лагере никогда не получали писем от семьи или от друзей. Когда они видели, как много писем получал я, они говорили мне: «Ты самый богатый среди нас». Для меня всегда прекрасной возможностью было поделиться своими письмами с ними. Другие узники удивлялись, читая приветствия от людей, которые имели такое глубокое сочувствие к страждущим. Они никогда в жизни не слышали о такой заботе. Письма и открытки служили естественным поводом, чтобы рассказать этим людям о Христе, Его истине, Его любви к грешникам и Его сострадании к тем, кого все покинули и забыли. Многие мужчины спрашивали меня:

– Когда мы выйдем на свободу, сможем ли мы где-нибудь услышать Слово Божье?

– Конечно, – отвечал я, - только не дайте Слову Божьему отойти от вашего сердца. Куда бы вы ни пошли, вы сможете найти Божьих людей. Скажите им, что вы знаете меня, и они помогут вам. Они дадут вам Божье Слово. Только ищите Бога; ищите Его, Его истину и Его пути. Продолжайте искать спасение, которое Он предлагает каждому человеку.

Удивительно, что я смог иметь при себе Библию с 1980 до февраля 1987 года. Она побывала в разных местах, включая одиночные камеры. Много раз начальство отбирало ее, как-то даже больше, чем на год, но Господь возвращал ее мне. Каждый раз, когда я получал ее обратно, моя радость была неописуемой. Иногда я знал, что через несколько часов или дней они опять заберут мою Библию, тогда я читал главу за главой, целые книги в полумраке моей камеры, питаясь Хлебом Небесным, который давал жизнь моей душе, а через меня – другим.

Как-то раз охранники попытались украсть мою Библию. Они обыскивали мою камеру, и один из них украдкой спрятал Библию в свой карман.

– Но где вы взяли эту Библию? – расспрашивал старый начальник тюрьмы, когда получил мою жалобу.

– Я получил разрешение на ее хранение, поэтому или вы, или один из ваших подчиненных должен знать, где я взял ее, – ответил я.

После угроз закрыть меня в одиночной камере он наконец-то вернул ее мне. На протяжении следующих сорока минут он задавал мне всяческие вопросы о Боге. В завершение нашего разговора, когда я выходил из его кабинета, он похлопал меня по плечу и сказал:

– Я думаю, мне самому жить осталось немного лет.

– Это весомая причина задуматься о своей душе. В противном случае вы можете закончить, как самый несчастный человек.

Так мы расстались.

Как-то раз, когда я был без своей Библии и писал письмо своей семье, другой заключенный подошел ко мне и протянул мне записную книжку.

– Вот, прочтите это стихотворение, – сказал он.

– Я как раз посредине письма, – ответил я, – позвольте мне закончить его, а потом я прочту.

Он понял, что у меня было не то настроение, чтобы посмотреть в его записную книжку, но он настаивал:

– Пожалуйста, прочитайте это стихотворение.

Подняв свой взгляд, я не мог поверить своим глазам. Это было стихотворение Веры Кушнир о страданиях Христа на Голгофе. Мой дух укреплялся и оживал, пока я читал его. Я стал переворачивать страницы, рассматривая другие стихи и отрывки из Писания, их было всего 140.

Мужчина стоял в стороне, наблюдая, как я переворачивал страницы, и улыбался.

– Она ваша. Можете оставить себе, – сказал он.

После того, как я дописал свое письмо, я провел остаток вечера, изучая записную книжку. Она была полна прекрасных стихов о Христе и церкви, о том, как Христос называет церковь Своей возлюбленной, ободряет нас и никогда не забывает узников.

Эта записная книжка оставалась у меня на протяжении многих лет и была особенно драгоценной в те периоды, когда у меня не было Библии. Мне удалось сберечь ее во время многочисленных обысков, и я надеялся привезти ее с собой домой, но в последний сентябрь начальство забрало ее, будто бы на проверку, но, несмотря на все мои просьбы, мне не возвратили ее.

Так кем же был тот человек, который дал мне эту записную книжку? Он был далеким от христианства. Он был бурятом из Забайкалья, потомком монголов. Буряты почти ничего не знают о Христе. Большинство из них являются буддистами. Но мужчина, который дал мне записную книжку, не был буддистом. Он рассказал, что хотя не очень-то верил в Бога, но слушал христианские радиопередачи поздно вечером, когда работал пастухом. Он записывал передачи на кассеты, а позднее переписывал некоторые части в записную книжку. Каким-то образом ему удалось сохранить записную книжку и пронести с собой в лагерь.

Я часто сравниваю этого человека с вороном, который приносил еду пророку Илии в пустыне. Люди могут сказать: «Что доброго может принести ворон?» Но, как и ворон, этот неверующий мужчина принес мне пищу от Господа, и я на протяжении долгого времени питался духовной пищей из этой записной книжки, которую он заполнил своей рукой. Бог услышал молитвы Своего сына и ответил таким удивительным образом.

В придачу к трудностям и страданиям, которые выпали на мою долю, враги также продумывали злые планы против моей семьи, в частности моей жены. Сотрудники КГБ прибыли в мой лагерь и сказали, что ее скоро посадят в тюрьму, как только нашему младшему сыну исполнится девять лет. Письма перестали приходить. На протяжении долгого времени я не знал, где она и как там дети. Но я доверял молитвам Божьих детей. Когда я наконец-то получил письмо из дома, я открыл его и увидел, что злые планы властей не осуществились.

Но на этом их угрозы моей жене не прекратились. Из-за того, что меня повторно арестовали в лагере и приговорили к дополнительному сроку, я не смог возвратиться домой по окончании моего срока. 2

декабря 1985 года следователь сказал мне, что материалы в моем деле также имели обвинения против моей жены и что против нее также возбудят дело. Но Господь установил границы тому, что они могут сделать. Когда меня привели в суд в первый день заседания, я не увидел своей жены. Неужели она была в тюрьме? Неужели ее осудили и приговорили? На второй день ее все еще не было. Но на третий день она пришла и находилась там до конца суда. Господь услышал мои молитвы и защитил мою жену.

1986 год стал временем одиночного заключения и переполненных мрачных камер, где я мог видеть солнце и небо только час в течение дня. Люди все время курили, и не было свежего воздуха, чтобы дышать. Но Бог сохранил меня и дал мне силу вытерпеть.

В конце года был еще один длительный этап, и меня забрали обратно на Урал. Я прошел через множество испытаний там, но к концу декабря ситуация стала абсолютно невыносимой. Я не могу даже описать моего состояния. С человеческой точки зрения не было никакой помощи, никакой защиты. Я вообще не получал писем. Я знал, что друзья пишут, но все, что я получал, были только отчеты о том, что письма от таких и таких людей были изъяты из-за «подозрительного содержания». Я не знаю, что они имели в виду под словом «подозрительное». Я не мог добиться, чтобы кто-нибудь это объяснил. Целью всей атеистической системы является психологически сломать человека, привести к отчаянию.

5 января меня должны были перевести в карцер, и после завтрака, в пять часов утра, меня вызвали. Дежурный сказал, что на меня написан донос за то, что я молился утром, и что меня посадят в одиночную камеру. В тот же день я должен был встретиться с начальником тюрьмы, и я надеялся, что он вступится за меня, но он даже не стал меня слушать.

«Надзиратель принял правильное решение, и я позабочусь, чтобы сегодня тебя посадили в одиночную камеру», – сказал он. Но, по каким-то причинам, этого не произошло. Неделю спустя меня лишили посылки и запретили отовариваться в тюремной лавке в наказание за молитву, но больше ничего не последовало. Я принял наказание и был готов ко всему, что могло случиться. Мой дух не был сломлен. Я не

унывал, радовался и благодарил Господа за все, несмотря на то, что мне как человеку было невозможно предвидеть улучшение моего положения.

С 14 по 20 января с каждым днем давление казалось все большим, и я чувствовал себя подавленным. Но все же я имел надежду в сердце. Я помню, как поделился своими мыслями с Василием, новым братом во Христе, и он сказал:

– У меня есть очень ясное предчувствие, что тебя скоро освободят.

– Откуда у тебя взялась эта идея? – спросил я.

– Просто подожди и увидишь, и тогда вспомнишь, что я сказал, – ответил он.

20 января под конец дня меня вызвал сотрудник тюрьмы, приказав сменить как можно скорее мою рабочую одежду. Он не отвечал ни на один мой вопрос, пока мы не вышли из рабочей зоны, а потом сказал: «Мы идем в бараки. Быстро собирайте свои вещи. У нас нет времени». Только тогда я понял, что меня не ведут в карцер, а переводят куда-то в другое место. Но почему и куда? Мне ничего не сказали.

Группу заключенных поторопили выйти из лагеря восемь солдат, которые вели себя непринужденно и спокойно. Только когда нас посадили на пассажирский поезд и купили билеты, я начал понимать, что происходит. В ответ на наши вопросы дежурный охранник сказал: «Я сам не понимаю, к чему вся эта спешка и особое обращение. Все, что я могу сказать, так это то, что вечером мы получили приказ немедленно перевезти вас в тюрьму в Перми. Это все, что я знаю».

Мы провели ночь в пермской тюрьме. Никто нас не тревожил до обеда. Потом охранники начали вызывать заключенных по одному. Я был вторым. Поскольку первый узник не возвратился, я не знал, куда меня ведут и зачем. Но я заметил, что охранник очень любезен. Он даже не сказал мне взять руки за спину. И он был капитаном, а не обычным солдатом. Мы пересекли внутренний двор и стали подниматься в кабинет на втором этаже. Он остановился у одной двери, постучал и спросил:

– Можно войти?

– Входите.

Я медлил в коридоре, пока капитан не поторопил меня:

– Пожалуйста, входите.

Там я увидел представителя прокуратуры с двумя большими звездами на погонах. Мое дело лежало раскрытым на столе перед ним. После двух судов за один срок оно было довольно толстым.

– Вы, наверное, заметили, что в нашей стране последним временем происходят изменения, – начал он.

– Я слышал кое-что из газет, но за решеткой трудно понять, что происходит. Вы наверняка знаете лучше, чем я.

– О, да! – сказал он с улыбкой. – Я хочу сообщить вам, что вас помиловал наивысший орган власти – Президиум Верховного Сонета - и вам не придется отбывать оставшийся срок. Приказ о вашем освобождении почти у нас в руках.

– Какой приказ? – спросил я с большим интересом. – Вы уже получили этот приказ?

– Не совсем, но ваше дело почти решено. Что касается властей, то все это [он указал на мое дело] уже в прошлом. Но правительство хочет знать, как вы намерены вести себя в будущем, будете ли вы продолжать нарушать статью 70.

Я объяснил ему, что не считаю себя виновным в нарушении статьи 70 – что как христианин и служитель церкви я не вовлечен в политическую деятельность. Я заявлял об этом во время расследования и на суде, а также обширно объяснил это в моей апелляции.

– Вы могли бы написать то, что сейчас сказали?

– Да, могу, – ответил я, – но я и раньше все это говорил.

Он дал мне лист бумаги, и я написал вверху: «Президиуму Верховного Совета». Он пытался помочь мне сформулировать мое заявление, как прошение о помиловании, но я вежливо отклонил его помощь, и сказал, что могу написать самостоятельно.

Я начал: «Я, Петр Васильевич Румачик, не виновен в нарушении статьи 70». Я продолжил, сказав, что я уже об этом заявлял на суде и что не намереваюсь нарушать эту статью в будущем. Я подписал заявление словами: «Осужденный на основе клеветнического свидетельства лжесвидетелей Петр Васильевич Румачик». Представитель прокурора был недоволен моим заявлением, но все равно его принял.

Позже он спросил меня, хочу ли я оставаться в Перми или же быть отправленным обратно в лагерь.

– Это не мое дело, – сказал я, – вам решать, где меня держать.

– Хорошо, мы пошлем все это в Москву, и скоро будет принято решение. Но не желали бы вы возвратиться в лагерь? Или у вас там есть враги?

– Среди заключенных у меня нет врагов, – ответил я, – но администрация очень усугубила мое пребывание там. Фактически я должен был попасть в одиночную камеру несколько дней назад.

Я рассказал ему, что происходило на протяжении последних недель, подытожив:

– Все это произошло только из-за того, что я открыто молился. Не было никаких нарушений режима.

– Вы написали жалобу? – спросил он.

– Я написал, но позже, двадцатого числа, меня торопливо забрали из лагеря, и у меня не было возможности ее подать.

– Ладно, я позабочусь, чтобы ваше заявление было отправлено.

Вернувшись в камеру, я узнал, что других вызывали и допрашивали таким же образом. Их также осудили по статье 70. Мы вместе находились в ожидании в этой камере с 21 января по 4 февраля.

Хотя следователь и сказал, что меня должны отпустить, все равно в это трудно было поверить. Я слишком много прошел и уже видел, насколько нечестными эти люди могут быть. На третий или четвертый день нас всех осмотрел врач, и мы стали получать хорошую еду.

Сначала мы думали, что нам приносят ее по ошибке, и отказывались ее брать.

– Пожалуйста, возьмите, – настаивали охранники, – это действительно для вас.

Так что с тех пор нас стали хорошо кормить.

4 февраля перед обедом в камеру зашел надзиратель и объявил, что по приказу Верховного Совета от 2 февраля мы все освобождены.

– Если мы успеем подготовить ваши документы и купить билеты сегодня, то вы сможете идти. Если же нет, то вы пойдете завтра.

Как оказалось, мы ушли на следующий день. И опять все было впопыхах. Железнодорожная станция находилась в тридцати минутах езды от тюрьмы, и за час до того, как отправлялся мой поезд, мне дали новую одежду и сказали:

– Быстро! Переодевайтесь как можно быстрее! Нам нужно ехать!

Даже не было времени для обыска. Они дали мне какие-то деньги и помчали на станцию. Я сел на поезд за десять минут до отбытия. После того, как поезд отъехал, я посмотрел на мои документы. На них был штамп «помилован». Так я получил помилование, даже не прося о нем!

Когда я ехал в вагоне, то думал о том, что скоро встречусь со своей семьей и церковью. Я размышлял о том, чем я смогу с ними поделиться. Даже в самые унылые времена, когда я вообще не имел силы, одна основная мысль не покидала меня: сила молитвы Божьих людей. Молитва сильна и эффективна. Господь слышит молитвы. Когда вы молитесь, происходят изменения. Мы убеждаемся в этом на страницах Библии.

Сегодня мое сердце переполнено благодарностью Богу, и вместе с псалмопевцем я говорю: «Благослови, душа моя, Господа и не забывай всех благодеяний Его» (Псалом 102:2). Он никогда не оставлял меня, даже в самые мрачные, тяжелые времена. Обещания нашего Господа Иисуса Христа работают в жизни. Когда Господь прощался со Своими учениками на Елеонской горе, Он сказал им, а через них всем христианам всех веков: «Се, Я с вами во все дни до скончания века»

(Матфея 28:20б). Иногда мы задумываемся, правдивы ли эти слова. Но Бог дал это обещание каждому из нас и хочет, чтобы мы знали, что Он никогда не покинет нас, что бы ни случилось. Потому мы никогда не должны переставать молиться. Наша плоть может страдать, наши физические тела могут даже умереть, но из-за того, что у нас есть Божьи обетования, что мы знаем, что Бог действительно нас слышит, мы всегда должны продолжать горячо молиться, ведь Бог слышал всегда, слышит и сегодня и будет слышать нас завтра.

Пастор Румачик проводит обряд благословения этого ребенка, во время которого родители обещают перед Богом и другими христианами воспитывать своих детей как христиан «в страхе и послушании Господу».

После освобождения из тюрьмы пастора Петра Румачика встречает возле поезда его дочь-подросток и друзья-христиане.

Добавлю еще, что, когда Бог слышит тех, кто страдает, Он посылает особенные благословения. Несмотря на мои обстоятельства, были времена в тюрьме, когда я чувствовал, что я самый счастливый человек на земле. Другие тоже говорили мне это: «Ты самый богатый человек!» Я был богат благодаря общению через письма. Когда я возвращался в Читу из Урала, я упаковал в большую сумку и забрал с собой столько открыток и писем, сколько мог. У меня их было больше пятисот. Охранники, обыскивавшие меня, удивились.

– Что это? – спрашивали они. – Куда вы это несете?

– Это мое. У меня есть причины хранить эти письма, – ответил я.

Они пересмотрели их, прочли некоторые из них и были удивлены тем, что прочитали. В конце концов, они пожали плечами и сказали: «Ладно, берите их и идите!» То, что я мог оставить письма, было большим благословением.

Я также благодарен за поддержку, которую я получил в виде ходатайств. В 1986 году, когда мне разрешили просмотреть документы в новом деле против меня, я увидел, что у них была папка, где находились от сорока до пятидесяти ходатайств о моем освобождении, приходивших на протяжении судебного разбирательства. Моя жена рассказала мне о многих других прошениях, которые хранились где-то в служебных архивах. Как-то раз, когда она пошла на встречу с прокурором Читы, во время их разговора он бросил папку на стол и из нее вылетели десятки прошений. Меня это очень ободрило. Братья и сестры во Христе подставляли свои плечи, чтобы помочь мне нести ношу моих уз.

Я также благодарен за тех, чьи письма я так и не получил. Многие письма изымали, и я не знал, о чем писали те люди. Но Господь, во имя Которого они это делали, знает, о чем они писали, где эти письма оказались и кто не допустил их до меня. И хотя я никогда их не получал, они все же подносили холодную воду к моим устам, и это не осталось незамеченным Господом. Он вознаградит их.

Члены Союза церквей евангельских христин-баптистов. Пастор Румачик служит заместителем председателя.

Церковь шла по нелегкой дороге в эти последние годы. Некоторые христиане, как и я, были закованы в камень и железо, а другие переживали всяческие унижения, преследования и угрозы. Церковь находится под большим давлением. Но все это напоминает мне о человеке, укладывающем асфальт на землю. Когда он укатывает асфальт, земля под ним испытывает большое давление. Позднее, когда идешь по этой твердой поверхности, часто можно увидеть зеленые побеги, пробивающиеся сквозь асфальт. Это сила жизни! Церковь переживает большое давление, но Дух Божий проникает сквозь этот груз и дает рождение новой жизни. Многие люди пришли к Господу на протяжении семи лет, пока я отсутствовал. Это проявление Божьей силы. Он слышал молитвы церкви и благословлял ее.

Наши враги надеялись покончить с церковью, преследуя нас и сажая в тюрьмы. Они надеялись сломить нас. Но они ошибались. Так же, как церковь выживала и торжествовала в предыдущие столетия, так происходит и в наше время. Господь будет поддерживать церковь силой Своей любви, пока ее миссия на земле не завершится. После этого она с большим ликованием встретится с Господом.

Враги не могут сломить церковь давлением, преследованием и угрозами, потому что церковь поддерживается живой, активной и эффективной силой Божьих обещаний и молитв, которые каждый день возносятся от земли до небес. Это работа нашего живого Спасителя, Который имеет власть над всем. Славьте Бога за то, что зеленые побеги сильные и возрастающие! Пускай Бог позволит им крепнуть, ароматно цвести и приносить плод для славы нашего драгоценного, живого Господа.

5: Любовь Скворцова

Надпись на тюремной стене

Когда Любовь Скворцова (1959 г. р.) решила навестить своих друзей-христиан в Гаграх, вечером 12 февраля 1983 года, никто не предупредил, что пройдет три долгих года, прежде чем она вернется к себе домой. Любу арестовали во время милицейского рейда по частным домам. Это произошло буквально за неделю до ее двадцать четвертого дня рождения. Хотя она и не входила в состав Совета родственников узников, Люба помогала им всякий раз, когда могла. Сейчас она замужем.

Я часто думала: «Что случится со мной, если меня арестуют?» Многие мои друзья уже были в тюрьме. Галина Вильчинская, например, девушка моего возраста, уже отбывала второй срок. В молитвах я спрашивала Господа: «Почему Галина должна идти этой дорогой во второй раз? Если бы я могла отбыть второй срок вместо нее!» Но Господь, в выбранное Им время, послал испытание, предназначенное Им для меня, и провел меня по пути неволи.

Когда я впервые увидела тюрьму изнутри, то очень пристально все рассматривала. Когда охранник вел меня по бесконечным коридорам, вверх по лестнице, поворачивал за угол, мне было интересно, смогу ли я опять отсюда выйти. Когда мы прошли весь путь до верхнего этажа, охранник запер меня в камере. Я стояла там, держа свой матрас и оглядываясь по сторонам. Я заметила, что даже маленькое окошко было закрыто железной решеткой. Шесть заключенных женщин внимательно осматривали меня.

Наконец-то одна из них сказала:

– Что ты здесь делаешь, дитя?

– Я христианка. Поэтому меня сюда посадили. Но, если можно, я расскажу об этом завтра. Сейчас я очень хочу спать. Меня арестовали два дня назад. Меня держали в отделении милиции на допросе и только сейчас привели сюда.

Другие узницы согласились, чтобы я отдохнула, и предложили мне немного супа, оставшегося у них после обеда. Я с радостью поела.

Я была в той же тюрьме в Ворошиловграде, в которой находились некоторые из наших арестованных проповедников: Павел Рытиков, Степан Германюк, Павел Сажнев, Иван Тягун и Анатолий Балацкий. Когда эти братья во Христе узнали, что я тоже здесь, они захотели как-то меня подбодрить. Однажды, когда я была в прогулочном дворике, я увидела на одной стене наспех написанные слова: «Будь верной до смерти!» Как же я воспрянула духом, когда увидела на стене это начертанное послание, которое дало мне много силы в последующие годы.

Во время моего заключения я чувствовала Господнюю защиту и могла ясно видеть Его ответы на мои молитвы. На свободе многие виды деятельности отвлекали мое внимание. Но в тюрьме Господь всегда был возле меня. Мысленно я постоянно говорила с Ним, и Он сразу восполнял мои нужды. Больше не было никого, кому бы я могла открыть свое сердце, поэтому я все приносила Господу в молитве, даже простые решения о том, как мне поступать.

Пребывание в узах было благословением для меня. Я испытывала там такую радость, которая неведома была мне на свободе. Женщины из моей камеры спрашивали меня: «Как ты можешь оставаться такой спокойной и счастливой, когда тебя бросили в тюрьму ни за что?» Я радовалась потому, что я страдала ради Господа.

Однако перед судом я испытывала чувство тревоги и неуверенности. Я не могла уснуть в ночь перед судом, я провела ту ночь в молитве, прося у Господа мудрости и силы. На следующее утро, когда тюремный фургон подъехал к зданию суда, я увидела моих родителей и многих друзей, которые ожидали на улице. Хотя я и хотела заплакать от радости, что увидела их лица после трех месяцев тюрьмы, я держала себя в руках. Я не хотела, чтобы гонители увидели мои слезы, ведь они

могли сказать, что я плачу от сомнений или страха. Господь укрепил меня и помог не заплакать.

Тюремный фургон остановился перед зданием суда, но охрана меня не выводила. Прошло буквально несколько минут, и они сказали, что суд отменяется, и отвезли меня обратно в тюрьму. После обеда меня опять забрали в здание суда. На этот раз на улице было много милиционеров, которые не позволяли моим друзьям подойти немного поближе. Охранники разрешили моим родителям войти в зал суда, но расположили их в самом дальнем углу. Отец немедленно громко сказал, что плохо слышит, и переместился наперед, чтобы сесть возле меня.

Суд длился два дня. На оглашение приговора в зал суда пригласили всех христиан, которые ожидали снаружи. Когда судья прочитал приговор, – три года тюремного заключения, – мои друзья стали бросать мне цветы и выкрикивать: «Мужайся! Будь верной до смерти!» Они продолжали бросать цветы, когда меня выводили обратно к фургону.

На пути в лагерь я молилась и просила Господа, чтобы там мне найти еще одну христианку. И Господь ответил! Когда я прибыла в лагерь, другие заключенные спросили, за что меня осудили. После того, как они услышали мою историю, они сказали: «Здесь есть еще одна, как и ты, верующая женщина!»

Они познакомили меня с Марией Дидняк, это была большая радость для меня. Мария стала мне как мать. Она защищала меня, помогала мне и учила, как себя вести в лагере. Работа была очень тяжелой, поэтому с первого дня я просила Господа помочь мне выполнять свою норму. Я убеждена, что христианин всегда должен быть примером, должен всегда работать хорошо, потому что это очень сильное свидетельство для других людей. Я переживала, что не смогу выполнять норму, и это будет плохим примером нехристианам. Каждое утро, когда мою бригаду забирали на работу, я молилась об этом. Когда я шла в свой отдел и сидела на своем рабочем месте, я продолжала молитву: «Господь, благослови мои руки, чтобы я могла работать хорошо и быстро!» И хотя работа была тяжелой и мы трудились по двенадцать часов в день, мне удавалось выполнять ее.

Во время моей первой зимы в лагере я очень заболела и потом долго и тяжело поправлялась. Когда мои родители приехали навестить меня и увидели, в каком состоянии я находилась, они очень обеспокоились. Они сообщили всем нашим друзьям-христианам о моем состоянии и попросили о молитве и ходатайстве за меня. В результате меня назначили на более легкую работу, а мое здоровье стало постепенно улучшаться.

Мы часто виделись с Марией. Мы гуляли по двору, делились отрывками из Писания, молились и иногда даже очень тихо пели. Мы говорили о наших друзьях, читали друг другу стихи и проводили свои короткие богослужения. Когда кто-то из нас получал письмо, мы читали его вместе, радуясь каждой новости. Несколько раз начальник лагеря вызывал нас и говорил нам больше не встречаться, но мы не могли жить без этого общения.

Как-то раз охранники обыскивали наши нары и тумбочки и нашли наше маленькое Евангелие и записную книжку со стихами. Они все конфисковали. Мы приняли это как от Господа. Мы молились только о том, чтобы Он дал нам силу вытерпеть наказание, которое мы получим за хранение Евангелия. Вскоре после этого нас вызвали к начальнику лагеря. Когда мы вошли в ее кабинет, она посмотрела на нас и сказала: «Я не буду с вами сегодня говорить! Завтра я соберу всю администрацию лагеря, и вы будете отвечать за свои поступки перед всеми!»

Она удивилась, что мы были такими спокойными и вели себя с христианским достоинством. Мы вернулись в бараки и продолжали молиться за ситуацию.

На следующий день собралась вся администрация, и нас с Марией вызвали к себе. Глава оперативного отдела огласил, что во время обыска у Дидняк и Скворцовой нашли Евангелие.

Все заинтересовались. «У вас это Евангелие здесь? Можно нам взглянуть?" - спрашивали они.

Представители администрации передавали его по кругу и рассматривали очень внимательно. В тот момент многие из них впервые увидели Евангелие. Некоторые из присутствующих были

высокообразованными, получили юридическое образование и прочли много антирелигиозной литературы, но они никогда не видели Евангелия! Они начали задавать вопросы, и у нас получилась очень интересная беседа о Боге, Библии и нашей вере. Никто даже и не вспоминал об обыске или нашем «нарушении» – хранении Евангелия. Казалось, что они забыли, зачем нас вызвали, и в конце даже не сказали, каким будет наше наказание. Через несколько дней нам с Марией сообщили, что нас лишают привилегии иметь дополнительные деньги для использования в лагерном магазине. Как же мы благодарили Господа за Его защиту и заботу, ведь мы ожидали одиночного заключения!

Любу, все еще одетую в тюремную робу, встречают дома ее счастливые родители.

На богослужении домашней церкви сидячих мест не было, из-за того, что очень много друзей собралось поприветствовать Любу и услышать о том, что пришлось вынести в тюрьме.

И Люба, и Андрей Юдинцев (см. главу 1) рассказали на этом молодежном собрании о своих арестах и годах, проведенных в тюрьме.

Когда пришел день освобождения Марии, я одновременно радовалась и печалилась – радовалась, что она вернется домой к своей семье, сможет посещать церковные собрания и всех увидеть, но грустила потому, что я останусь одна. Мое пребывание в тюрьме озарялось присутствием моей дорогой сестры во Христе! Но я уже привыкла к тюремной жизни. Она помогла мне в самый трудный период – первые недели в лагере.

В первый день нашего расставания я чувствовала отсутствие Марии очень остро. Не было никого, с кем бы я могла поговорить и поделиться своими переживаниями. Но потом Господь стал еще ближе ко мне. Когда я шла на работу и с работы, то все время говорила с Господом в своем сердце: «Как хорошо быть с Господом, так легко и свободно, даже здесь, в лагере!» Нет слов, чтобы описать, что я пережила. Господь находится очень близко в таких обстоятельствах!

Пока я была в лагере, Господь давал мне много возможностей помогать людям, особенно пожилым заключенным. Одна старая женщина поломала руку, и я заботилась о ней и стирала ее одежду. Мне также было интересно наблюдать, когда в лагерь привозили новых заключенных. В моем сердце всегда была надежда, что привезут еще одну христианку.

Как-то раз, когда я наблюдала за прибытием новых заключенных, я заметила женщину, которая показалась мне знакомой. Она была похожа на Ульяну Германюк, жену одного из заключенных пасторов. Я изучала ее лицо на расстоянии, но решила, что это не может быть она. Эта женщина была слишком старой, худой и с тусклым лицом, я же хорошо знала Ульяну и видела как раз перед своим арестом – ну не могла она так сильно измениться за такое короткое время. Я вернулась в свой барак разочарованной.

Спустя несколько дней кто-то сказал мне:

– Они привезли сюда новым этапом еще одну баптистку. Ты уже ее видела?

– Где она, – спросила я, – в какой барак они ее поместили?

– Она больна, ее поместили в лазарет.

Я побежала в лазарет и увидела ту же старую женщину, которую заметила раньше. Это *точно* была Ульяна! Как же она изменилась! Она не могла ни ходить, ни стоять, она даже не имела сил говорить. Я стала проводить каждую свободную минуту с Ульяной, заботясь о ней. Через две недели ее выписали из лазарета и отправили на работу. Для нее это было очень сложно. Она с трудом ходила, едва могла работать, поэтому я продолжала заботиться об Ульяне, стирала ее одежду, застилала постель. Когда подошел день моего освобождения, я с трудом представляла, что случится с ней после моего отъезда. В день моего отбытия я пришла к ней попрощаться, и мы обнялись. Она просила меня передать привет всем друзьям, которые за нее молились, и передать особый привет женщинам из Совета родственников узников. Вспоминая их с любовью, она хотела подбодрить их в работе. Ульяна также просила их ходатайствовать и молиться за нее, учитывая плохое состояние ее здоровья. Она особенно просила писать ходатайства, чтобы облегчили ее работу в лагере, так как у нее совсем иссякли силы.

Когда я была заключенной, моим любимым стихом из Библии был: «Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть... Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Откровение 2:10). Многие другие отрывки из Писания были также дороги мне, но этот – особенно. На протяжении трех лет моей основной целью было остаться верной до конца.

Теперь, после освобождения, я иногда думаю, был ли это единственный тюремный срок для меня. Все может случиться, если верно следуем за Господом и идем по дороге, по которой Он нас ведет, не сворачивая в сторону. Даже теперь эти слова часто слышатся в моем сердце: «Будь верной до конца!»

6: Вениамин Маркевич

«Папа-пленник»

Вениамин Маркевич (1938 г. р.) был на свободе всего два коротких месяца до того, как его во второй раз посадили в тюрьму в октябре 1982-го, ему было 44 года. Член Совета церквей евангельских христиан-баптистов, Маркевич является пастором Независимой баптистской церкви в Орджоникидзе [*прим. пер. – ныне Владикавказ*], а также одаренным поэтом. Его приговорили к пяти годам тюремного заключения, но освободили на восемь месяцев раньше в феврале 1987 года.

В октябре 1982 года я шел по улице, чтобы навестить одну семью из нашей церкви, когда незнакомый мне человек крикнул: «Вениамин Маркевич, погодите! Вы нам нужны!»

Я понял, что меня хотят арестовать, и ускорил свой шаг. Я почти подошел к дому моих друзей и хотел успеть войти, чтобы они могли сообщить моей семье, где я.

– Нет! Стоять! Не шевелитесь!

Двое мужчин с криками перебежали через улицу и остановили меня. Потом рядом остановилась милицейская машина, которая забрала меня в тюрьму. Меня арестовали, но никто из моих знакомых этого не видел.

Сидя в камере, я постоянно думал о незаконченных планах. В тот день я планировал навестить несколько христианских семей и проповедовать на молитвенном собрании. На следующий день мы с женой планировали поехать в соседний город, чтобы увидеться с родственниками. (Меня освободили из тюрьмы после первого срока всего два месяца назад, и я еще не навещал их.) Я ждал конца недели,

чтобы посетить конференцию для служителей. Неожиданно все мои надежды и планы были разрушены – я находился под арестом.

Я не ожидал, что меня арестуют так быстро после освобождения, и осознание того, что никто об этом не знал, лежало тяжелым камнем на моем сердце. Но спустя три дня надзиратели передали мне еду и теплую одежду от моей жены. Эти подарки заверили меня, что, по крайней мере, моя семья знает, где я.

Позже я узнал, что милиция арестовала троих служителей из нашей церкви: Вениамина Чистякова, Василия Михина и меня. Под конец декабря следователь разрешил нам приготовиться к суду. Четыре дня подряд нас впускали в кабинет, где мы могли изучать показания свидетелей и другие материалы в присутствии следователя.

На третий день было 25 декабря, Рождество. В то утро, как только мы вошли в кабинет, Вениамин Чистяков обратился к следователю: «Сегодня Рождество, – сказал он, – все христиане празднуют этот день. Разрешите нам помолиться вместе».

Следователь согласился. Потом мы трое тихо спели «Тихую ночь» и стали на колени, в молитве благодаря Господа за рождение Его Сына. Следователь сидел и слушал в тишине. Когда мы закончили молитву, но все еще были на коленях, дверь открылась, и в кабинет зашел сотрудник КГБ. Он увидел, что происходило, быстро вышел в коридор и закрыл за собой дверь. В тот день он больше не возвращался.

Моя жена позднее рассказала мне, что она видела следователя рано утром на Рождество. Когда он ехал на работу на автобусе, моя жена и двое младших детей ехали в том же автобусе на праздничное утреннее богослужение (старшие дети были в школе, поскольку Рождество было обычно рабочим днем в нашей стране). Она поздоровалась со следователем, пожелала ему счастливого Рождества и попросила его передать рождественские поздравления папе от детей.

Суд над нами длился с 24 января по 2 февраля. В первый день, когда милицейская машина подъехала к зданию суда, Вениамин, Василий и я увидели приблизительно сто пятьдесят друзей-христиан на заснеженной площади! Многие взяли отгул на работе, чтобы прийти ободрить и поддержать нас.

Во время суда даже некоторые свидетельства против нас были ободряющими. Одна учительница заявила:

– В нашей школе отличная атеистическая программа, но из-за деятельности обвиняемых, от нее почти ничего не осталось!

Показания верующих также утешали нас. Одна молодая христианка сказала:

– Я не могу свидетельствовать против моих братьев во Христе. Пусть Господь мне поможет!

Потом, отвечая на вопрос судьи о преступных действиях обвиняемых, молодой человек заявил:

– Это мои братья! Я знаю, что они достойные уважения граждане, хорошие мужья и отцы. Они не совершали никаких преступлений. Единственная их «вина» в том, что они христиане. Но я тоже христианин, и я готов сесть на лаву подсудимых вместе с ними, если быть христианином в нашей стране считается преступлением.

В конце концов, суд осудил нас: Василия Михина к трем годам, Вениамина Чистякова к четырем годам, а меня к пяти годам лишения свободы.

Мой этап из Кавказа до Якутии продолжался сто дней, во время этого я побывал во многих тюрьмах. В тюрьме в Соликамске я провел много дней, размышляя над семнадцатой главой Евангелия от Иоанна, которую знал наизусть. В этой главе находится высокая священническая молитва Иисуса перед Его смертью на кресте. В молитве Господь вспоминает «славу» шесть раз. Например, Он просит Отца прославить Сына и свидетельствует, что Сам прославил Отца Своей земной жизнью, выполнив работу, уготовленную Отцом. Особенно я задумывался над тем, что Иисус сказал о Своих последователях: «И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им...» (Иоанна 17:22).

«*Как Бог создает Свою вечную славу?* – интересовался я. – *И если перед крестными страданиями Иисус Христос так много говорил о вечной славе Бога, это должно быть чем-то важным и значимым*». Тюремная жизнь сразу стала легкой и радостной, когда я сосредоточился на славе Божьей.

Нечто неожиданное произошло также в Соликамске: надзиратели вызвали меня на свидание! «*С кем?*» – спрашивал я себя. В этом далеком уральском городе, за тысячу километров от дома, кто мог прийти ко мне на свидание? Охранники ввели меня в комнату для свиданий, а там была моя жена!


```
Жена Маркевича взяла четверых сыновей, чтобы навестить их
отца в тюремном лагере возле Якутска, Сибирь. У Маркевичей
одиннадцать детей.
```

Нам разрешили получасовое свидание, но даже и такая короткая встреча была бесценным подарком. Моя жена сказала, что наша старшая дочь обручилась с сыном моего друга Вениамина Чистякова, которого осудили вместе со мной. Я передал мое одобрение и благословение, пообещав молиться за них. Я поблагодарил моего небесного Отца за Его заботу о моих детях, об их нуждах, а более всего – об их душах.

Когда меня арестовали впервые, моей дочери, которая теперь собиралась замуж, было тринадцать лет. Сестра моей жены пришла к нам в дом и начала нести всякий вздор: «Что за муж у тебя? О чем он думает? Вот, теперь он в тюрьме, а ты осталась одна с детьми! Да не просто с двумя или тремя, а с полным домом детей! Это так он заботится о своей семье?»

После того, как она ушла, моя тринадцатилетняя дочь спросила маму: «Почему ты не ответила тёте, как Иисус Петру: «Ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое»?» А теперь моя маленькая доченька была уже взрослой и собиралась выйти замуж за молодого проповедника!

Когда я вернулся в камеру после встречи с женой, я сразу же стал писать свадебные поздравления и пожелания моей дочери и ее будущему мужу. Я молился, чтобы цензор не задержал это письмо и чтобы Господь помог им его получить. Они получили мое письмо вовремя и наставления от заключенного папы были настолько особенными для невесты и жениха, что мое письмо прочитали для всех на свадебном торжестве.

Путешествуя по стране, я встречал многих узников, которые находились в лагере или в тюрьме с христианами. Один заключенный дал мне адрес Николая Бойко и рассказал мне о нем. В другой тюрьме я встретил человека, который с гордостью заявлял, что в лагерной столовой он сидел за одним столом с Бойко на протяжении многих месяцев. Он подробно рассказывал, как Бойко принимал все с

улыбкой, несмотря на то, что надзиратели часто сажали его в изолятор. Я ободрялся, слыша такие свидетельства.

Наконец в июле 1983 года я прибыл в лагерь в Якутии. У меня завязались хорошие отношения с другими узниками. Многие спрашивали, за что меня сюда посадили и почему я был так далеко от дома. Я рассказывал им о Господе.

Рудольф Классен был в этом лагере как раз передо мной. Один старый якут рассказал мне: «Как-то раз меня посадили в карцер за какой-то проступок, а Рудольф уже находился там за то, что рассказывал людям о Христе. Он был таким смелым! Администрация уже раз продлила его срок, но он не предал Господа. Он там часто рассказывал мне о Боге».

Многие узники в лагере все еще помнили Георгия Винса. Некоторые говорили: «Ты знаешь Винса? Он был заключен здесь с нами на протяжении четырех лет. Я часто пил с ним чай». Или: «Мы работали вместе». Все эти воспоминания были положительными.

На соседних нарах спал заключенный – вор, который уже отсидел шесть сроков. Он заболел, и я заботился о нем. Когда мы познакомились поближе, я стал рассказывать ему о Христе. Я даже отдал ему мое маленькое Евангелие от Иоанна.

«Знаешь, Вениамин, – сказал он мне, – как только ты поселился в наших бараках, то произвел на меня впечатление. Я заметил, что ты не такой, как другие».

Но когда представители администрации увидели, что мы с ним общаемся, они вызвали его на допрос, угрожали ему, заставляя признаться, о чем мы с ним говорили.

«Я не знал, что за тобой здесь следят! – сказал он позже мне. – Я не сказал им, что ты мне говорил о Боге. Я не хотел, чтобы тебя за это наказали». Тогда мы стали более осмотрительными. Мы не разговаривали в бараках, а встречались где-то на улице. Этот мужчина стал увлекаться Евангелием и часто тайком его читал.


```
Вениамин Маркевич рассматривает некоторые письма, которые он
получил, находясь в тюрьме. Какой наилучший способ ободрить
узника? Письма, письма, письма.
```

Потом пришла зима – моя первая северная зима. В Якутии снег начинает выпадать в начале сентября и не растает до июня. Он становится все глубже. Даже когда температура опускалась до - 60 С, моя строительная бригада продолжала работать на открытом воздухе. Но Господь чудесным образом помогал мне переносить холод.

В 1984 году в лагерь привезли еще одного проповедника – Николая Попова из Рязани. Как же я радовался прибытию брата во Христе! Как же я благодарил Господа! Каждый день мы встречались на улице, чтобы помолиться, поделиться новостями из дома, а также иногда прочитать несколько стихов из Евангелия.

В тот год мы праздновали Рождество вместе с Николаем.

Декабрь был очень холодным, а снег – очень глубоким. На территории бараков выкапывали ямы и разжигали в них костры, чтобы хоть немного разогреть землю. Мы с Николаем встретились возле одного из таких костров, тихо спели «Тихую ночь» и вместе помолились. Мы обменялись поздравительными открытками и письмами от наших семей и друзей.

Письма, которые мы получали, были превосходными. Иногда они включали целые главы из Библии. Но как-то раз начальник бригады не сразу отдал мне одно из моих писем. Вместо этого он вызвал меня для разговора о нем.

– Кажется, что девушка, написавшая это письмо, очень молодая, – сказал он, – но здесь она пишет вам следующие строки из стихотворения: «Быть христианином означает отвечать на зло добром». Какие хорошие слова! И она подписалась «Ваша сестра». Это кровное родство?

– Да, – ответил я, – благодаря крови Христа!

– Хм, я так и думал.

И он отдал мне письмо.

Письма от моих детей были исключительным благословением. Как-то я получил письмо от моего младшего сына, моего маленького одиннадцатого ребенка. Он еще не ходил в школу, но написал печатными буквами карандашом следующие слова: «Папа, я жду тебя! Скажи охранникам, чтобы отпустили тебя домой». Его письмо было таким трогательным. Ведь мой младший сын едва помнил меня, он был еще очень маленьким, когда меня арестовали. Позднее я узнал, что он выучил и часто пел детскую песню «Когда фонари зажигаются, все папы домой возвращаются». Однажды вечером он сказал: «Мама, фонари уже зажглись, почему же папа не возвращается домой? Неужели в Сибири не зажигают фонари?»

Как-то раз дежурный вызвал меня и сказал:

– Пришла поздравительная открытка от вашей дочери, и она называет вас «папа-пленник». Что все это значит? В нашей стране нет пленников, только узники. Если она еще раз это напишет, я пошлю ее открытку в милицию в вашем родном городе, и они ей объяснят, кто такой пленник!

Я ответил, что «*пленник*» – это библейский термин.

– Библию здесь не признают! – разбушевался он. – Напишите ей и объясните.

Я написал своей дочери, описав этот разговор с офицером, и на Пасху она написала на открытке: «Дорогой папа, заключенный за Слово Божье, поздравляю тебя с праздником! Христос воскрес!» Моя семья поддерживала меня – и жена, и дети, и для меня это ободрение было очень ценным.

Со временем меня перевезли в другой лагерь. В первый же день надзиратель лагеря вызвал меня и предупредил, чтобы я никому не рассказывал о Боге. «Если ты начнешь проповедовать здесь, я тебя изобью, – пригрозил он. – И никто меня за это не накажет. Я буду прав! Нет никакого Бога; а если бы Он существовал, я бы Его застрелил!»

Я еще никогда не слышал таких ужасных слов, сказанных о Боге, но я не ответил. Я вернулся в бараки и стал молиться, чтобы Господь

помог мне в этой ситуации. И Господь услышал меня: вскоре этот служащий был переведен в другой лагерь.

Я часто пел, вспоминая слова Давида: «Уставы Твои были песнями моими на месте странствований моих» (Псалом 118:54). Однако моим основным утешением и ободрением были главы из Библии, которые я помнил наизусть. Эти стихи давали пищу моей душе и помогали в борьбе с демоническими силами, о которых апостол Павел пишет в послании к Ефесянам 6:11-12. Это были именно те «злые дни», когда необходима была особая сила, чтобы «все преодолев, устоять» (стих 13). Господь дал победу через молитву, через Божье Слово и через Свое могущественное Имя. Слава в страданиях для Господа возможна только через Божью силу.

Но, хотя я имел мир внутри, я часто мысленно спрашивал себя: «Почему так мало людей обратилось к Господу через мое свидетельство? Почему не происходит массовое спасение душ?» Я свидетельствовал о Христе так часто, насколько это было возможно, но не видел больших видимых результатов.

Почва сердец этих узников была, как описывает притча о сеятеле, «при дороге» (Матфея 13:4). Из-за того, что человеческие сердца так переполнены атеизмом и глубокой безнравственностью, то семя Слова Божьего, однажды посеянное в такие сердца, сразу же похищается. Многие люди спрашивали меня о Боге из любопытства, но только единицы искренне хотели узнать о Господе и слушаться Его Слова.

Например, можно много времени провести, разговаривая с кем-нибудь и рассказывая ему о Боге, и этот человек проявляет большой интерес. С другими людьми устанавливаешь хорошие отношения, но как только затрагиваешь веру в Бога, они отказываются рассуждать на эту тему.

Когда общаешься с третьим типом людей, они просто придерживаются своих убеждений. У меня был такой опыт. После разговора о Боге, один заключенный сказал мне: «Между нами нет никакой разницы. Ты верующий, и я верующий. Ты молишься, и я тоже молюсь!» Но когда я поднял вопрос о том, что нужно быть послушным Библии, он ответил: «Я никогда не читал Библию и не

хочу. Я не верю в то, что там написано». После этого он больше не хотел разговаривать.

Иногда мне очень хотелось взять мегафон, по которому охранники отдают приказы, и хотя бы раз произнести проповедь о спасении и раскаянии всем одновременно! Конечно, этого не произошло, а осталось только мечтой.

В конце концов я пришел к выводу, что Господь посылает христиан в узы с одной целью: сказать грешникам, что они погибнут, если не найдут спасение во Христе. Как Слово Божье говорит нам: «Когда Я скажу беззаконнику: «смертью умрешь!», а ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника от беззаконного пути его, чтобы он жив был, то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих» (Иезекииля 3:18).

7: Михаил Азаров

Святой из газеты

Михаил Азаров (1935 г. р.) был арестован в августе 1984 года из-за своего служения пастором Независимой баптистской церкви в Белгороде. Его приговорили к пяти годам лишения свободы в советских трудовых лагерях – это был его уже второй срок за Евангелие. Тогда ему было 48 лет. Пастора Азарова неожиданно освободили в марте 1987 года. У него и его жены Надежды пятеро детей.

«Вот, получи за Крючкова!» – крикнул один из толпы, ударив меня кулаком.

Я только что вышел из собрания на моем заводе, где агенты КГБ клеветали на христиан и оскорбляли церкви евангельских христиан-баптистов. В результате люди настолько разъярились против верующих, что некоторые из них подскочили ко мне прямо на улице.

«А это получи за Винса!»

Но прохожие начали оттаскивать тех, кто на меня нападал, и мне удалось бежать живым.

Вскоре после этого избиения милиция обыскала дома многих верующих, включая и мой. Позднее прокурор мне сказал, что они рассчитывали найти деньги, но, конечно же, не нашли, потому что у нас их не было. Но они нашли два христианских журнала в моем доме. Меня арестовали и обвинили в нарушении статей 190 и 227 Уголовного кодекса. Статья 190 гласит «клевета на советскую действительность». В статье 227 речь шла о сведении молодежи с правильного пути, распространении литературы и о некоторых других видах деятельности. Нарушение статьи 227 влечет за собой наказание в виде пяти лет лишения свободы.

Я провел четыре месяца в тюрьме до суда. Со мной были заключены приблизительно десять узников, которые в основном были высокопоставленными людьми – инженерами и начальниками. Все они были уверены, что меня арестовали по ошибке. Они с трудом верили, что в нашей стране человека могут арестовать за его убеждения. Многие из них убеждали меня, что представители власти принесут свои извинения за эту ошибку и отпустят меня домой. Некоторые даже давали мне свои адреса, чтобы я мог пойти к ним домой и сообщить их женам, где они находились. Никто из них не предполагал, что меня могут приговорить к длительному сроку.

В тюрьме я всегда открыто рассказывал людям, что меня арестовали из-за того, что я христианин. Я также открыто молился и много говорил о Боге. Многие заключенные охотно соглашались, что Бог существует, но иногда казалось, что они просто хотели Его использовать. Например, они интересовались, сможет ли Он им помочь получить меньший срок.

Я пел в камере, особенно по вечерам. Остальным нравилось слушать. Несколько раз надзиратели предупреждали меня, что петь запрещено, но я все равно продолжал.

На Рождество я сделал надпись: «Ибо ныне родился вам Спаситель, Который есть Христос Господь». У меня был всего лишь один лист бумаги, но мне удалось поместить на нем все эти слова довольно большими буквами. Один из моих сокамерников, главный инженер, помогал мне. Это увидел охранник.

– Это хорошая надпись, – сказал он, – но почему вы не указали дату его рождения?

Тогда я дописал дату.

Незадолго до Нового года полковник КГБ и два майора пришли, чтобы посмотреть, как у меня дела.

– Вы знали, что двое ваших друзей уже предстали перед Богом? – спросили они.

Конечно же, я ничего не знал об этом.

– Вы знаете Бориса Артюшенко?

– Да, он мой друг, – ответил я.

– Он умер, – сказал полковник, – он не хотел жить, поэтому он ушел к Богу.

Бориса арестовали приблизительно в то же время, что и меня. Несомненно, он умер в тюрьме. Другим человеком был Ефим, проповедник из нашей церкви, который открыл свой дом для богослужений. Что я мог сделать, когда услышал о смерти моих двоих близких друзей? Я молился Богу и передал в Его руки все, что ожидало меня впереди.

– Не хотите ли вы попасть туда, где они? Мы можем вам помочь, – пригрозил полковник под конец разговора.

Наконец меня привели в здание суда. Слушание дела длилось три дня. В те дни я постился, как и многие мои друзья-христиане. Я просил Бога только об одном – помочь мне быть верным Ему.

Много людей пришли в суд: государственные должностные лица, атеисты, теле- и радиорепортеры, а также много христиан. Пожилой судья сказал, что он никогда не видел одновременно так много людей в зале суда. На третий день прочитали мой приговор: пять лет лишения свободы в трудовом лагере.

Вскоре меня посадили в тюремный фургон, чтобы приступить к этапированию. Один из узников в поезде внимательно меня рассматривал минуту, а потом закричал: «Эй, ребята, это тот святой, о котором мы читали в газете, тот, который сказал на суде, что он молится о заключенных!»

Во время судебного заседания судья спросил, признаю ли я связь с другими узниками-христианами. «Конечно, – сказал я. – Они мои братья, и я молюсь за них». Все это напечатали в газетах. Судья имел в виду верующих, но человек из поезда понял, что я молюсь за всех узников. Газетная статья очень мне помогла. Атеисты хотели нанести с ее помощью вред, но статья пошла мне на пользу и открыла много дверей.

Когда этот мужчина огласил, что в поезде находится святой, другой заключенный оттолкнул его в сторону, упал на колени передо мной и стал рыдать. Он попросил меня положить руки ему на голову и

помолиться о милости для него. Он видел, что так молятся в православной церкви, и хотел, чтобы я отпустил его грехи.

Он находился в безысходной ситуации. Он убил несколько человек и теперь был на пути в лагерь, где должен был заплатить за свое преступление. Мы разговаривали всю дорогу до Воронежа, и я объяснял ему Евангелие. Другие заключенные тоже слушали и время от времени говорили: «Говори громче – мы не слышим». Когда мы прибыли в тюрьму, нас с этим человеком разделили.

Меня привели в камеру, и оказалось, что газета из района, где я жил, опередила меня. Заключенные уже знали, кем я был. Поэтому они сразу же стали расспрашивать меня о моей вере.

«Мой дедушка верующий, и я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам», – сказал мне один молодой человек. Он оставался рядом со мной и даже пытался дать мне свою пищу. Из того, что он говорил и делал, было ясно, что его дедушка был хорошим христианином.

Я пребывал в воронежской тюрьме приблизительно месяц. Людей в камере было слишком много, почти не было чем дышать, и негде было лечь. Заключенные теснились даже под нарами.

Из Воронежа меня забрали в челябинскую тюрьму, где я провел двадцать восемь дней и где столкнулся с наиболее ужасными вещами за все мои годы в тюрьме. Каждый раз, когда кого-то переводили сюда в Челябинск из другой тюрьмы, заключенные спрашивали его: «И там творят «беспредел»?» «Беспредел» означает жестокое поведение банды уголовников, которая терроризирует других заключенных и творит все, что взбредет в голову.

Юра был главарем такой банды уголовников в нашей камере. Он был молодым и сильным, исполинского телосложения. Его отец, мать и трое братьев пребывали в тюрьме, а сам Юра сидел в тюрьме во второй раз. Вечером один из банды караулил, не идет ли охранник, а Юра отдавал приказ: «Я хочу увидеть кровь!» Они делали ужасные вещи другим узникам, о чем стыдно даже рассказывать.

Они никогда меня не трогали, но крик и стон других мужчин был душераздирающим. Двойная дверь отделяла нас от стражников, и поэтому они никогда не слышали, что происходит. А Юрина банда

поглядывала, не идет ли кто, потому что, если бы поймали, их бы наказали.

Спустя пятнадцать дней в этой камере я уже не мог терпеть эту дикость. Я молился: «Господь, это свыше моих сил». Вдруг мне на ум пришел стих из Библии: «Се, даю вам власть наступать… на всю силу вражью…» (Луки 10:19). Я почувствовал, что Господь направляет меня перейти в наступление, но я совсем не знал, чем это закончится.

В тот вечер, когда Юра стал раздавать приказы, я подошел к нему, взял его за руку и сказал:

– Юра, Писание говорит не поступать с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступали с тобой.

Все замерли, ожидая, что произойдет. Те, кого били и над кем издевались, смотрели на меня с надеждой, что, возможно, этот вечер пройдет тихо, без насилия.

Юра отдернул руку.

– Я не хочу тебе навредить, папаша. Но когда во мне просыпается дикий зверь, тебе лучше посторониться. Иди и сядь на свои нары.

– Послушай, Юра, – сказал я, – давай договоримся. Ты дашь мне всего один час, и я расскажу тебе о моем прошлом.

– Хорошо, ты всегда говоришь правду. И мы действительно ничего о тебе не знаем.

Он обратился к своим дружкам:

– Разрешим ему говорить? – Они пожали плечами. – Хорошо, – сказал Юра, – начинай.

Я рассказал им о христианах и как их преследуют. Я говорил об арестах и штрафах, о прерывании богослужений. Я говорил на протяжении часа, двух, трех. К тому времени уже была пора отбоя.

– Твой рассказ был интересным, – сказал Юра, – но вечер закончился. Ты сказал мне, что Христос учил не делать другим того, чего бы ты не хотел себе. Я хочу услышать больше.

Надзиратели зашли в коридор, и заключенным следовало занять свои нары, поэтому я пообещал продолжить в следующий вечер.

Двое узников почти не давали мне спать в ту ночь. Они все время подкрадывались к моей постели и задавали мне вопросы, вынуждая меня защищать мою веру. Они оба были образованными, приблизительно сорока лет, они вытерпели унижения со стороны Юры и его банды, и кровь все еще сочилась из их ран.

В последующие десять вечеров все повторялось. Заключенные подходили ко мне и говорили: «Пожалуйста, расскажи об Иисусе. Мы с радостью послушаем. Сделай что-нибудь, чтобы прекратить это безумство!»

Поэтому я продолжал говорить на тему «Не поступай с другими так, как бы ты не хотел, чтобы поступили с тобой». Конечно, было трудно сдерживать Юру, чтобы он больше не требовал крови. Но каким-то чудом мне разрешали говорить, а заключенные слушали и задавали всевозможные вопросы. Другие узники стали просить, чтобы их поместили в одну камеру со мной. Они хотели защиты. Но начальник тюрьмы смотрел на это по-другому. Он боялся, что под моим влиянием они станут верующими.

После Челябинска мы прошли еще через две тюрьмы на пути в Красноярск. В общем, я провел более двух месяцев в пяти разных тюрьмах. Под конец марта я, наконец, прибыл в лагерь в Нижнем Ингаше возле Красноярска. Этот лагерь был очень плохим, и даже начальник не отрицал, что он переполнен. В бараках нары были сложены в три яруса. Невозможно было избавиться от вшей, потому что у нас никогда не было достаточно воды, чтобы помыться. То небольшое количество воды, которое нам доставалось, привозили на грузовиках. Люди умирали от голода и холода.

Я узнал, что другой баптист, Алексей Каляшин (см. главу 12) был там до меня. Мужчины в бараках хорошо его помнили и даже показали мне нары, на которых он спал. Они показали мне некоторые поздравительные открытки, которые он получал и оставил им. Я радовался, читая стихи из Писания на открытках, потому что там у меня не было Библии. Очевидно, что у Алексея с собой было Писание.

Он ушел, но оставил хорошее свидетельство, и те, кто его знали, хорошо ко мне относились.

Я был легко одет, ведь большинство моих вещей украли, а температура опустилась до - 30 С. Но другие заключенные нашли мне шапку и носки, которые являлись ценным сокровищем, несмотря на то, что порванные. Я был благодарен за все, чем со мной делились. Начальник лагеря не относился ко мне плохо, но его подчиненные налагали на меня жесткие ограничения. Они говорили, что меня жестоко накажут, если я кому-нибудь расскажу о Боге.

В лагере узники всегда мерзнут и голодают, и это очень мучительно. Вдобавок ко всему этому мое первое рабочее задание стало для меня пыткой. Я должен был носить бревна на лесопилку. Из-за проблем со спиной переноска больших грузов причиняла мне острую боль. Меня отправили в лазарет, где меня осмотрели и признали, что у меня действительно были проблемы со спиной, поэтому меня перевели на более легкую работу.

Через несколько месяцев надзиратели нашли некоторые, полученные мной, открытки у других заключенных. Они обвинили меня в распространении открыток и посадили в одиночную камеру на два месяца. После этого, в октябре 1986 года, меня перевели в штрафной изолятор на шесть месяцев. Меня лишили всех привилегий, возможности отовариваться в тюремной лавке и видеться с моей семьей. Начальник вызвал меня к себе и сказал, что я враг народа и своей страны. Он приказал старшему по изолятору заморить меня голодом. Также он пригрозил, что собственноручно застрелит меня при первой же возможности, после чего меня снова отправили в одиночную камеру.

Но посреди этих испытаний Бог дал мне силу молиться и не впасть в отчаяние. Бог знает наш путь и наши желания. Пока я был заперт в одиночной камере, мои ноги сильно опухли, появилась серьезная сыпь. Мне было настолько тяжело, что я даже молился: «Господи, это слишком для меня. Возьми мою душу». Вскоре начальник проходил мимо моей камеры, чтобы увидеть, как мои дела. Он увидел, что я нахожусь в плохом состоянии, и приказал надзирателям отъединить

кровать от стены и опустить ее, чтобы я мог днем прилечь. Господь помог мне. Отечность в моих ногах уменьшилась, и кризис миновал.

Сотрудники КГБ часто приходили, чтобы поговорить со мной. Они насмехались надо мной и угрожали: «Ты будешь находиться здесь, пока не сменишь свои убеждения. Мы просто будем продлевать твой срок, пока ты не сдашся».

Я не сомневался, что они могут сдержать свои обещания, но я продолжал надеяться на Бога, потому что я знал милость и силу Господа. Когда я находился в изоляторе, работники КГБ из Белгорода приезжали в лагерь, чтобы поговорить со мной, но не называли своих имен. Один из них приходил четыре или пять раз. Он показал мне свое удостоверение на расстоянии, но я не смог прочесть его имя. Он задавал мне различные вопросы. Он также обвинял Совет церквей евангельских христиан-баптистов в предательстве родины. Он требовал, чтобы мы перестали печатать христианскую литературу, писать прошения, а стали сотрудничать с КГБ. Я всегда отвечал ему прямо и отказывался от любого вида сотрудничества. После таких бесед мне длительное время не оказывали никакой медицинской помощи.

Поскольку КГБ был знаком с работой Совета родственников узников, меня предупредили, что если люди за стенами лагеря узнают о моем положении, то будут выдвинуты новые обвинения против меня и моей жены. Они не хотели, чтобы Божьи люди узнали, что со мной происходило. Но мне удалось передать моей жене, что у меня все отняли, а я сам нахожусь в плохом физическом состоянии.

Когда Божьи люди писали прошения касательно меня, я знал, что меня не забыли. Представители власти, конечно, возражали и говорили, чтобы я написал моим друзьям и попросил прекратить подавать прошения. Но каждый раз, когда в лагерь приходили телеграммы и прошения, моя ситуация всегда улучшалась. Я был очень благодарен Господу и моим друзьям за эту помощь.

Я всегда радовался, когда получал письма. Для заключенного это многое значит. Когда читаешь письмо, то на мгновение забываешь, что пребываешь в узах. Просто радуешься и благодаришь Бога. 25 декабря я услышал, что охранник идет по коридору, объявляя: «Слава в

вышних Богу, и на земле мир, в людях благоволение!» Я, конечно же, удивился. Он произнес это снова, потом подошел к двери моего изолятора и спросил:

– Михаил Азаров, вы случайно не знаете, кто получает письма с такими словами?

– *Знаю,* – признал я.

Он передал мне большую связку писем, приблизительно сто пятьдесят, из разных уголков страны. Я читал их и перечитывал, вознося благодарность Богу. Я также получал письма и открытки из-за границы. Я был тронут заботой людей, особенно тем, что у нас есть друзья в других странах, которые поддерживают нас в своих молитвах.

В штрафной изолятор меня помещали вместе с наихудшими заключенными, с которыми обычные узники даже не хотели находиться рядом. Но Бог помогал мне убедить их прекратить свой ужасный грех и насилие, и они обычно хорошо ко мне относились.

Во время пятого месяца моего пребывания в изоляторе меня вместе с несколькими другими заключенными перевели в очень холодную камеру. Потом их уводили. Других узников приводили и уводили из камеры, но я оставался там все время. Я даже не могу описать, как там было холодно. Мои суставы настолько опухли, что я не мог согнуть ни локти, ни колени. Я чувствовал, что промерз насквозь. Все, что я мог делать, так это надеяться на Бога. Несколько раз я просил надзирателей забрать меня оттуда, но они всегда насмехались: «Если тебе что-нибудь нужно, помолись своему Богу».

Перед моим освобождением ко мне в лагерь стал приходить один служащий, приблизительно тридцати пяти лет, чтобы поговорить. Он никогда не называл своей фамилии; он только сказал, что по поручению советского правительства должен со мной поговорить, потому что власти пересматривают все дела верующих. Он приходил четыре или пять раз и пытался убедить меня написать заявление о том, что я виновен в том, в чем меня обвиняют, – что я был задействован в распространении антисоветской клеветы и что Совет родственников узников печатает клевету на советскую действительность. Что я мог сказать? Конечно, я отрицал каждый пункт и отказывался писать или

подписывать подобные документы. Позже этот служащий сказал, что правительство не против меня отпустить, но я должен подписать только один документ о том, что я буду сотрудничать с КГБ. Я ответил, что, как христианин, я не могу подписать такое заявление. Несмотря на плохое самочувствие, я знал, что этого не подпишу.

В последний раз, когда этот человек пришел увидеться со мной, он сказал:

– Сегодня улетает самолет, и вы можете быть на нем, но вы должны это быстро подписать, или же вы на него не попадете.

Он протянул мне документ, где было сказано, что я признаю себя виновным и прошу о помиловании.

Я ответил:

– Я не могу этого подписать. Если есть приказ о моем освобождении, то я, конечно, хочу уйти. Но я не изменил свои взгляды на регистрацию, военную службу, Совет церквей евангельских христиан-баптистов, Совет родственников узников, издательство «Христианин» или наши братские отношения. Я считаю все правильным и находящимся на своих местах.

В конце концов, он вздохнул:

– Просто напишите, что хотите.

И я написал, что я, Михаил Азаров, осужденный за предполагаемое нарушение некоторых статей Уголовного кодекса, не виновен в антисоветской деятельности, что если советское правительство пересматривает дела, связанные с религией, оно должно рассмотреть и мое дело и если они хотят отпустить меня, я бы хотел отправиться домой.

Служащий не хотел принимать мое заявление, но в конечном итоге взял и ушел. Прошло приблизительно две недели, и мое физическое состояние стало резко ухудшаться. Я постоянно промерзал до костей, у меня были сильные сердечные боли, и я не мог ночью спать. В воскресенье 22 марта я провел всю ночь в молитве. Я замерзал. Чувствуя, что дольше не протяну, я уже прощался с жизнью. На следующий день, 23 марта, в четыре часа вечера охранник открыл

дверь моей камеры и сказал: «Михаил Азаров, поздравляю! У меня для вас хорошие новости. Мы получили приказ о вашем освобождении».

Я не мог в это поверить! Незадолго до этого мне сказали, что администрация планировала дать мне еще шесть месяцев изоляции и что я никогда не выйду. Они лишили меня свиданий и посылок с едой и, видя, в каком я нахожусь состоянии, думали, что я не доживу до конца моего срока. Но у Господа были для меня другие планы. Теперь я был свободен.

24 марта меня вызвали в кабинет к начальнику лагеря. Он сказал: «Михаил Азаров, я от всего сердца поздравляю вас. Советское правительство приняло решение освободить вас досрочно. Я очень за вас рад. Но будьте осторожны. Не возвращайтесь сюда. Хотя вы и являетесь нашим врагом, я уверен, что вы измените свои взгляды». Он приказал охранникам выдать мне ботинки, одежду и те деньги, которые прислала мне жена.

Мне нужно было идти до железнодорожной станции приблизительно три километра, но я едва мог двигаться. Но Господь меня не оставил. Возле меня остановилась машина, и водитель предложил подвезти меня. Он остановился у небольшого магазина, где я купил немного хлеба и конфет. Я был настолько голоден, что, казалось, я никогда не наемся хлеба. Потом он отвез меня в город на железнодорожную станцию. Я купил шапку, шарф, рукавицы и сел на следующий поезд.

Когда я прибыл в Красноярск, приблизительно в одиннадцать часов ночи, я отправился в квартиру моего старого друга, который не узнал меня, пока я не снял шапку и шарф. Неожиданно он осознал, что бывший заключенный теперь стоит перед ним. Он обнял меня и заплакал. Первое, чего я хотел, это согреться.

Я оставался там несколько дней и виделся с другими христианами. Мой друг хорошо обо мне заботился, и я стал набираться сил. Потом я полетел в Москву, где меня встретила жена и двое сыновей. Наконец-то я вернулся в мой родной город Белгород!.. Много друзей собралось у меня дома, чтобы меня поприветствовать. Я был таким худым, что некоторые люди меня не узнавали. Они приготовили для меня очень

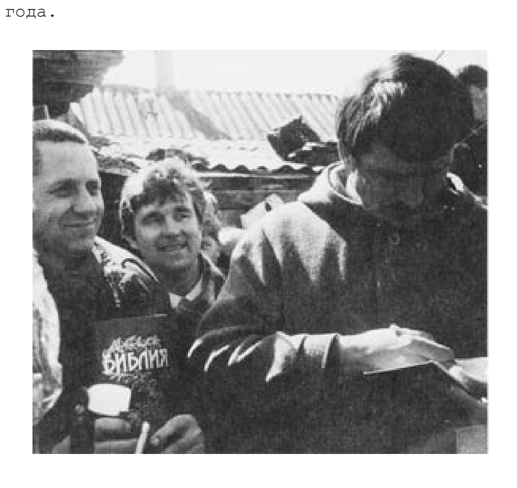
радушный прием – так много друзей, так много цветов! Многие плакали, как и я.

На богослужении в тот вечер я рассказывал о том, что пережил. Все удивлялись, что я выжил. Но я думаю, что лучше иметь больное тело, но здоровый дух, чем наоборот.

Господь сохранил меня. Как радостно верить Богу, зависеть от Него и знать, что Он наш Защитник. Господь, будучи верен и милостив, позволил мне оставаться верным Ему и уповать на Него в те темные дни. Как сказал Христос: «Если Меня гнали, будут гнать и вас...» (Иоанна 15:20). Пусть Он поможет всем нам.

Проповедь на богослужении под открытым небом весной 1988 года.

Михаил Азаров получает Библию, как подарок по случаю возвращения домой.

8: Михаил Хорев

Из «африканки»

Михаил Хорев (1931–2012 гг.) хорошо известен среди верующих на территории бывшего СССР как пламенный евангелист и преданный молодежный служитель. Благодаря его непоколебимой верности Писанию, а также теплому, доброму юмору его любили как старшие люди, так и молодежь. Советские власти также заинтересовались служением пастора Хорева в церкви евангельских христиан-баптистов, за что заключили его в тюрьму в общей сложности на двенадцать с половиной лет. Его последний срок закончился в декабре 1986 года. У Михаила и его жены Веры трое сыновей.

Рано утром 19 декабря 1986 года наша семья собиралась пойти к тюремным воротам, чтобы встретить нашего отца, которого должны были освободить в тот день. Но в семь часов позвонили в дверь. Мама открыла дверь, а там стоял папа в тюремной робе. Мы все обрадовались и стали обнимать его. Как оказалось, большое количество друзей-христиан уже собралось около тюрьмы – дети, подростки и взрослые из многих городов Молдавии. Начальство тюрьмы не хотело, чтобы большая толпа встречала папу прямо возле входа в тюрьму, поэтому они посадили его в машину и тайно отвезли домой. И вот он прибыл. Прежде, чем мы даже успели помолиться, стали приезжать те, кто ожидал его у тюрьмы. Вскоре все было заполнено людьми и цветами. Потом папа произнес свою первую за семь лет проповедь, основанную на Деяниях 12. [Из воспоминаний сына.]

Михаил Хорев, все еще в тюремной робе, находит время для семейной фотографии в день освобождения из тюрьмы.

Царь Ирод поднял свою руку на некоторых апостолов, и власти арестовали Петра и Иакова. Это не были обычные аресты, потому что люди эти были апостолами, столпами церкви. Какой же страх, наверное, почувствовали ранние христиане: «Что случится с нами, если арестуют всех наших лидеров?»

В этом году мы праздновали двадцать пятый юбилей Совета церквей евангельских христиан-баптистов, поэтому мы уже имеем двадцать пять лет опыта хождения по этой тернистой тропе. На самом деле, если рассматривать всю историю церкви, то у нас уже есть почти две тысячи лет опыта. Но все равно, когда всех наших лидеров арестовывают, мы вдруг начинаем беспокоиться о том, что же случится с нами дальше. Насколько же больше, наверное, трепетала та горсточка верующих в Иерусалиме, когда арестовывали их лидеров. В конечном счете у нас есть книга Деяний апостолов. Мы можем иметь надежду и уверенность на основании того, что написано в Новом Завете. Но у первых христиан этого не было. И неожиданно Ирод поднял руку на некоторых лидеров церкви.

Но заметьте, что Ирод поднял руку не на всех лидеров церкви. Почему он не арестовал их всех? Ведь было не так много христиан. Он мог забрать всех их и положить конец церкви. Может, ему не хватало решительности? Может, ему не хватало злых намерений? Я думаю, что у него было достаточно и того, и другого. Почему же он забрал только некоторых?

Ситуация в те дни была такой же, как и сейчас.

Власти могут сделать только то, что позволит Бог. Любые меры, которые они предпринимают, контролируются свыше, и они должны иметь на это Божье разрешение. Так же, как человека не могут посадить в тюрьму без санкции прокурора, так же власти не могут посягать на христиан без Божьей санкции.

Ирод поднял свои руки на нескольких лидеров церкви. Иакова арестовали, и вы знаете, что с ним произошло, его обезглавили, потому что Бог дал на это разрешение. Петра также арестовали, но для него все закончилось по-другому. Тюремные врата открылись, и Петр вышел, потому что только Бог устанавливает границы и решает, что враги смогут сделать, а что – нет.

Вы знаете, как я себя чувствовал, когда сегодня для меня открылись ворота? Охранники поторопили меня выйти из камеры, быстро посадили в машину и умчали. Я спросил: «Куда вы так торопитесь?» Как оказалось, вы все ожидали меня возле тюрьмы. Они должны были быстро забрать меня оттуда! И когда меня сегодня освободили, я чувствовал, что это даже большее чудо, чем с освобождением Петра. Почему? Потому что когда Петр покидал тюрьму, все охранники спали, но в моем случае они бодрствовали и выводили меня с открытыми глазами. И я говорю: «Господь, есть ли что-нибудь слишком сложное для Тебя? Есть ли границы Твоей силы?»

Поэтому не будем унывать, когда слышим, что кто-то из Божьих людей попал в сложные обстоятельства или что в тюрьму посадили брата или сестру. Все это происходит с Божьего разрешения, и враг не может удерживать нас ни на минуту дольше, если на то нет Божьей воли.

Я благодарю Бога за божественные санкции касательно церкви за две тысячи лет. Я благодарю Господа за преданность мужчин и женщин, пребывающих в узах из-за того, что Ирод поднял на них свою руку. Я благодарю Бога также за тех, кого не арестовали, но кто был готов принять все, что им встретится на пути следования за Богом.

Когда я находился в тюремных лагерях, я всегда молился: «Господи, Ты видишь людей вокруг меня. Когда я смогу поговорить с ними о Тебе?» Они были грубыми, некоторые даже были настолько испорчены, что теряли человеческий облик. Я говорил: «Господь, Твой слуга готов говорить о Тебе. Дай мне возможность и подготовь почву». Иногда проходили недели и месяцы, а у меня не было возможности ни с кем поговорить. Что я мог сделать? Я просто жил перед ними как христианин. Но в другие периоды я мог говорить с людьми каждый день, и иногда я видел моментальные плоды этих бесед.

Например, однажды в омском лагере меня заперли в карцере на пятнадцать суток, и меня должны были отметить в конторе перед возвращением в основной лагерь. Когда я туда пришел, там было около пятнадцати служащих. Я сказал начальнику, что только что прибыл из карцера и должен получить разрешение вернуться в основной лагерь. Он дал мне слово, но предупредил быть осторожным.

– Послушайте, Хорев, – сказал один из присутствующих, – у меня есть к вам вопрос. Вы действительно верите в Бога или это какая-то игра?

«*Спасибо, Господи*, – тихо помолился я, – *это именно то, о чем я просил*»

– Почему вы хотите знать? – спросил я.

– Ну, возможно вы с этого что-нибудь имеете. Или же это какая-то ваша причуда. Откуда мне знать?

– Я действительно верю в Бога.

– Я не верю, что вы на самом деле верите в Бога.

– Послушайте, – сказал я, – здесь вас пятнадцать, и я не верю, что все вы неверующие, что никто из вас втайне не молится Богу.

– Осторожно, Хорев! – прервал меня начальник. – Я могу сейчас возбудить против вас еще одно уголовное дело за эти слова! Это религиозная агитация. Согласно нашей Конституции, я имею право заниматься антирелигиозной агитацией, но религиозная агитация запрещена статьей 142 Уголовного кодекса. Вы можете получить дополнительно три года за нарушение Законодательства о религиозных культах от 1929 года. Возвращайтесь в бараки и напишите доклад о том, что вы здесь сказали, и мы заведем на вас новое дело.

– Я готов отбыть еще три года, – сказал я им, – и это будет не напрасно, если хотя бы один из вас станет христианином.

Я возвратился в свой барак. По каким-то причинам впоследствии ничего не произошло. Начальник лагеря больше меня не вызывал. Позднее я сталкивался с некоторыми из тех служащих наедине. Все они вежливо приветствовали меня. Один сказал, что его родители

были христианами, но он никому раньше этого не рассказывал. Он сказал, что с самого детства молится Богу.

В иной раз, когда все заключенные шли в помещение, чтобы отметиться у надзирателей, один служащий крикнул мне через дворик, что мои ботинки грязные, и вызвал к себе в кабинет. Как оказалось, он просто искал возможность поговорить со мной наедине. На протяжении многих лет его мучили мысли о том, есть ли Бог, и он хотел со мной поговорить. Оставшийся мне срок в лагере он время от времени каким-то образом помогал мне. Так что Господь показал мне плод одного маленького происшествия.

За годы пребывания в узах я встречал заключенных из всех уголков страны. Один человек, узнав о том, что я христианин, рассказал мне следующую историю:

– Когда нас везли этапом на восток в Хабаровск, – начал он, – в нашем поезде была всего лишь одна девушка, и она была христианкой. Я так и не узнал ее имени. Эта девушка пела на протяжении всего нашего путешествия, день за днем. По каким-то причинам охранники ее не останавливали. А она продолжала петь. Обычно заключенные ведут себя грубо, когда видят женщину. Они глумятся, смеются и говорят всякие пошлости. Но никто не сказал ничего плохого этой девушке. Ее пение повлияло на всех нас. «Спой еще!», «Запиши для меня слова!» – выкрикивали ей мужчины. Некоторые говорили охраннику: «Сержант, скажите ей, чтобы продолжала петь. Проведите ее по вагону, чтобы мы увидели ее лицо».

И когда она пела, в вагоне царила тишина. Даже самые заядлые преступники, мужчины, которые отсидели несколько сроков, отворачивали лица, пряча слезы.

– Что она пела? – спросил я. – Какими были слова ее песни?

– Я не помню слов, – ответил он, – но я все еще чувствую ее песни в своем сердце.

Я предложил спеть несколько гимнов, возможно, он узнает какой-то из тех, что пела девушка. Я спел один, потом другой, третий. Каждый раз он повторял:

– Нет, не этот.

А когда я спел «О, мой Бог! Ты знаешь все, на душе так тяжело».

– Да, да! – закричал он. – Точно! Именно эту песню она пела!

Друзья мои, давайте споем сейчас этот гимн, а потом помолимся об узниках.

«Африканка» – это особый карцер. Во время моего последнего тюремного заключения меня помещали туда трижды, последний раз на пятнадцать дней. Бетонный пол этой маленькой и очень холодной камеры был разбит на квадраты металлическими уголками, высотой сорок сантиметров, на расстоянии тридцать сантиметров, из-за чего очень трудно было ходить по камере и невозможно сесть или лечь. Из разбитого окна непрестанно сквозило леденящим холодом. Спать удавалось всего несколько минут за раз, присев и склонившись на стену. Но как только засыпаешь, сразу же просыпаешься от холода, и опять нужно начинать растирать руки и ноги, чтобы не замерзнуть. Заключенные, которые попадают в эту камеру, изнуряются настолько, что от изнеможения падают на пики. Поэтому камера называется «африканка» – заходишь туда белым, а выходишь черным, укрытым синяками и запекшейся кровью.

Только благодаря Божьей милости и вашим молитвам мне удалось вытерпеть самый трудный период за все годы моего тюремного заключения... Момент был критическим. Все мои силы иссякли. Я вспоминал Илию, как он сидел под можжевеловым кустом и просил Бога позволить ему умереть. Бог не выполнил его просьбу. Вместо этого Он обеспечил его пищей и отдыхом, а потом дал Илии задание. Я стал думать: «Возможно, у Бога еще есть для меня задание. Для меня проще всего будет умереть, но хочет ли этого Господь?»

Именно тогда я почувствовал, что Господь держит меня в Своих руках, ограждая меня, и я услышал, как Бог говорил к моему сердцу: «Если ты попросишь у Меня свободу, Я сразу дам тебе ее безо всяких компромиссов с твоей стороны. Если ты попросишь смерти, Я позволю тебе умереть, как мученику за Меня. Но если ты помолишься: «Пусть будет воля Твоя» и оставишь решение Мне, тогда Я продолжу вести тебя Моими путями».

Так началась большая борьба. Я абсолютно точно знал, что если я попрошу о свободе или о смерти, Бог бескомпромиссно исполнит мое желание. Но если я полностью вверю себя Божьей воле, я буду продолжать идти этой дорогой страданий. Я размышлял о Езекии, который открыл свое желание Господу, попросив о продлении жизни на пятнадцать лет. Господь выполнил его просьбу, но что в результате этого произошло?

«*Имею ли я право требовать что-либо от Господа?*» – спрашивал я себя. Потом я помолился: «Господь, я больше ни о чем Тебя не буду просить. Пусть будет воля Твоя. Лишь дай мне силу исполнить Твою волю!» Вдруг радость наполнила мое сердце.

Помолившись, я пробрался к батарее, осторожно ступая между пиками на полу. К моему удивлению, батарея была теплой! Я прислонился к ней и согрел спину, боль начала утихать. Я осознавал, что, как и Илии, мне предстояло сорокадневное путешествие. Сколько времени действительно займет этот путь, я не знал, но это уже не имело значения. Я знал, что Господь может освободить меня в любую минуту, но, пока я доверяю Ему, Он будет меня вести по пути, который угоден Ему.

Под конец моего пятилетнего срока я стал понимать, что меня не освободят. Когда моя семья приехала меня навестить, они сказали, что Николаю Батурину вновь вынесли приговор, и я был уверен, что это же произойдет и со мной. Начальство лагеря оказывало на меня сильное давление. Они не отдавали мне мою почту, а письма, которые я писал своей семье, не выпускали из лагеря. Я пытался писать только короткие, простые сообщения, но администрация все равно не выпускала письма. Например, один из сотрудников сказал мне, что я могу писать только то, что они разрешат.

– Хорошо, – ответил я, – что я должен сказать? Вы продиктуйте мне букву, а я запишу ее и пошлю моей семье, чтобы они хотя бы знали, что я жив.

– Нет, – сказал он, – даже если мы так и поступим, вы поместите туда какое-то секретное сообщение. Смотрите, вот письмо, которое вы написали. Здесь сказано: «Я получил тапочки, которые вы мне прислали. Спасибо. Они очень славные». Здесь какое-то послание.

– Поверьте мне, – ответил я, – там нет никакого секретного послания! Моя семья прислала мне тапочки, и я просто хочу им сообщить, что я их получил. Вот и все.

Это всего лишь один маленький эпизод, но происходило гораздо больше всего. Я начал чувствовать безвыходность. Я знал, что Бог всегда дает путь, но я не мог видеть вообще никакого света. Я чувствовал себя в длинном, темном тоннеле. Я продолжал убеждать себя, что каждый тоннель заканчивается, что Бог меня выведет вновь на свет. Но почему-то мои слова казались пустыми.

Однажды меня вызвал надзиратель. «Пойдем со мной, – сказал он, – нужно перекопать землю перед лагерем».

Вокруг лагеря натянуты два ряда колючей проволоки, и землю между ними постоянно перекапывают, чтобы не росли сорняки и хорошо было видно следы ног. Сотрудник вызвал еще одного заключенного из моего барака, потом привел нас к одному охраннику и сказал: «Возьми этих двоих, и пусть идут перекапывать землю».

Мы взяли лопаты и пошли с солдатом. Он указал каждому из нас участок работы, и мы стали взрыхлять землю. Ему не было чем заняться, кроме как охранять нас, поэтому он подошел ко мне и начал говорить:

– Слушай, отец, за что тебя посадили?

– Я верующий, – ответил я, – за это меня приговорили.

– Верующий! – вскрикнул он. – Не может этого быть!

– Ты разве никогда не встречал верующих?

– Встречал, – ответил он, – а что ты за верующий?

– Я христианин. Если быть более точным, я – баптист. Ты когда-нибудь слышал о баптистах?

– Конечно, – ответил он, – мой сосед был баптистом. Дай-ка я взгляну на твою табличку с именем, – он прочитал мое имя. – Хорев? Погоди, я знаю, кто ты! Это о тебе писали в «Вестнике Истины».

В этот момент другой узник стал к нам подходить. Солдат немедленно отослал его копать в самый отдаленный конец забора. Потом он мне сказал:

– Когда я еще жил дома, пока меня не призвали на воинскую службу, у нас был сосед – баптист, пастор церкви. Он получал «Бюллетени Совета родственников узников ЕХБ» и «Вестник Истины», но он не мог хранить их у себя дома, потому что его дом часто обыскивали. Мои родители разрешили ему хранить эти журналы в нашем доме, и я все их перечитал. Вот откуда я знаю твое имя – я читал написанные тобой статьи.

Молодого солдата призвали всего четыре месяца назад, и он стал рассказывать мне все последние новости о церкви, которые он прочел в журналах. Мы разговаривали три часа. Кто бы мог подумать, что такая встреча возможна в лагере?

– Ты когда-нибудь посещал богослужения со своим соседом? – спросил я.

– Я хотел, – ответил он, – но я решил этого не делать, потому что милиция часто приходит на собрания и записывает фамилии всех присутствующих.

Под конец нашей беседы молодой солдат сказал:

– Когда будешь молиться, пожалуйста, не забудь помолиться и обо мне.

– Не стоит это откладывать, – сказал я ему, – давай помолимся сейчас.

Так, прямо там, с лопатой в руке, я помолился о нем.

– Я еще позову тебя копать здесь, – сказал он, когда мы расходились.

Но, как оказалось, я никогда больше его не видел. На следующий день меня посадили в штрафной изолятор, пока против меня готовили новое дело. Потом меня снова привели в суд, вынесли повторный приговор и перевели в другой лагерь отбывать еще два года. Я понял, что Бог организовал эту особенную встречу, чтобы ободрить меня. Наш

Бог устраивает все наши обстоятельства, и Он знает, что именно нам нужно и когда.

Сегодня, в первый день пребывания дома, я вспоминаю день, который был ровно два года назад, когда я должен был освободиться из лагеря, отбыв пятилетний срок. Вместо этого мне добавили еще два года. Но я чувствовал себя победителем. Мой дух не был сломленным! Я благодарил Господа за мои новые обстоятельства и за то, что Он чудным образом меня вел. Я был уверен, что Господь запланировал нечто особенное на следующих два года. Я сидел один в своей камере – она была слишком мала, чтобы прохаживаться – и пел гимн «Радуйся, радуйся, о христианин».

Охранник у моей двери не пытался меня остановить, но спросил:

– Как вы можете петь в такое время? – он знал, что меня должны были выпустить в тот день. – Группа ваших друзей стоит у ворот, все они плачут и переживают за вас. Как вы можете петь?

Очевидно, моя жена и сын ждали у ворот с друзьями-христианами из Омска и других городов. Им сказали, что меня не выпустят, и они горевали. Вот как я попытался объяснить это охраннику:

– Все происходит именно так, как должно. Они должны плакать, а я радоваться. Тот, кто несет ношу, должен быть победоносным, а те, кто его поддерживают, должны быть взволнованными.

Апостол Петр был хорошим примером. Пока он находился в тюрьме, его дух ликовал, и он мирно спал. А церковь? Они бодрствовали и молились. Петр спал, а церковь бодрствовала. Значит ли это, что они были более духовными? Совсем нет. Это отображает их глубокое понимание ситуации. Но Петр не боялся, хотя ему, вероятно, предстояло быть обезглавленным, как Иакову. Когда ангел пришел в камеру, ему пришлось будить Петра. Но что, если бы Петр не спал и волновался, а церковь в это время мирно отдыхала? Если другой человек страдает, испытывая нужду и трудности, а вы спокойны, и это не касается вашего сердца, тогда что-то не так.

В тот день, два года назад, Господь задал мне вопрос. Конечно, я не услышал голос вживую, но сердцем я услышал, как Он спрашивает:

«Хочешь ли ты чего-нибудь особенного в день твоего освобождения? Скажи Мне свою просьбу».

Я подумал несколько минут об этом. *Чего же я действительно хочу? Я хочу быть со всей своей семьей в день освобождения, который будет также днем моего рождения, я хочу помолиться с ними в тот день.* Но как же это может случиться? Добраться домой из Сибири за один день практически невозможно. А когда меня перевели в Улан-Удэ, еще в два раза дальше от дома, я осознал, что о встрече с моей семьей в день моего освобождения и думать было нечего. Ну что же, я высказал свое желание Богу; у нас есть на это право.

Позднее, шесть недель назад, неожиданно меня вызвали в кабинет начальника тюрьмы и сказали, что меня переводят в тюрьму в Кишиневе. Я спросил почему. Надзиратель не знал – он просто выполнял приказы. Охранники должны были сопровождать меня в Кишинев на самолете. Только тогда я вспомнил мою просьбу помолиться со своей семьей в день освобождения.

11 ноября на меня надели наручники и этапировали в Кишинев в сопровождении троих конвоиров, которые сказали, что никогда не слышали, чтобы заключенного перевозили на такое большое расстояние самолетом только для того, чтобы позже освободить в его родном городе. Обычно заключенных перевозят поездом, и путешествие занимает недели и месяцы. Что я мог сказать? Я только пожал плечами. После этого солдаты со мной не разговаривали, потому что им не разрешено этого делать. Меня они посадили посредине, чтобы я ни с кем не мог общаться, что меня вполне устраивало, ведь я мог сосредоточиться и помолиться Богу.

Я спросил Господа: «Как я удостоился чести подняться на такую высоту?» Я имел в виду не самолет, летящий на высоте десять тысяч метров над землей, а, скорее, обстоятельства. Заключенных никогда не перевозят самолетом без особой надобности. Но сейчас это было только для моего освобождения. Чем больше я об этом думал, тем больше я убеждался, что это ответ на мою просьбу, сделанную два года назад. И сегодня я могу смело сказать, что мы никогда не просим достаточно у Бога. Мы ограничиваем Его нашими маленькими

ожиданиями, как будто мы верим, что Он находится за пределами нашего понимания.

Я попросил Бога позволить мне быть со своей семьей сегодня, в день моего освобождения, но Его ответ намного превзошел мою просьбу. Я могу помолиться не только вместе со своей семьей, но также и со многими моими друзьями, которые любят Господа и служат Ему и Его церкви. Это праздничный день для всех нас.

Только подумайте – если это воссоединение приносит столько радости, что же тогда ждет нас, когда мы, наконец, попадем на небеса? Мы воссоединимся со всеми святыми, которые ушли прежде нас и ждали нас все эти годы. Какой же это будет день! И радость этой встречи никогда не закончится. У нас есть много чем поделиться со святыми, ожидающими нас. У нас будет много причин для радости. И я думаю, что там также будет много сюрпризов для нас – потому что сейчас мы не понимаем всех путей, по которым Господь ведет нас. Я не говорю, что мы поймем все сразу же. Я думаю, что мы будем учиться понимать Божьи пути тысячи лет. Мы будем наполнены Божьей мудростью и будем непрестанно радоваться и удивляться, когда будем лучше понимать путь, по которому Он нас ведет. Мы скажем: «О, Господь, как велика мудрость Твоя! Мы много чего не понимали».

Братья и сестры, нам нужно больше доверять Богу уже сейчас. Когда мы попадем на небеса, мы воздадим Ему славу и хвалу. Но даже сейчас Божий план на нашу жизнь заключается в том, чтобы учить нас, даже в непомерных обстоятельствах, доверять Ему и славить Его, как Бога всей мудрости и славы. Таким образом, Он готовит нас к небесам.

Нескольким другим служителям, которых освободили раньше, чем меня – Минякову, Батурину и другим, – предстоял испытательный срок, поэтому я ожидал, что это коснется и меня. Но заключенного могут «наградить» испытательным сроком только за нарушение правил лагеря, чего я не делал, и мне было интересно увидеть, что же предпримет администрация лагеря.

Незадолго до моего освобождения авторитетный заключенный из моего барака подошел ко мне и сказал:

– Слушай, Михаил, мне нужно с тобой поговорить. Начальник вызывал меня и сказал, что я должен доложить о трех нарушениях с твоей стороны за следующий месяц. Если я этого не сделаю, он посадит меня в одиночную камеру. Что мне делать?

Я не знал, что сказать. Разве мог я дать ему совет солгать? Но если я скажу ему этого не делать, его накажут.

– Извини, – наконец-то сказал я, – но я не могу дать тебе никакого совета. Тебе придется самому решать.

– В таком случае я думаю, что просто расскажу о небольших нарушениях, ничего такого, за что тебя могут посадить в карцер.

Я был вполне уверен, что через месяц у меня в деле будет запись о трех нарушениях. И позже у меня будет год испытательного срока. Что это значит, я до сих пор точно не знаю, кроме того, что мне нельзя будет выезжать из города, выходить из дома вечером и что милиция будет проверять, нахожусь ли я дома. Но в этом, как и во всем другом, я доверяю Господу.

Оживленные проповеди Михаила Хорева делали его любимцем молодежи.

Я смотрю на это следующим образом: во времена служения апостола Павла у него было мало свободного времени. Он постоянно был в движении, редко надолго оставался на одном месте. Трудно было его застать. Но когда его посадили под домашний арест в Риме и он никуда не мог ходить, все могли приходить его навестить и пообщаться. Павел в тот период написал послания. Поэтому два года «испытательного срока» Павла стали благословением для всех. Я молюсь, чтобы подобным образом Бог использовал год моего испытательного срока как благословение.

В последние несколько дней я размышлял о том, что увижу всех вас, и думал, чем я с вами поделюсь. Когда я сегодня ехал домой, мне окончательно стало ясно. Основная мысль, которую я хочу высказать: Господь никогда не меняется. Он такой же вчера, сегодня и всегда, и пока Христос не вернется, церковь постоянно пребывает под Его особой заботой. Если мы верны Ему в различных обстоятельствах, тогда мы получим Его благословения. Бог будет на нашей стороне.

Двадцать лет прошло после того, как я впервые был под следствием, после моего первого заключения в тюрьму. Спустя десять дней после моего первого ареста меня вызвали в кабинет следователя на допрос. По каким-то причинам он оставил дверь открытой и посадил меня так, чтобы я видел людей, проходящих по коридору. Это было очень необычно, и я думал о том, что здесь происходит. Затем я увидел охранника, который вел заключенного. Этим узником был Геннадий Крючков. Его только что арестовали, и они хотели, чтобы я об этом узнал. Это был настоящий удар. После того как он прошел, дверь закрыли, и начался допрос.

– Что вы об этом думаете? – сказал следователь. – Председатель вашего Совета теперь заключенный. Ваша работа окончена.

Я ответил:

– Если бы вы сказали, что опять распяли моего Иисуса, и похоронили Его, и подкатили камень к Его гробнице, тогда это

действительно был бы конец. Но Христос воскрес из мертвых! Тогда что вы можете сказать, чтобы огорчить меня?

После воскресения Христос сказал: «Мир вам». И наш Господь не изменился. Он такой же сегодня. Он посылает нам Свой мир во всех обстоятельствах – хороших и плохих – что бы то ни было.

9: Владимир Охотин

Певец заключенным слушателям

Быть музыкальным руководителем в церкви – трудно назвать антиправительственной деятельностью, но этого было достаточно, чтобы приговорить Владимира Охотина (1942 г. р.) к двум с половиной годам тюремного заключения. В возрасте 42 лет Охотин был арестован в ноябре 1984 года за свое музыкальное служение в Независимой баптистской церкви в Краснодаре. Его освободили в мае 1987 года. У Владимира и его жены Надежды восемь детей.

– Эй, Охотин, нам только что позвонили относительно вас из отдела кадров. Вы должны поехать и подписать заявление на отпуск, – сказали мне.

Вообще-то, я уже находился в отпуске, просто зашел вместе с женой на свою работу, чтобы забрать зарплату. Я сказал:

– Хорошо, я поеду.

– Вы туда поедете? Вы точно остановитесь возле того здания?

– Да, да, конечно.

Когда мы подъехали к зданию, где находился отдел кадров, я заметил черную «Волгу», припаркованную за углом. Тогда я понял, что что-то не так. «Не нравится мне эта машина», – сказала моя жена.

Мы зашли в помещение, и женщина в приемной сказала:

– Хорошо. Мы надеялись, что вы придете. Отнесите этот бланк главному инженеру на подпись, а потом принесите его сюда.

Моей жене она сказала:

– Вы можете подождать своего мужа здесь.

Я взял бланк и ушел. Когда я вышел из парадной двери, я увидел, что черная «Волга» теперь припаркована перед зданием. Двое мужчин, стоявших у двери, сразу же схватили меня.

– Быстро садись в машину! – сказал один из них.

– Что происходит? Куда вы меня везете?

– Молчи. Просто садись в машину.

Они затолкнули меня в машину, а потом сели сами. На протяжении всей поездки они крепко держали меня за руки. Сначала меня привели в кабинет следователя, потом в следственный изолятор в отделении милиции. Это было крохотное помещение, всего метр на полтора, и, вдобавок, оно кишело насекомыми. Они вместе со мной посадили преступника.

– За что они тебя арестовали? – спросил этот человек.

– Я христианин, – ответил я.

– Знаешь, что я тебе скажу, если они ничего религиозного в тебе не найдут, то тебя отпустят.

Через несколько минут его опять забрали.

Моя первая ночь в тюрьме помогла мне подготовиться к тому, что ждало впереди. Когда обстоятельства говорят о том, что вы вышли на передовую битвы, вам нужно собраться с мыслями и помолиться.

Спустя несколько дней меня перевели из следственного изолятора в тюрьму, где железное все – железная дверь и решетка – и все очень угнетает. Вся атмосфера давит на дух человека, пытаясь его сломить.

Меня привели в мою камеру. Сначала я поприветствовал заключенных, а потом помолился.

«Кто ты? – спросили они. – За что ты здесь?»

Я сказал им, что я верующий, христианин. Обычно люди в уголовном мире знают о христианах и очень их уважают. Возможно, не все, но немолодые, особенно те, кто хлебнул жизни, имеют глубокое уважение к верующим и даже пытаются им помочь.

Начиная с первых моментов пребывания в тюрьме, я осознал, что Господь привел меня сюда, чтобы служить Ему. Я был в узах, но для христианина узы являются новой возможностью для служения. Как я мог нести служение в тюрьме? Рассказывая людям о Боге, проповедуя покаяние. Некоторые люди меня слушали, но в то же время было много оппонентов.

Уголовный мир крепко закован в жестокие узы сатаны. Убожество этих людей ошеломляет. Я так хотел достучаться до них, но одни лишь слова казались бесполезными. Когда я пытался поговорить с ними о Боге, они уходили. Тогда я начинал петь. Для меня музыка всегда была способом служить Богу и воздавать Ему славу. Но когда я стал заключенным, Бог дал мне совсем новое понимание музыкального служения.

Трудно петь, когда люди громко разговаривают или заняты своими делами. Такие помехи мешают певцу точно так же, как и оратору. И как можно ожидать, что заключенные в переполненной камере или шумном бараке будут обращать особое внимание на кого-нибудь? Тюремная камера может содержать до семидесяти человек, и каждый из них занят своими делами. Все говорят, и никто не слушает. Какое служение может быть возможным в таком месте?

Эта ситуация напомнила мне о Данииле, и я подумал о том, как он нес свое служение и прославлял Бога по своему обыкновению. Даниил не пытался привлечь внимание людей и найти себе аудиторию. Он знал, что Бог привел его во дворец служить Ему. И служение Даниила заключалось в том, чтобы открывать свои окна, обращенные в сторону Иерусалима, и, стоя на коленях, трижды в день молиться о своем народе, который был в плену, изгнанный со своей родной земли. Он никогда не оборачивался, чтобы посмотреть, следит ли кто-нибудь за ним, его никогда не интересовала похвала людей и то, обращают ли они на него внимание. Он знал, что его слышит Бог, и это было все, что имело значение.

Я решил следовать примеру Даниила и славить Бога так, как я делал всегда. Поэтому, помолившись, я начал петь. Скоро в камере воцарилась тишина. Люди слушали! Мне не нужно было пытаться привлечь их внимание и убедить их перестать говорить – само пение

породило тишину. Только Божья сила могла заставить этих людей молча слушать, ведь преступники никого не уважают!

Один из гимнов, который я часто им пел, был «Помни! Око Мое над тобою». Мой дорогой друг Яков Скорняков любил петь этот гимн. Он пел его много раз, когда находился в ростовской тюрьме, а теперь я пел его моим сокамерникам. Этот гимн стал ценным для меня в тюрьме, и мне было интересно, почему я не оценил его раньше. Я уверен, что Яков так сильно его любил потому, что он напоминает нам, что независимо от происходящего с нами Божье око всегда зрит.

Однажды, когда семьдесят мужчин из моей камеры возвращались из прогулочного дворика, я был поражен, когда услышал чистый, сильный голос, поющий: «Помни! Око Мое над тобою»... Мое сердце было переполнено, и я молился: «Спасибо, Господи, что эти слова коснулись сердец этих людей!»

Хотя в тюрьмах находятся различные люди, так или иначе им обычно удается ладить достаточно хорошо. В Пасхальное воскресенье я подошел к нашему наиболее влиятельному заключенному и сказал:

– Сегодня мы празднуем Воскресение Христа, и я хочу сделать нечто особенное. Я хочу спеть и прославить Господа. Не мог ли бы ты, пожалуйста, попросить всех о тишине? Они послушаются твоего распоряжения.

– Хорошо, – ответил он.

Среди общего гула он крикнул:

– Тишина! Всем замолчать. Владимир будет петь.

Я начал петь – в течение часа, потом двух, потом трех. Наконец я остановился и закончил молитвой, чтобы, как говорится, не утомить аудиторию.

Более всего я хотел, чтобы Господь использовал мои стихи, мое пение и мои слова, чтобы коснуться жизни этих людей, чтобы мои годы в узах я провел, делясь Божьей любовью. Пение было моим служением, и Господь это благословил.

Поскольку меня переводили из одной камеры в другую, Господь использовал меня, чтобы нести свидетельство в различные места.

Когда меня приводили в одну камеру, я пел заключенным и говорил им о Боге. Потом меня переводили в другую камеру, где у меня был шанс достучаться до другой группы людей. Меня всегда встречали вопросом: «За что тебя посадили? По какой статье Уголовного кодекса?» Я отвечал, что я христианин, а потом становился на колени и молился.

Конечно же, тюремная жизнь была нелегкой для плоти. Возьмем, например, табачный дым. Я находился в камере с семьюдесятью людьми, и все они курили. Дым ставал таким густым, что я с трудом мог что-нибудь видеть. Несколько раз я почти терял сознание из-за нехватки кислорода. В результате этого я чувствовал слабость в тот день, когда неожиданно начался суд. Когда открылась дверь, я сидел в этой задымленной камере, и меня тошнило.

– Охотин, на выход!

Я вышел в коридор, и охранники повели меня куда-то. Через несколько минут я спросил:

– Куда вы меня ведете?

– Просто молчи и следуй за нами.

– Но куда мы идем?

– В суд, – ответили они.

– В суд? Почему мне не сообщили заблаговременно?

– Это не является большой проблемой.

Меня посадили в милицейский фургон и повезли в здание суда. Когда я вышел из фургона, я даже не заметил свежего воздуха, потому что я увидел своих друзей, которые стояли там, ожидая меня. Я почувствовал себя, как во сне, и подумал, что я вижу ангелов. Как же я обрадовался! Как же Бог ободрил меня через присутствие моих друзей!

Когда я был в зале суда, ко мне подошла женщина, возрастом около тридцати лет, и спросила:

– Вы – Охотин?

– Да.

– Меня назначили вас защищать. Но я хочу, чтобы вы дали мне отвод, как своему адвокату. Вы меня понимаете? Как я могу вас защищать? Я член партии. Было бы легче защищать убийцу. Никто из нас не будет вас защищать, поэтому я прошу, чтобы вы дали мне отвод как своему адвокату.

Я сказал ей, что я уже сообщил следователю, что не приму никакого адвоката-атеиста. Она вздохнула с облегчением и вернулась на свое место. Но через несколько минут она вернулась и вновь попросила:

– Пожалуйста, скажите судье, что вы даете мне отвод.

– Обязательно.

Еще через пять минут она опять возвратилась.

– Так вы объясните, что вы даете мне отвод, хорошо?

– Почему вы так переживаете? – спросил я. – Конечно, я все объясню.

Началось судебное заседание, и судья сказал:

– Подсудимый Охотин, у вас есть право на услуги адвоката. Какое ваше решение?

Я сказал ему, что в Библии сказано, что защита человека напрасна. Бог будет меня защищать.

Тогда судья обратился к адвокату:

– Что вы думаете?

– Конечно, конечно, – сказала она, – пусть Всемогущий защищает его.

Во время суда я увидел, как Господь показал Свою силу и одержал победу. В книге пророка Исаии есть отрывок, которого я никогда не понимал: «Я смотрел, и не было помощника; дивился, что не было поддерживающего; но помогла Мне мышца Моя, и ярость Моя – она поддержала Меня» (Исаии 63:5).

Меня всегда интересовало, что бы это значило – «ярость Моя – она поддержала Меня». Но во время суда я начал понимать. Когда меня привели в зал суда и посадили напротив судьи и его ассистентов, я

понял, что это – битва. Битва на смерть должна была вот-вот начаться. Один будет победителем, а другой – пораженным. Как христианин, я знал, что не отступлю. Я должен был собрать всю мою силу для битвы, ведь я или выиграю, или проиграю. Третьего не дано. Давид также впал в ярость, когда пошел на битву с Голиафом. Он увидел, как филистимляне насмехаются над народом Божьим. Они поносили и хулили имя Божье. Как Давид мог позволить, чтобы это продолжалось? Лучше умереть, чем принять такие насмешки.

Если вы готовы принять ничью, если вы согласны принять что-нибудь, кроме победы, вы уже проиграли. Враг уничтожит вас. Вы уподобитесь Самсону без его волос. Внешне вы можете выглядеть так же, но силы не останется. И если вы попадете в тюремный лагерь, у вас не будет смелости проповедовать грешникам. Сидя там, я испытывал доселе неведомое чувство. Бог дал мне необходимую в тот момент силу!

Кроме того, Господь использовал небольшое происшествие, чтобы ободрить меня. Некоторые наши друзья находились на улице возле зала суда, и во время перерыва один из них поднял мою маленькую двухлетнюю дочь Марию к окну, чтобы она смогла меня увидеть.

– Папа! Папа! Посмотри на меня! – сказала она и начала смеяться.

«*Почему она смеется?* – подумал я. – *Ее отца забрали. Она должна плакать, а не смеяться*». Но позже я понял, что ее слезы разбили бы мое сердце. Один стих из Писания говорит: «Он наполнит смехом уста твои», и смех моего ребенка очень меня ободрил.

Позже она объявила: «Теперь я буду петь». Она начала петь: «В такую святую и дивную ночь родился Сын Божий, чтоб людям помочь...»

Я был изумлен. Господь собирает все радостные моменты в нашей жизни и ободряет нас именно тогда, когда нам это нужно. Маленькие моменты никогда не бывают маленькими в Божьих глазах.

После первого дня суда меня забрали назад в камеру, и заключенные поприветствовали меня, как члена семьи. «Охотин, как там все прошло? Что же произошло?» Они были обеспокоены и хотели все узнать.

На следующий день меня опять привезли в суд, и я опять увидел силу Господню. Он дал мне еще одну большую победу: два ассистента судьи во время заседания были на моей стороне. Они каждый раз улыбались, когда я отвечал. Я видел, что они радуются моим ответам. Их лица буквально светились. Но когда они вернулись вместе с судьей для прочтения приговора, я с трудом их узнал. Их лица были понурыми, а глаза опущенными. Они не могли даже взглянуть на меня, а по их выражению я догадался, что не стоит ожидать пощады. Приговор был именно таким, как этого требовал прокурор. Несмотря на все аргументы, несмотря на абсолютное отсутствие против меня доказательств, мне нечего было рассчитывать на милосердие.

Когда приговор был оглашен, все верующие встали и спели гимн «Жить для Иисуса, с Ним умирать». Их пение было подобно хору ангелов. Их служение было ярким свидетельством. Люди узнали об их пении в тюрьме и даже позднее в лагере. Одна девушка-христианка даже подошла к прокурору и начал ему рассказывать о Господе, пытаясь доказать ему, что он осудил меня несправедливо.

«*Молодец!* – подумал я. – *Она пришла, подготовившись к битве*».

Я не присоединился к пению. Я просто слушал, запечатлевая его в моей памяти, чтобы взять с собой. Потом верующие начали бросать цветы, что также послужило свидетельством славы Божьей. Я собрал букет, но охранник выхватил его, когда повел меня к фургону. На пороге фургона лежало четыре гвоздики. Я спросил охранника, могу ли я взять их с собой, но он отказал.

– Можно взять хотя бы одну? – спросил я.

– Ну ладно, только одну.

Я поднял цветок и спрятал под куртку. Потом охранник запер меня в фургоне. Я услышал, как остальные на улице говорили между собой.

– Эти цветы ему действительно принадлежат, – сказал один, – мы должны позволить ему их взять.

Спустя минуту дверь отворилась, и они передали мне оставшихся три цветка.

Вернувшись в тюрьму, я рассказал другим заключенным о суде и раздал им цветы.

– Возьмите их, – сказал я, – они уже принесли мне привет любви, и теперь они для вас.

Те, кто давно уже не был на свободе, особенно оценили этот подарок.

Вскоре я узнал, что меня переведут в лагерь №12.

– Ох, Охотин, – сказали другие, – это самый худший лагерь. Это голодный лагерь.

Я помолился вместе с ними, пожал им руки и попрощался.

Когда я прибыл в лагерь №12, я не мог поверить своим глазам. В сравнении с этим местом тюрьма была прекрасной. Лагерь располагался на болоте, поэтому все всегда было влажным. Что еще хуже, проходя по двору, можно было увидеть кровь на земле, где заключенные по-зверски обходились друг с другом. В столовой люди были подобны животным. Мы никогда не получали достаточно еды, поэтому все были голодными. А что может быть страшнее голодного зверя?

Голод отключает мозг; человек дичает, имея только одно желание – поесть. Заключенные бьют друг друга и крадут чужую еду. Даже если удается поесть, этого никогда не достаточно. После обеда можешь думать только об ужине. После ужина ложишься спать голодным и всю ночь мечтаешь о завтраке. Думаешь: «*Если бы я был на свободе, я мог бы наесться самим хлебом. Я бы не хотел ничего, кроме хлеба!*»

Как-то раз я пошел в тюремную лавку и купил немного хлеба. Когда я вышел, то увидел, что меня поджидают несколько крепких заключенных, они сказали: «Отдай нам хлеб».

Другой бы отказался. Конечно, будучи христианином, я не мог любить их только на словах. Поэтому я поделился своим хлебом, хотя сам страдал от голода.

В иной раз я работал на высоте, а большой костер горел внизу подо мной. Дым был ужасным, а мне приходилось им дышать. Вскоре я почувствовал слабость. Но когда заключенные позвали: «Охотин, спой

нам песню!» – я не мог отказаться, сославшись на невыносимый дым. Тогда я собрал всю свою силу и стал петь, хотя едкий дым жег мне горло и легкие. Конечно же, как говорил апостол Павел, в то время, когда одни жаждут слушать, найдутся и те, кто воспротивится. Мы должны жертвовать и бороться за каждую душу.

Быть Господним слугой в тюрьме или трудовом лагере требует терпения. Нельзя быть торопливым. Когда заявляешь о том, что верующий, другие заключенные начинают пристально за тобой наблюдать. Нужно жить чистой, христианской жизнью. Ты находишься в безнравственном, отвратительном окружении, но нельзя позволить, чтобы это окружение на тебя повлияло. Ты должен служить Господу с первого дня пребывания там. После моего приблизительно шестимесячного пребывания в лагере один заключенный заметил: «Мы многого не знаем о тебе, но мы за тобой наблюдаем. Мы видим, что ты всегда чистый и опрятный».

Заключенные замечают чистоту, потому что им приходится сидеть возле тебя в столовой и спать на соседних нарах. Даже в лагере человека уважают, если он опрятный. Если же он неряшлив, другим он не понравится. Конечно, о том, чтобы оставаться чистым в лагере, легче сказать, чем выполнить. Когда постираешь свою одежду, ты должен сидеть и охранять ее, пока она не высохнет, или же ее украдут. Но другие не будут тебя уважать, если не будешь следить за собой.

Я никогда в жизни не терял сознания, но я был близок к этому несколько раз в лагере. Потеря сознания не была бы столь ужасной, если бы речь шла просто о том, что кто-то подкрался сзади и ударил по голове. Но когда чувствуешь, что силы истощаются и тело борется, чтобы не упасть, ощущение отвратительное.

В такие моменты сатана стоит рядом и шепчет: «Так не должно быть. Твоя жизнь может быть другой». Он говорит, что, если ты просто сдашься, просто перестанешь бороться и согласишься на небольшой компромисс, твоя жизнь в лагере может стать лучшей, чем дома. Некоторые заключенные имеют особые договоренности с начальством; им хорошо живется, они даже едят масло и колбасу. В такие моменты сатана предлагает тебе все, что хочешь. Когда борешься, чтобы остаться при сознании, то можешь лишь прошептать: «Нет, не хочу! Мне от тебя

ничего не нужно». Лучше умереть, чем принять его предложение. Никогда нельзя сдаваться, потому что это начало компромисса.

Нужно поставить цель – не оскверниться. Нужно заблаговременно решить, что лучше умереть, чем сдаться. Такая готовность умереть и есть победой, потому что только тогда ты по-настоящему свободен. Ничто не может тебя встревожить. Твоя душа с Господом, и ты знаешь, что Бог обо всем позаботится. Он знает, что тебе нужно поесть, и Он пошлет тебе то, что нужно, даже когда ты этого не ожидаешь. Например, как-то раз я буквально умирал от голода, ощущая, что больше не вынесу. Я вернулся в свой барак и там, на ночном столике, стояла посылка с тремя банками варенья. Я не знаю, откуда они взялись. Очевидно, кто-то приходил навестить меня и оставил их. Бог использует неожиданные благословения, чтобы облегчить нашу ношу.

Письма, которые я получал, также были благословением и большим свидетельством. Какой наградой будет на небесах, когда Христос скажет многим святым: «Я был в тюрьме, и вы навестили Меня». Служение писем является большим источником утешения и благословения для заключенного, который стремится к весточке от друзей, как жаждущий в пустыне стремится к воде. Один раз на Пасху я получил 136 писем и открыток. Когда новости о моей почте распространились по лагерю, люди подходили ко мне и спрашивали: «Ты действительно получил все эти письма? Сколько у тебя друзей? А сколько же тогда всех верующих?» Я не оставлял мои открытки себе, а делился ими с другими. Многие читали их.

Какие письма нужны узнику-христианину? В основном мы нуждаемся в Божьем Слове, потому что у нас в лагере нет Библий. Одна женщина написала: «Дорогой брат, приветствую тебя любовью Господа Иисуса Христа. Пишу тебе четвертую главу Евангелия от Иоанна». Потом она переписала текст всей главы и подписалась: «С искренними пожеланиями, твоя сестра». Это было так просто, но так благословенно. Она взяла свою Библию и написала. Когда кто-то посылает такое письмо, ему не надо волноваться о том, попадет ли оно к заключенному. Это Божье дело. Все, что отправитель должен делать, так это писать.

Как-то я получил открытку от мальчика, который написал: «Дорогой дядя Володя, мне одиннадцать лет. Я учусь в пятом классе. Вот что я хотел вам написать: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас». Подпись – Вася». Он мудрый мальчик! Хотя ему всего одиннадцать, но он написал такое хорошее ободрение.

Однако как-то раз я был очень обескуражен. Я пошел в столовую, а там некоторые люди высмеивали истину, всячески критикуя христиан. У нас завязался спор. Нельзя молчать, когда другие говорят против Господа. Если ты молчишь, ты грешишь, ты сдаешься и даешь молчаливое согласие на то, что говорят. Не важно, что с тобой сделают, ты должен защищать истину. Когда так поступаешь, то одерживаешь победу, и другие начинают тебя уважать. Они будут презирать человека, который себя не защищает. Но если ничего не боишься, если можешь смотреть им в глаза и говорить правду, они будут тебя уважать.

После этого спора в столовой один тюремный служащий отозвал меня в сторону и сказал:

– Охотин, тебе передают привет.

– Вправду? Кто?

– Моя мама, – сказал он, – она верующая. И не только она. Вся ее церковь передает тебе привет.

Служащий сказал, что его мать живет далеко. Он ездил к ней во время отпуска и рассказал ей о христианине Охотине в его лагере. Новость о том, что она и вся ее церковь шлет мне привет, была как послание с небес. Моя благодарность и радость были безграничны.

Быть отделенным от верующих – это испытание, хотя мы и знаем, что у Бога есть причины посылать людей туда, куда Он посылает. Администрация лагеря пытается изолировать христиан, окружая их людьми, которые сквернословят и богохульствуют. Только человек, знающий Господа, по-настоящему способен помочь тебе и разделить все скорби и печали.

Любой заключенный, проявляющий доброту к верующему, делает это на свой риск. Начальство будет давить на него до тех пор, пока он не прекратит, поэтому я научился не ожидать доброты ни от кого. Эта стратегия атеистов объясняет, почему меня трижды переводили из одной рабочей бригады в другую. С моим первым надсмотрщиком мы поладили, поэтому они перевели меня в другую бригаду. Другой поначалу относился ко мне враждебно, но, когда лучше узнал меня, изменил свое отношение. И меня перевели опять.

На протяжении двух лет я был один. Я часто молился: «Господи, пожалуйста, пошли сюда ко мне одного из братьев во Христе». Тогда Господь послал мне брата Михаила Горянина.

Мы с Михаилом всегда постились по пятницам и с нетерпением ждали каждую следующую, потому что духовная сила, которую мы получали в это особое время молитвы, помогала нам проходить множество трудностей. Мы постились, хотя нас за это иногда наказывали.

Нас также наказывали за отказ работать в воскресенье. Я вспоминаю одну Пасху – этот день сделали днем «добровольного» труда. Михаил должен был работать в дневную смену, а я – вечернюю. В течение дня некоторые заключенные говорили: «Охотин, ты знаешь, что твой друг находится в штрафном изоляторе? Он отказался работать, и его отправили туда на десять дней».

В тот день после обеда, приблизительно в два часа, начальник моей бригады сказал мне явиться в кабинет. Там меня уже ждало несколько сотрудников тюрьмы. Один из них сказал:

– Охотин, кажется у тебя талант к поэзии. – (Они читали мои письма.) – Так что всегда есть какой-то позитив, верно? Хорошо, что ты оказался в тюрьме и теперь можешь развивать свой талант. – Далее тон его изменился. – Мы готовы повторно осудить тебя по новой статье. У нас есть все необходимые доказательства и свидетели. И на этот раз ты получишь строгий режим. Что ты на это скажешь? Ты готов с нами сотрудничать?

– Не пытайтесь меня сломать, – ответил я, – делайте, что хотите. Не говорите со мной.

Это застало их врасплох. Они не привыкли, что заключенные переходят в наступление. Когда сотрудники начинают намекать о лагерях «строгого режима» и повторных сроках, они ожидают, что заключенные будут дрожать и на все соглашаться.

– Что вообще ты здесь делаешь? – продолжал он. – Организовываешь кружок пения? Мы были снисходительны к тебе, но наше терпение может в любую минуту закончиться. Ты и не знаешь, насколько близок ты ко второму сроку. А как на счет Горянина? Кто он тебе?

– Он мой брат во Христе.

– Он сегодня в штрафном изоляторе. Он не пошел на работу. Что ты об этом думаешь?

– Я готов разделить его участь.

– Неужели? Тогда ты тоже туда отправишься!

Я встал и приготовился уходить.

– Куда ты идешь? – спросил сотрудник тюрьмы.

– В столовую на обед.

– Сядь, мы еще не закончили.

Тогда я сел.

Старший стал спрашивать меня:

– Слушай, Охотин, ну зачем тебе идти в изолятор? Просто пойди на работу.

– Не в Пасхальное воскресенье, – сказал я ему.

– Почему нет? Зачем тебе наказание? – он несколько минут пытался меня переубедить. Потом все они сменили свою тактику и пытались напугать меня. Когда это не помогло, они опять перешли на спокойный тон.

– Послушайте, – вмешался я, наконец, – я сказал все, что должен был сказать.

– Ну, давай, иди, пусть тебя обреют.

Я вышел из кабинета. На следующий день я ожидал, что они придут за мной во время утренней переклички и заберут в штрафной изолятор. Но ничего не произошло. Еще через день я ожидал, что они придут, но опять ничего не произошло.

Я часто думал о коварных атаках, которые использует сатана, чтобы заставить человека упасть. Например, сотрудники тюрьмы сказали, что я не смогу увидеть мою семью за то, что отказался работать в воскресенье. Но Библия говорит нам «взирать на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия» (Евреям 12:2). Кода сатана приходит со своими каверзными атаками, просто не сводите глаз со Христа, помните Его раны – и тогда все сомненья улетучатся.

Мы с Михаилом имели полное согласие не работать по воскресеньям. И мы видели, как Бог помогал нам и заботился о различных ситуациях наперед. Например, в одно воскресенье, когда я не пошел на работу, меня вызвали в кабинет, и по дороге я столкнулся с начальником бригады Михаила. Когда он увидел, что я не на работе, он показался изумленным и раздосадованным. Как оказалось, Михаил тоже не вышел на работу, а этот бригадир надеялся, что я буду работать, ведь администрация хотела вбить клин между нами. Они бы сказали: «Видишь, вы оба верующие, но он вышел, а ты – нет».

Этот человек проводил меня в кабинет. Сотрудники тюрьмы дали мне ручку и бумагу и сказали:

– Пиши объяснение. Что, ты думаешь, ты делаешь в этой бригаде –командуешь хором? Вот, пиши!

– Что вы хотите, чтобы я написал?

– Напиши объяснительную, почему ты не вышел сегодня на работу.

Тогда я написал: «Сегодня воскресенье – день Господний. Вот почему я не вышел на работу».

Они начали обсуждать мое объяснение:

– Разве мы можем заставить его работать?

– Нет, мы не можем.

– Почему? У нас есть право.

– Вообще-то, нет. Мы можем заставить его работать во все дни, кроме воскресенья.

Потом они заметили, что я все еще здесь, и мне сказали уйти.

За два месяца до конца моего срока ко мне пришли два сотрудника КГБ.

– Владимир Охотин, – сказали они, – мы сожалеем, что вас приговорили.

– Немного поздновато, вам не кажется? – сказал я. – Где вы были в начале моего срока?

– Мы не могли вам тогда помочь. Только сейчас мы получили разрешение амнистировать заключенных, приговоренных по статье 190-3. Вас и Горянина могут освободить. Вам не нужно ждать до конца ваших сроков. Все, что вам нужно, так это написать письмо Президиуму Верховного Совета с просьбой о помиловании и заверить их, что вы больше не будете совершать подобных преступлений в будущем.

Весь разговор был достаточно искусным. Один из них стал говорить, что прочитал в журнале статью о Туринской плащанице. Он стал задавать вопросы о Христе и Библии, слушая ответы с видимой искренностью. Но все это были уловки. После нашего разговора он сказал:

– Идите, пообедайте, а потом возвращайтесь. Я хочу еще с вами пообщаться.

Но после обеда он сказал:

– Ну почему бы вам не написать заявление? После этого вы можете идти домой.

Так нападает сатана. Я молился Богу, чтобы Он дал мне силу правильно поступать в таких ситуациях. Человек может быть верным Богу много лет, но отречься от Него в трудную минуту. Вы должны оставаться начеку и всегда быть внимательными. Я сказал ему, что не могу написать такое заявление.

– Почему не можете? – спросил он.

– Видите, я здесь не как преступник, а за мои христианские убеждения. Если я подпишу заявление, где говорится, что я больше не буду совершать преступлений, это то же, что сказать, что я *совершал* преступления. Это признание вины. Но я невиновен и не могу писать неправду. Ведь обман – это грех. Если вы хотите меня освободить, сделайте это безо всяких условий.

– Значит, вы не будете подписывать? – переспросил он.

– Нет, не буду.

– Тогда, полагаю, все. До свиданья.

В тот вечер я увиделся с Михаилом. Они испробовали те же тактики на нем, но он тоже отказался что-либо подписывать.

Месяц спустя ко мне пришел прокурор.

– Разве вы не хотите написать заявление с просьбой о помиловании?

– Нет, я не могу просить помилование за преступления, которые я не совершал, – объяснил я.

– Ну, это вообще-то не должна быть просьба о помиловании, лишь простое заявление, что в будущем вы не будете задействованы в уголовной деятельности.

Теперь они хотели, чтобы я написал то же, только другими словами!

Потом, непосредственно перед моим освобождением, администрация пыталась заставить меня работать в воскресенье в последний раз. Я продолжал отказываться, тогда они сказали, что мне придется провести тринадцать дней в штрафном изоляторе. Внезапно они будто бы поменяли свое решение.

– Зачем вам это? Вам не нужно работать. Просто пойдите в рабочую зону и посидите там.

– Нет, это обман. Если я пребываю в рабочей зоне, это значит, что я должен работать.

– Тогда пошли брить вам голову. Вы отправляетесь в штрафной изолятор.

– Послушайте, зачем брить мне голову? Меня освободят через пятнадцать дней, – напомнил я им.

– Очень плохо. Если вы не будете смирно сидеть, на вас наденут наручники.

Так, они побрили мне голову и отвели в камеру. Я попросил, чтобы меня поместили в камеру номер шесть, потому что Михаил находился там. Охранник открыл двери, и заключенные стали кричать: «Эй, нам больше не нужно».

Но когда Михаил увидел меня, то сказал: «Пожалуйста, входи».

Мы обнялись и помолились. Я заметил, что он похудел.

– Смотри-ка, они меня обрили, – сказал я.

– Не беспокойся. Библия говорит, что Иисус был как агнец перед стригалями.

Мы были вместе ровно один день. Как это обычно бывает в церкви, разные люди имеют различные дары. Михаил всегда был лидером в проповедях, а я – в музыке. Остальные четверо узников слушали его проповедь, а потом попросили нас спеть дуэтом.

Владимир Охотин пел, когда был в тюремных лагерях. После его освобождения он продолжает петь, руководить хором и проповедовать.

Камера была холодной и сырой. Воздух также был омерзительным. Заключенные варили чифирь, который действует, как легкий наркотик. Для этого они жгли все, что могли, зачастую тряпки. Поэтому воздух был пропитан едким дымом. Остальные узники в камере были молодыми и могли это терпеть, но у меня кружилась голова.

На полу был голый цемент. У нас не было одеял, матрасов, курток и шапок. Мне не было на что лечь, только на узкие заплесневелые лавки. Но человеку нужен отдых, поэтому я спросил Михаила, где мы будем спать. Он спал прямо на лавке, а у остальных заключенных – воров – были различные тряпки и одежда, чтобы постелить на полу. Как христианин я не мог просить их поделиться украденными вещами.

Сначала я пытался повторить за Михаилом – спать на узкой лавке. Но как же уснуть на такой лавке? Я провел всю ночь, пытаясь с нее не упасть.

Следующий день был последним днем пребывания Михаила в этой камере, и остальные попросили нас спеть в последний раз дуэтом. После этого мы с ним попрощались. Он знал, что мой срок заканчивается и что мы больше не увидимся в лагере. Он пообещал взобраться на крышу, чтобы увидеть друзей, которые придут поприветствовать меня возле лагеря в день моего освобождения.

На следующую ночь я попробовал спать на полу. Он был холодным, влажным и кишел мокрицами и тараканами. Через два часа я промерз до костей. Моя спина и почки так болели, что мне пришлось опять вставать. Поэтому последующие двенадцать ночей я пытался немного отдохнуть сидя. Это было тоже неудобно, но лучше, чем пол.

Один раз ко мне в изолятор пришел повидаться прокурор.

– Что вы здесь делаете, Охотин? – спросил он.

– Я здесь за то, что не работал в воскресенье.

Вдруг он сказал:

– Значит, вашей главной заботой не является подчинение советскому законодательству о религиозных культах?

– Правильно. Моя единственная забота заключается в том, чтобы подчинятся Божьему Слову и слушаться Его.

– Хорошо. Это то, что я хотел узнать.

Я был рад, что он это сказал. Хорошо, когда наши противники осознают, что наше главное задание заключается в исполнении Божьего Слова. Если это будет нашей главной целью, как христиан, то мы будем сильными, радостными и победоносными. Если человек не исполняет Божье Слово, он идет на компромисс, он будет слабым и постыженным.

Мое последнее, по-настоящему трудное испытание было в воскресную ночь, мою последнюю ночь в штрафном изоляторе. Я лежал на лавке, сосредоточившись на том, чтобы не упасть. Приблизительно в три часа ночи несколько заключенных убежали из одной из камер карцера и бросились обратно в основной лагерь. Их поймали и привели обратно в штрафной изолятор. Одного из них бросили в нашу камеру, остальные заключенные схватили его и стали бить. Они решили, что он заслуживал наказания за причиненные неприятности. Что мне было делать? Такие случаи происходят в лагере, но если тебя потом спрашивают, что делали остальные заключенные, что тогда делать? Лучше закрыть глаза и притвориться спящим.

Но в этом случае я чувствовал, что должен что-то делать. Я помолился и попросил у Бога силы. Потом я стал немного шевелиться и поднялся, как будто только что проснулся. Остальные отскочили от человека, которого били. Они выглядели немного пристыженными и спросили, как мне спалось. Они хотели удостовериться, что я не слышал, что происходило.

В пять часов пришел охранник и сказал:

– Охотин, время идти.

Я сложил руки для молитвы.

– Что случилось с твоими руками? – спросил он.

– Я молюсь перед тем, как идти, а после я бы хотел спеть песню.

Когда я это сказал, он выглядел раздраженным. Он не должен был разрешать мне петь, но оглянулся, не увидел других охранников, и сказал:

– Хорошо, давай.

Я спел последний гимн; потом он отвел меня в караульное помещение и сказал, что меня сейчас увезут. Я спросил, могу ли я вернуться в барак.

– Зачем? – спросил он.

– Чтобы забрать свою куртку и шапку, я также хочу забрать свои письма.

Он провел меня в барак. Все остальные спали, поэтому я ни с кем не попрощался. Охранник меня очень поторапливал. Он даже не дал мне возможность взять ботинки. Потом он вывел меня туда, где группа заключенных ждала этап.

– Куда меня переводят? – спросил я. – Меня должны освободить двенадцатого.

– Просто сядешь на поезд и поедешь в Краснодар. Там проведешь ночь в тюрьме, а завтра тебя повезут дальше.

ЛЯ МЕНЯ ЖИЗНЬ – ХРИСТО

Родные Охотина также имеют музыкальные таланты. Семья собралась под плакатом, на котором написано: «Для меня жизнь – Христос».

Я предполагал, что меня освободят на следующий день в Краснодаре. Я сожалел только о том, что моя жена уже, наверное, была в пути, чтобы встретить меня возле лагеря. Я молился, чтобы она, оказавшись в лагере, не беспокоилась, а узнала, что меня освободили в Краснодаре.

Нас посадили в тюремный вагон. Мы ехали в Тимошевск, где поезд стоял на вокзале двенадцать часов, потом в Новороссийск, а потом в Краснодар. Все это время нам не давали ничего есть и пить.

Когда мы прибыли, меня забрали в тюрьму. Сатана, враг наших душ, никогда не останавливается, пытаясь соблазнить нас на грех. Подполковник вызвал меня и сказал:

– Мы надеемся, что вы больше не будете совершать ошибки и не вернетесь больше в тюрьму.

– Ошибка не была причиной моего заключения, – заявил я. – Я здесь из-за моих убеждений.

Наша жизнь, как христиан, должна определяться действием и силой. Если мы говорим, что мнение людей вокруг нас не имеет значения, мы ошибаемся. Иначе зачем Господь говорит, что мы свет миру, соль земли и что город на вершине горы нельзя спрятать?

Даниила бросили в ров со львами из-за клеветы и зависти никчемных людей. Но вначале им пришлось сказать, что он государственный преступник. Но Даниил не плакал и не просил о помиловании. Когда он очутился во рву со львами, он стал на колени и помолился. Что же сделал Бог? Он послал Своего ангела закрыть львам рты. Утром Даниила выпустили, а его врагов бросили туда, но они кричали в ужасе, осознавая, что виновны. Так же происходит с преступниками. Но если ваше сердце чисто, если вы ходите перед Богом, вы не убоитесь. Бог пошлет Своего ангела.

10: Степан Германюк

Изгнание на край земли

Степану Германюку (1934 г. р.) было сорок девять лет, когда его во второй раз арестовали в 1983 году за его служение в Совете церквей ЕХБ и за проповедование Евангелия в Ворошиловграде и Харькове. Когда пастора Германюка освободили после второго срока в мае 1986 года, его жена Ульяна не смогла встретить его дома, поскольку сама отбывала срок за свою деятельность в Совете родственников узников. Из-за ее угасающего здоровья она была освобождена досрочно, умерла в июле 1987 года.

До суда меня не содержали в тюрьме. Вместо этого власти позволили мне жить дома, и я продолжал работать. Следователь просто вызывал меня на допрос, когда ему было нужно. Ему трудно было составить дело, потому что против меня не было никаких доказательств. Он мог предоставить только то, что я проповедовал на многих церковных собраниях и призывал людей к духовному пробуждению. Мы договорились со следователем: он пообещал, что предупредит меня, когда меня вызовут на заключительный допрос, то есть когда власти решат меня арестовать.

Однажды зазвонил рабочий телефон.

– Степан, – позвал меня мой сотрудник, – этот человек с грубым голосом хочет опять с вами поговорить.

Я взял трубку и узнал голос моего следователя Кручерова.

– Степан, немедленно приходите в мой кабинет на разговор, – сказал он.

– Я смогу уйти после этого разговора? – спросил я его.

– Нет, на этот раз я не могу ничего гарантировать.

Так я понял, что это все: меня посадят. Я сказал моим сотрудникам, что больше их не увижу, и попрощался с ними. Некоторые из них плакали.

Я сразу же пошел домой, где собрал жену и детей вместе. Мы встали на колени и вверили наш путь в Господни руки. Наш самый младшенький ребенок, которому тогда было только три года, стал плакать и умолять: «Папа, не иди в милицию!» Я переоделся, упаковал некоторые теплые вещи и сухари и пошел вместе с женой. Как только мы туда пришли, следователь показал мне ордер на мой арест и повел меня в кабинет прокурора. Государственный обвинитель показал мне три большие папки, содержащие материалы по моему делу.

– Степан Германюк, – сказал он, – я хорошо вас знаю. Все, что мне нужно от вас, это одно слово – что вы откажетесь от всей религиозной деятельности – и я брошу эти три папки в огонь и отпущу вас.

– Я не могу этого пообещать, – ответил я, – я не могу перестать служить Господу.

Со слезами на глазах мы с Ульяной распрощались. Я утешил ее, сказав, что Господь не оставит нас. В то время у нас было очень тяжелое финансовое положение. Пятеро наших детишек были маленькими, и все наши деньги мы вкладывали в строительство дома.

Когда меня забрали в отделение милиции, я узнал, что моего младшего брата Славика арестовали в тот же день. Встретившись с ним в коридоре, мы обнялись и склонились на колени для молитвы. Дежурный надзиратель не пытался нас остановить. Потом нас развели по разным камерам.

Пока я находился в камере в ожидании суда, сотрудники КГБ проводили надо мной эксперимент. Они привели в мою камеру сумасшедшего человека. Весь день он бормотал и выкрикивал бессвязный бред, но другие узники и я не обращали на него никакого внимания. Под вечер охранники стали вызывать из камеры заключенных. Сначала нас было девятеро, потом семерых забрали, так что остались только двое – я и этот ненормальный. Я очень обеспокоился. Когда остальные вышли из камеры, он порвал на себе

одежду и стал подходить ко мне. Он был в бешенстве, и я видел, что он хотел на меня напасть. Я начал молиться и громко ему сказал: «Именем Иисуса Христа я приказываю тебе отойти от меня!»

Он был высоким, сильным мужчиной, но тотчас же отстранился. Спустя некоторое время он снова стал приближаться, и я опять приказал ему именем Иисуса отступить. Это продолжалось четыре часа. Я был напряжен и бдителен и молился так прилежно, как мог. Ни на минуту я не мог сомкнуть глаз, потому что он бы на меня напал. Позже я узнал, что администрация тюрьмы наблюдала за всей этой сценой через глазок в двери. Они, видимо, заключили сделку с этим человеком заранее, чтобы проверить, как я буду реагировать. Но, видя, как я для защиты неоднократно призывал имя Иисуса Христа и ненормальный каждый раз беспомощно отходил в угол, надзиратели вошли и забрали его раздетым.

Тогда другой странный мужчина, хорошо одетый и в шляпе, вошел в камеру, громко критикуя советское правительство. Потом он подошел ко мне и стал требовать:

– Почему ты ничего не скажешь?

– Потому что я послушен Библии, – ответил я, – а Святое Письмо четко говорит, что вся власть от Бога. Как христианин я не могу говорить плохо о правительстве.

Но он не оставлял меня в покое и постоянно пытался склонить меня к критике правительства. Так продолжалось все утро, но для меня это было намного легче, чем предыдущий вечер. На следующий день меня перевели в камеру к моему брату.

Мысль о том, что мои маленькие дети остались без меня, печалила мое сердце. Моим наибольшим желанием было, чтобы каждый из них знал и любил Господа. Мы с братом решили, что в придачу к пятницам – обычным дням молитвы и поста, мы прибавим среды, чтобы поститься и горячо молиться за наши семьи.

Суд, проходивший в большом зале судебных заседаний Ворошиловграда, был по сути показательным. Присутствовали преподаватели из местных школ и училищ. Попасть внутрь также удалось многим христианам. Прокурор обвинял меня в том, что я

использовал свои проповеди как прикрытие для нарушения законодательства о религиозных культах. В своем вступительном слове я показал, что все обвинения против меня лживы и противоречивы. Но не было предпринято никаких попыток пересмотреть обвинения или определить, правдивы ли мои слова. Вместо этого судьи огласили перерыв. (Но это был не перерыв. Им просто понадобилось больше времени, чтобы усилить охрану.) Впоследствии моя жена была единственной христианкой, которую впустили обратно в зал.

Мы со Славиком отказались от адвокатов. Мы защищали себя самостоятельно, приводя много цитат из Слова Божьего. Пока длился суд, мы постились, это были четверг и пятница – дни страданий нашего Господа. В пятницу после обеда всех впустили в зал и прочитали приговор: меня приговорили к четырем с половиной годам лагерей и трем годам ссылки; а Славик получил четыре года лагерей и два года ссылки.

Христиане сразу же стали бросать цветы. Я пытался подобрать те, которые залетали сквозь решетку, за которой я сидел, но охранник схватил меня за воротник, вырвал цветы из руки и потащил через заднюю дверь. Я даже не успел забрать мою сумку и куртку; милиция должна была принести мне ее позже. Тем временем кто-то запер входную дверь зала суда, закрыв наших друзей внутри, чтобы они не смогли встретить нас возле тюремного фургона, но мы услышали, как они пели песню «Жить для Иисуса». Она звучала прекрасно.

Меня отправили в лагерь № 24 в Петровске, где меня замечательно приняли! Мой друг Павел Рытиков уже находился там, работая сапожником. Он дал мне еду и организовал встречу для всех христиан лагеря, чтобы поприветствовать меня. У него было миниатюрное Евангелие, и на протяжении следующих пяти месяцев мы встречались, чтобы читать и изучать Божье Слово. Когда пришел день Павлова освобождения, я провожал его так далеко, как смог. Я увидел, что большая группа друзей с цветами ждала его по ту сторону забора. Администрация лагеря была удивлена тому, что у нас так много друзей!

Даже в лагере сотрудники КГБ никогда не оставляли меня в покое. Более четырех лет они все время пытались найти со мной компромисс.

Например, я недолго работал в маленьком кабинете в лагере: заполнял бланки и разносил инструменты рабочим. Мой брат Славик и двое других христиан находились в этом же лагере, и во время перерыва мы собирались вместе в кабинете для короткого общения и молитвы. Однажды управляющий лагерем и какой-то человек в гражданской одежде пришли в кабинет и попросили краску. Когда я ответил, что мне для этого нужен приказ от начальника лагеря, то заметил, что человек в гражданском внимательно осматривал комнату, измеряя ее глазами. Приблизительно через час после того, как они ушли, я почувствовал, что мне нужно выйти на улицу и осмотреться по сторонам. Я обошел здание и заметил тех же двоих мужчин на крыше. Я вернулся в кабинет, но вскоре я услышал шаги над головой. После обеда я попросил одного из заключенных помладше вылезти на крышу и посмотреть, что там происходит. Он сообщил, что в крыше просверлили дырку, в нее вставили микрофон, от которого отходил шнур. С тех пор мы были внимательны к тому, о чем говорили.

В другой раз меня вызвали в кабинет к начальнику лагеря. Когда я вошел в комнату, меня встретил подполковник КГБ Ромашка в военной форме. Он ступил вперед, чтобы поздороваться со мной, протянул руку и сказал:

– Здравствуйте, Степан!

– Здороваться за руку с осужденным – против правил, – сказал я, не пошевелившись.

– О чем вы говорите. Забудьте об этом!

– Нет, – ответил я, – это запрещено.

Он сел и пригласил меня тоже присесть. За его стулом стояла дорожная сумка, он наполовину приоткрыл ее, чтобы я смог увидеть еду.

– Итак, Степан, – сказал он, – как ваши дела?

– Иван Ромашка, – ответил я, – я знаю, почему вы здесь. Вы пришли посмотреть, ослабел ли я. Поначалу вы даете мне строгое наказание, а теперь приходите ко мне с сумкой еды посмотреть, сдамся ли я и пожму вашу руку со словами: «Пожалуйста, помогите мне

отсюда выбраться!» Просто оставьте меня в покое. Для меня лучше умереть в тюрьме, чем принять помощь от вас.

Иногда неожиданно появлялись агенты КГБ, чтобы нас проверить. Они критиковали начальство лагеря за то, что мне дали хорошую работу, и требовали, чтобы меня назначили на более тяжелую работу. Как-то раз меня перевели в цех, где заключенные топили смолу. Дым там был ядовитый, но я освоил и эту работу, пытался работать хорошо, напевая гимны. Несколько раз начальник приходил посмотреть, как я справлялся, и, в конце концов, вернул меня на более легкую работу.

Однажды в лагере № 24 произошел особенно радостный случай. Он был связан с политическим диссидентом в нашем лагере, очень разбитым, подавленным человеком. Он все свое свободное время проводил за чтением книг в поисках вечного смысла жизни. У меня было много возможностей говорить с ним о Боге, Христе и спасении его души. Однажды он встретил меня во дворе и сказал: «Степан, пожалуйста, помоги мне. Я хочу помолиться!» Мы зашли в пустую мастерскую, и он упал на колени и начал плакать. Он молился Богу, прося о прощении его грехов. Я видел, что его раскаяние настоящее. В тот вечер я сказал другим христианам, что этот человек покаялся. Мы были очень рады! Его должны были скоро освободить. Позднее я получил известие со свободы, что он твердо стоял в вере.

До конца моего срока, прежде чем меня отправили в ссылку, агенты КГБ стали приходить в лагерь, чтобы со мной поговорить. Однажды меня вызвали прямо с работы, и у меня не было возможности даже вымыть руки. Когда я вошел в кабинет, два агента протянули свои руки, чтобы поздороваться.

– Извините, – сказал я, – но как вы видите, у меня грязные руки. Я только что вернулся с работы.

– Так ли это? – спросили они. – А если бы ваши руки были чистыми, вы бы пожали нам руки?

– Нет, я бы не протянул бы вам и чистую руку, – признал я.

– Ну, по крайней мере, вы искренни.

– А кто вы такие? – спросил я.

– Мы просто люди, пришедшие поговорить с вами.

– Если я не буду знать, кто вы, я не буду с вами разговаривать.

Я развернулся, чтобы идти.

Тогда они показали мне свои удостоверения. Один из них был майором КГБ Фесуненко из Киева, а другой, постарше, был полковником КГБ Иваном Волынюком из Ворошиловграда. Во время нашей беседы они объяснили, что работают для объединения Всесоюзного совета ЕХБ [«зарегистрированные баптисты», – см. Глоссарий] и Совета церквей ЕХБ, а в общем их работа заключалась в объединении всех религиозных деноминаций на международном уровне.

– Зачем кому-то называть себя баптистом или православным, если все церкви могут объединиться в одну? – спросили они, прибавив, что они хотят помочь всем нам объединиться.

– Я все еще заключенный, – сказал я, – мне еще осталось три года. Я не имею ничего общего с этими вопросами. Но если вы хотите знать мое личное мнение, то я категорически против каких-либо подобных союзов.

Тогда они начали говорить о моей семье и о том, как печально, что мои дети должны обходиться без меня так много лет. Они сказали, что моя свобода зависит от того, буду ли я с ними сотрудничать. Но я ответил, что от них ничего не зависит, что все в моей жизни случилось именно так, как Бог предопределил, и что Бог позаботился о моей семье и обеспечил всем необходимым. В завершение я сказал, что не приму от них никакой помощи. Потом они ушли.

За день до окончания моего срока ко мне в лагерь приехала моя жена, и нам разрешили короткое свидание. Я сказал Ульяне, что меня отправляют в ссылку в Хабаровский край, очень далеко от нашего дома. Она принесла мне в дорогу еду, и мы попрощались.

Другие узники устроили мне прощальный вечер. Многие люди хорошо узнали меня и относились ко мне с уважением. Я со многими разговаривал о Боге и на прощанье я опять проповедовал им и просил не забывать все наши беседы. «Хорошо, Германюк, – сказали они, – мы будем помнить. Но мы больше не встретим другого такого, как ты».

Я позднее узнал, что вскоре после моего отъезда Господь послал им Александра Круговых, проповедника из Макеевки.

Я точно не знал, какими будут условия моего этапирования до места ссылки, но я чувствовал, что путь будет нелегким. И оказался прав. Этап начался с ворошиловградской тюрьмы, а закончился за тысячи километров на восток в Николаевске-на-Амуре. Я прошел через девять тяжелых тюрем, путешествовал во многих тюремных вагонах вместе с сотнями осужденных, проехал большую территорию Советского Союза и был свидетелем всяческого насилия и трудностей.

В поездах конвоиры закрывали от семнадцати до двадцати узников в отсек, предназначенный для четырех, и нам обычно приходилось ехать так по четыре дня подряд. В тюрьмах нам давали совсем немного еды в дорогу: маленькую соленую рыбку и ломоть черного хлеба. Заключенные обычно садились на платформе, съедали всю свою пищу за раз, а потом ехали голодными три дня.

Этап навсегда останется очень памятным для меня, потому что, хотя это и ужасный опыт, такое путешествие было просто наполнено Божьим благословением. Во время поездки у меня было много хороших бесед о Господе. Людям было очень интересно услышать о Боге.

Первой тюрьмой стала ворошиловградская: противная, полная вшей, других насекомых и грязи. Я провел в ней, моей «домашней тюрьме», несколько дней, а потом на поезде был этапирован в Харьков. В харьковской тюрьме были недовольны обращением, которое нам оказали в тюрьме Ворошиловграда. Нам провели дезинсекцию, а потом поместили в сносную транзитную камеру.

Я помню, как встретил беззубого узника по имени Ян. Он пребывал в тюрьме двадцать семь лет. Во время своего последнего срока он пытался сбежать и в результате этого был приговорен еще к нескольким годам. Ян ни во что не верил. Но когда я прочел ему стихотворение Державина «Бог», он слушал очень внимательно, а на глазах показались слезы.

– Я не слушаю никого и ничего, – сказал он, – я никому не верю, но вот приходишь ты со своим стихотворением о Боге и каким-то образом касаешься моего сердца.

Несколько дней Ян держался возле меня, но потом нас разъединили и отправили в разных направлениях. Я не знаю, что с ним дальше произошло. Прискорбно видеть таких людей и очень жаль расставаться с ними, когда чувствуешь, что как-то удержал их от края пропасти отчаяния.

После шести или семи дней в Харькове меня послали в Свердловск, где очень большая и жуткая тюрьма. На протяжении нескольких ночей в поезде мы не могли спать; но когда мы попали в тюрьму, нас поместили не в обычную, а в крошечную, покрытую железом камеру. Заключенные стали требовать, чтобы нас увели, но одна из женщин, работающих в тюрьме, сказала: «Послушайте, ребятки, вам лучше оставаться на месте. Здесь очень воруют, у вас отберут все, что имеете. Кроме того, вас сегодня вечером вывезут».

Нас покормили еле теплым супом, и мы немного возобновили силы. В тот вечер нас опять отправили куда-то поездом.

Следующая тюрьма была в Новосибирске, и, на мой взгляд, там было значительно чище. Нас покормили и дали немного еды впрок в дорогу до Красноярска.

Тюрьма в Красноярске – это старое деревянное помещение. Нас поместили в цоколе и дали каждому что-то вроде матраса. Я не знаю, сколько людей умерло именно на моем матрасе, но от него почти ничего не осталось. Потом нас завели в камеру, в которой засохшая кровь была на полу и стенах. Было очевидно, что здесь били, возможно, даже убивали заключенных. В один вечер меня перевели в камеру смертников. Стулья там были забетонированы в пол, стол был железным. Тяжелая железная решетка закрывала маленькое окно. Это было темное, гнетущее место.

После пребывания в Красноярске меня этапировали в тюрьму Иркутска, и я с трудом могу описать всю омерзительность того места. Тюрьма – это трехэтажное здание, где для перехода с одного этажа на другой нужно было карабкаться по металлическим, как пожарным,

лестницам. Поскольку по прибытию в Иркутск мы были абсолютно изнеможенными, сразу же после того, как охранники закрыли за нами дверь камеры, мы рухнули на нары. Но прежде чем мы смогли уснуть, заключенные стали кричать и соскакивать с нар из-за полчищ насекомых, которые стали высыпаться из швов матрасов и беспощадно нас кусать. Это были какие-то паразиты-кровососы, которые решили нами поужинать. Мы нашли несколько банок и провели остаток ночи, собирая этих жучков.

На следующее утро мы сказали охранникам, что отказываемся принимать пищу, пока они нас не переведут куда-то. Мы спросили, зачем они поместили нас в такую отвратительную камеру. Вызвали тюремного врача, а он сказал: «Хватит уже врать! Здесь нет никаких насекомых». В качестве доказательства мы показали ему жучков, собранных нами за ночь. Он с трудом поверил своим глазам, но сразу же перевел нас, а всю нашу одежду прожарили.

В поезде на пути в Иркутск я встретил политического заключенного из Ленинграда по имени Егор Давыдов. Он был довольно хорошим человеком. Я никогда не слышал от него плохого слова. Он стал очень привязан ко мне и даже спал ночью поближе ко мне. Он действительно по-хорошему относился к людям и отличался от остальных заключенных. Давыдова приговорили к десяти годам. Он очень интересовался нашим братством и хотел больше узнать о христианах. Я пытался доказать ему, что политическая борьба приведет его в никуда. Я предлагал ему ближе познакомиться с Богом, сказав ему, что когда человек знает Бога, то ему ясно, зачем жить и за что бороться. Мы расстались в Иркутске, там он оставался на ссылку. Егор не только поддерживал со мной связь и писал мне из ссылки, но он также связался с моей семьей и сообщил им новости обо мне.

После недолгого пребывания в Иркутске нас повезли в Хабаровск. Тюрьма там тоже очень плохая. Но разве существует такое понятие, как «хорошая тюрьма»? Но здесь по каким-то причинам нас не обыскивали до следующего утра. Нас всех поместили в одну большую камеру и оставили совсем без надзора. Ни один охранник нас не проверял. Но я даже не буду пытаться описать то насилие, которое видел той ночью!

Из хабаровской тюрьмы меня забрали в наручниках. Конвоиры сказали, что забирают меня в Николаевск-на-Амуре самолетом, и предупредили, чтобы я не разговаривал ни с кем, не поворачивался и вообще ничего не делал, а только тихо сидел в этих наручниках. Когда они посадили меня на АН-24, пассажирский самолет, другие пассажиры рассматривали меня. Я был бледным и уставшим, кроме того, за время странствий у меня отросла борода. Два солдата сели позади меня, еще два сели спереди, а офицер из Министерства внутренних дел сел возле меня.

Когда я прибыл в тюрьму в Николаевске, меня тепло приняли. Они дали мне хороший рыбный суп и настоящий хлеб, а не полусырую отвратительную субстанцию, которую обычно дают в тюрьме. Тюрьма там маленькая, и, конечно же, чем меньшее количество еды приходится готовить, тем она лучше. Место было очень приятным, и даже пахло там уютно. Я смог отдохнуть там два дня. Потом мне сказали, что отправляют меня в ссылку в Чумикан.

Что за Чумикан? Задавал я себе вопрос. *Какая-то неизвестная маленькая деревушка на краю земли!* Но я был готов туда отправиться.

Политзаключенный по имени Михаил Сидов путешествовал со мной из Николаевска. Нас посадили на маленький «кукурузник» АН-2 безо всяких охранников. Когда самолет приземлился в Тугуре и мы вышли из него, вокруг не было милиции. Поскольку мы привыкли, что нас постоянно сопровождает милиция, то пришли в замешательство, когда ее не увидели.

– Возможно, мы высадились не в том месте? – предположил Михаил.

Мы обошли аэропорт, не зная, что нам делать. Мы переживали, что кто-то неожиданно схватит нас и обвинит в попытке бегства. В конце концов, мы пошли к диспетчеру.

– Вы прибыли, ребятки, – улыбнулся он, – это деревня изгнанников. Не ожидайте, что кто-нибудь здесь будет вас встречать. Автобусы здесь не ходят, а деревня находится в четырех километрах

отсюда, так что вам придется идти пешком. Идите в отделение милиции в деревне, а мы пришлем туда ваши дела.

Мы опять вышли на улицу, где свирепствовал ветер. Вокруг было всего лишь несколько маленьких и деформированных деревьев. Мы слышали, что здесь всегда холодно и что здесь постоянные вьюги и снежные бури.

Конечно, я не ожидал, что ссылка будет развлечением. Но Библия говорит: «...[вы] умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро». Так что я снял свою шапку и вслух помолился: «Земля принадлежит Господу, а также все, что на ней, и если здесь живут какие-то люди, если здесь есть хотя бы один, тогда я тоже смогу здесь жить. Я буду славить Тебя на этом месте, мой Господь».

Мы с Михаилом стали идти в сторону деревни, но он настолько замерз, что больше не мог противостоять ветру. Я дал ему свою шапку и фуфайку, и мы вместе продолжили свой путь в деревню. Когда мы к ней подошли, то увидели повсюду на улицах множество собак, больше собак, чем людей.

Чумикан – это крошечная деревня, на краю земли, и туда можно попасть только на самолете или на одной из барж, которые привозят провиант и уголь летом. Деревня расположена в том месте, где речка Уда впадает в Охотское море. Этот поселок находится на побережье Хабаровского края. Дальше идти некуда. Я оказался на расстоянии более шести тысяч километров от лагеря, где я отбывал свой срок. Это было довольно унылое местечко.

Когда мы с Михаилом наконец-то вошли в деревню, мы почти замерзли. Мы пошли в отделение милиции и заявили о нашем прибытии. Начальник милиции сказал:

– Хорошо, просто подождите немного здесь. Когда ваши дела прибудут, я с вами поговорю.

Потом он предупредил меня:

– Не думай, что сможешь здесь проповедовать. Мы этого не допустим. Мы очень строгие.

– А какое наказание, более строгое, чем ссылка сюда, вы мне за это дадите? – спросил я. – Или вы думаете послать меня на юг? Я проповедник по моим убеждениям и по призванию. Поэтому я буду проповедовать.

Но позже я понял, что давать такие предупреждения это его работа.

Когда прибыли документы, начальник милиции определил нам работу и отпустил. После этого мы пошли в местное отделение, где две женщины сидели за столами и что-то писали. Я подошел к одной из них, заявил, что я христианин, человек, который верит в Бога, и что меня отправили в ссылку из-за моей веры. Все в комнате подняли глаза и стали внимательно слушать. Это было что-то новое для них. Поскольку за всю историю существования поселка сюда никогда не отправляли верующих в ссылку.

Проживать меня определили в деревенское общежитие. Место было просто отвратительным, и все были пьяными. Рассказывали, что один мужчина, живший там, сразу после зарплаты шел в магазин и покупал водку и какую-нибудь закуску. Он напивался и отключался, а когда приходил в себя, снова напивался. Это продолжалось, пока не заканчивались деньги. Таковыми обстояли дела в общежитии – необузданный грех и жуткое пьянство.

Оставив там Михаила, я решил, что ни дня не собираюсь оставаться в общежитии. Я вернулся в контору и попросил женщин найти мне комнату в доме у кого-нибудь. Мы стали ходить от двери к двери, но никто не хотел меня брать; все они боялись ссыльных. Наконец-то мы пришли к дому одной пожилой женщины, мордвинки, и попросили, чтобы я у нее остановился.

– Нет! – ответила она.

– Но послушайте, бабушка, я человек, верующий в Бога. Позвольте мне остаться в вашем доме. Я буду вам помогать. Вы не пожалеете об этом.

– Ну, ладно, – сказала она, – поскольку ты веришь в Бога, я тебя возьму. Но не сегодня, возвращайся через четыре дня, и я подготовлю для тебя место.

Тогда я поселился в гостинице. Потом я решил пойти в общежитие навестить Михаила. Я увидел его сидящим на своей койке согнутым и дрожащим.

– Они привезли меня сюда умирать, – сказал он, – я никак не смогу здесь выжить. Очень холодно и нечего поесть. Я знаю, что умру.

– Нет, ты не умрешь, – сказал я ему, – сколько тебе дали денег?

– Десять рублей.

– Хорошо, пойдем со мной.

Мы пошли в магазин, и я купил ему электроплитку за четыре с половиной рубля. Потом я купил макароны, сухое молоко, продукты для супа, буханку хлеба и еще некоторые вещи. Мы вернулись в общежитие, включили электроплитку и приготовили суп с макаронами. Когда запах супа разошелся по комнате, он воспрянул духом. Человеку по настоящему нужно совсем немного, чтобы ободриться и продолжать жить!

Через несколько дней я переселился к пожилой женщине, которая даже приготовила мне кровать. Я склонился на колени возле кровати и поблагодарил Господа за то, что Он дал мне возможность здесь остановиться.

Я написал письмо домой жене, в котором описал ситуацию в Чумикане, как трудно здесь было добывать достаточное количество еды, я также сказал ей, что я не увижу ее три года, до конца моей ссылки, потому что она никак не сможет сюда добраться. Я написал письмо в ноябре, а в декабре моя замечательная жена прилетела в Чумикан! Она пошла к Лидии Винс, рассказала, где я нахожусь, и дала ей прочесть мое письмо.

«Ульяна, поезжай к нему немедленно, – посоветовала Лидия, – не волнуйся, что скажут или подумают остальные; поезжай и сама увидишь». И моя жена села на самолет и прилетела меня повидать.

Мне сообщили из аэропорта, что прибыла моя жена, но я не мог туда пойти, потому что мы были в центре сильного бурана, и все было погребено под снегом. Одолжив на работе машину, я приехал в аэропорт за Ульяной. Как только мы зашли в дом моей

домовладелицы, мы сразу же опустились на колени, чтобы поблагодарить Бога. После молитвы Ульяна сказала: «Ты написал, что меня здесь не увидишь, но вот, меньше чем через два месяца, я тут!» Через четыре дня она возвратилась домой с твердым решением переехать в этот поселок весной.

После этого моя жизнь продолжалась, как и прежде. Моя домовладелица была заложницей пьянства. Она работала на трех работах, зарабатывая до пятисот рублей в месяц, и все свои деньги тратила на выпивку. Когда я перебрался в ее дом, то умолял ее бросить пить. Ее дружки перестали приходить, и она говорила: «Посмотрите-ка, в моем доме живет святой».

Вскоре начались изменения. Я отмыл и отчистил все, приведши дом в порядок. Я также готовил для нее вкусную еду украинской кухни, например, борщ. Взирая на всю мою помощь, она даже не брала с меня плату за жилье. Мои друзья присылали мне много посылок с едой, и, слава Богу, мы с ней жили хорошо.

В апреле следующего 1978 года моя жена и дети прибыли в Чумикан. Начальство пообещало дать нам свое собственное жилище. К этому времени я работал уже главным бухгалтером. Мой инспектор стал ко мне очень хорошо относиться и позаботился, чтобы я получил хорошее место.

Однако когда работники местного партийного комитета узнали, что я получил квартиру, они решили выставить нас. Жена с дочерьми уже повесили занавески, мы спели гимны и благословили помещение молитвой, но пришел надсмотрщик и выселил нас. Они нас переселили в старое помещение с крысами. Но мы перенесли туда наши сумки, сели на них, достали гитару и стали петь, воздавая хвалу Богу. Все были настроены оптимистически; мы знали, что Бог позаботится о нас.

Вскоре после этого я получил разрешение от моего непосредственного начальника купить хижину возле леса за восемьдесят рублей. После этого он послал рабочих, чтобы отремонтировать дом, мы достроили несколько комнат, и через месяц дом выглядел замечательно. Мы прославили Бога. Когда глава

местного комитета партии услышал о доме, он сказал: «Посмотрите, этот баптист обхитрил нас. Даже здесь у него рай».

Возле дома я посадил небольшой огород. Я сажал картошку в камнях, потому что только так она могла вырасти на Дальнем Востоке, где лето длится только два месяца. Солнце нагревает камни, и картошка растет, хотя и немного деформированная. Нам хватало ее на всю зиму.

Вскоре мы подружились с одной семьей, которая жила по соседству. Я часто их навещал и узнал, что отец главы семейства погиб много лет назад за проповедование Евангелия. Я также узнал, что они знают Евгения Родославова, христианина, который находился в ссылке в соседнем поселке Богородское. Благодаря его свидетельству несколько членов их семьи обратились к Господу. Тем не менее самый старший брат, Илья, был очень упрямым и долгое время отказывался принимать Христа. Как оказалось, его жена работала в деревенской конторе. Когда я только приехал в поселок и заявил, что я христианин, она пошла домой и сказала своему мужу:

– Этого верующего, наверное, послали сюда ради нас.

Илья сразу же спросил:

– Почему ты его не пригласила? – но позже добавил: – Ну, ничего, я уверен, что мы как-нибудь с ним столкнемся.

Как оказалось, я вскоре после этого их встретил, потому что моя пожилая домовладелица была с ними знакома. Однажды, когда они пришли к ней в гости, у меня была возможность с ними разговаривать несколько часов. Позднее я стал часто их навещать, а они также приходили к нам. Илья был рыбаком, а его жена была образованной женщиной – экономистом и бухгалтером. На протяжении многих лет она пыталась не дать ему прийти к Господу, но сейчас она подталкивала своего мужа к покаянию. Каким же радостным событием в нашем доме было то, что они оба покаялись и обрели спасение! Как они плакали и как мы радовались в Господе!

Наши богослужения в Чумикане были замечательными. Иногда по воскресеньям наши собрания длились с утра до вечера. Мы целый день пели гимны и славили Бога. Я проводил много времени в молитве и в

Слове, чтобы у меня было чем накормить людей. Мы всегда начинали с молитвы. На каждом собрании мы читали несколько глав из Ветхого Завета и несколько глав из Нового Завета, пытаясь пройти всю Библию. Наши дочери, Лилия и Ольга, принимали очень активное участие в богослужениях. Они играли на гитаре, а мы пели. А младшие дети рассказывали стихотворения. Мы очень много пели на наших собраниях, понимая, что вновь спасенным людям действительно нужно петь. У нас было несколько хороших, вручную переписанных песенников, и мы часами пели, не замечая, как проходит время. Я не думаю, что мы еще когда-нибудь испытаем такое общение на земле.

Мы обучали Илью и его жену; и когда пришло лето, я крестил их в холодной соленой озерной воде возле моря. Господь очень благословил то служение крещения. Возможно, это был первый раз, когда кто-либо когда-либо был крещен в этом суровом регионе, первый случай, когда люди свидетельствовали, что они уверовали в Господа и отдали Ему свою жизнь. Мы устроили большой праздник и приготовили особые угощения. Я возложил на них руки и помолился. Потом мы приняли причастие. Было так много радости в нашем доме, и особенно в сердцах этих людей, которые нашли прощенье. Молитвы родителей Ильи, которые были преданными верующими, не остались без ответа.

Наша семья проводила много времени с Ильей и его женой, и мы видели, как они духовно возрастают каждый день. Их младший сын, Толик, подружился с нашими детьми и много чему у них научился. Мы получали большое удовольствие от такого общения, но знали, что вскоре нам придется расстаться.

К этому времени местные власти стали беспокоиться из-за нас. Глава местного комитета партии вызвал меня в свой кабинет и сказал, что нам больше нельзя встречаться. Он предупредил: «Вы лучше поостерегитесь, а то мы о вас позаботимся».

Я мило с ним побеседовал, сказав, что я не боюсь никаких угроз и буду продолжать проповедовать, потому что такова Божья воля.

Вскоре после этого меня вызвали в отделение милиции. Там мне показали ордер на обыск моего дома, будто бы на наличие соболиных шкурок. (В этой части страны многие люди охотятся на соболей и

продают шкурки.) Я сказал им, что они могут обыскивать дом, но понимал, что они ищут нечто другое. Я вернулся домой и сказал детям, что наш дом будут обыскивать, поэтому мы вместе опустились на колени и помолились об этом. Вскоре прибыли четыре милиционера и начали обыск. Как только они нашли некоторую христианскую литературу, то отложили ее для конфискации.

– Не забирайте это, – сказал я, – ведь это не соболя.

– Мы все равно заберем, – ответили они.

Тогда я стал требовать встречи с прокурором. Они послали одного милиционера за прокурором, и когда тот прибыл, то с огорченным видом он сказал:

– Я ничего об этом не знаю. Я никогда не имел дело с такими вопросами. Я поговорю с Бирюковым.

(Бирюков представлял КГБ. В этом маленьком поселке не было сотрудников КГБ до того, как меня сюда сослали. Но через два или три месяца после моего прибытия в Чумикан в деревню прислали работника КГБ Геннадия Бирюкова. Он всего несколько раз вызывал меня на разговор, но в основном наблюдал за мной издали.)

И теперь прокурор говорил:

– Я в этом не осведомлен. Я пойду посоветоваться с Бирюковым и сделаю, что он скажет.

Через несколько минут он возвратился и сказал:

– Конфисковать все, что упоминает Бога. Мы все проверим, а потом возвратим.

Тем не менее Бог продолжал нас благословлять. Мы с детьми приняли решение выучивать наизусть одну главу из Библии каждую неделю. По средам наша семья всегда постилась, и дети знали, что, что бы ни случилось, у нас всегда будет богослужение в среду и нужно будет рассказать главу на неделю. Иногда мы подглядывали, но обычно выучивали наши главы наизусть, особенно из Исаии и посланий Иакова и Петра.

Нам с детьми нравилось прогуливаться по берегу моря и смотреть на бурлящие воды или молчаливые звезды. Небо на Дальнем Востоке очень необычное. В Украине небо кажется очень высоким, а звезды очень маленькими, но там звезды очень большие, и мы никогда не могли наглядеться на них. Часто по вечерам мы выходили посмотреть на звезды и пели песню «О, это небо! Как ты прекрасно, ты отражение Божьей любви!»

У нас было большое желание оставить свидетельство на этом месте. Я помню, как в четыре часа утра в одно Пасхальное утро я вышел на улицу, выкрикивая: «Слушай, Чумикан! Христос воскрес!» Конечно, некоторые люди были более заинтересованы, чем остальные. Жены милиционеров и других местных чиновников проявляли особый интерес. Я давал им почитать маленькую книжку под названием «Есть ли жизнь после смерти?». Я свидетельствовал им и иными способами. Особенно я старался свидетельствовать пожилой женщине, у которой я сначала жил в доме, но она и ее дети все еще были порабощены пьянством и распутством.

Моя семья никогда не чувствовала себя одинокой, даже в том отдаленном поселке. Нам писали люди из Закарпатья, Кавказа, Мурманска и Центральной России, Сибири, Урала и Азии. Не было ни единого уголка в нашей стране, откуда бы мы не получали открытки, письма и посылки. Мы пытались отвечать каждому, кто писал, хотя бы несколькими короткими строчками. Пока я был в лагере, невозможно было отвечать на всю почту, которую я получал, поэтому, будучи в ссылке, я поставил цель ответить каждому. Каким чудесным благословением было получать эти письма! Замечательно было узнать, как поживали наши друзья-христиане в Москве, Одессе, Харькове, Киеве и в нашем родном городе Ворошиловграде.

Мой срок ссылки закончился в июне 1980 года. Мне отдали мой паспорт, мы погрузили наши вещи на баржу и приготовились к отплытию. Даже мой начальник пришел нас проводить. Мы стали хорошими друзьями, и я часто разговаривал с ним о Боге. Когда баржа была готова к отбытию, я вышел на палубу и помолился Богу. Я поблагодарил Его за этот поселок и попросил, чтобы Его благословение пребывало здесь, также я поблагодарил Его за то, что Он дал мне здесь пристанище и заботился обо мне на этом месте.

После этого я попрощался с Чумиканом, понимая, что я, наверное, больше никогда его не увижу.

Прошли три года ссылки. Чему я научился? Я пытаюсь вынести урок из всего, что происходит в моей жизни, из каждого тюремного срока и из каждого моего места жительства. И там, в Чумикане, Господь научил меня надеяться на Него всегда, так как написано в Псалме 61:9: «Народ! надейтесь на Него во всякое время; изливайте пред Ним сердце ваше: Бог нам прибежище». И действительно, мы имели все в достатке там – у нас было достаточно еды, а также все остальные наши нужды были восполнены. Мы видели постоянную Божью заботу и обеспечение.

Но наибольшей радостью за время пребывания в Чумикане было крестить в тех холодных водах людей, обратившихся к Господу. Для нас было очень ценным услышать, как они говорили: «Спасибо, Господи, за то, что Ты прислал эту семью сюда». И действительно, Бог послал нас, и мы выполнили нашу миссию. Мы исполнили Его волю и вынесли урок доверия Богу во всех ситуациях; ведь, несмотря ни на какие обстоятельства, Он всегда с нами.

Бог был с нами даже в тайге, где зимние температуры опускались до -45 С и скорость ветра иногда достигала восьмидесяти километров в час, сбивая людей с ног и срывая крыши с домов. Он был с нами, когда снежные бури были настолько суровыми, что мы не могли выйти на улицу, боясь не найти больше свой дом. Он был с нами, когда детям приходилось оставаться в школе на протяжении нескольких дней, потому что они не смогли бы добраться домой. Жизнь в таком месте делает человеческое сердце более мягким и добрым. Слава Господу за то, что все бури, которые мы встретили, все переезды и смены мест жительства и все поиски жилья были Ним для нас предопределены. Даже только по этой причине мы должны благодарить Бога, благодарить Его за все.

Ссылка – это очень хорошая школа для человека, который хочет узнать что-нибудь от Бога. Вся земля принадлежит Господу! Все принадлежит Богу – обещания, откровение и люди. Мы жили среди эвенков, якутов, тунгусов, нанайцев. Эти народности становятся вымирающими, и погибают они, не зная Бога. Но Бог дал мне

возможность говорить с ними, жить среди них и извещать для них имя Господа.

Пока я служил Богу в местах заключения и ссылки, то иногда интересовался: «Куда Господь дальше пошлет меня служить Ему? Где Всемогущий еще использует меня?» Пока я находился в Чумикане, я много молился, чтобы Господь показал направление, куда нам ехать, когда придет время. Моя жена продала все наше имущество, поэтому нам действительно не было куда возвращаться в город, где мы жили раньше. Наши дети уже подросли, и им нужно было находиться в хорошей церкви с группой молодежи, музыкой и хором. Мы решили поехать в Харьков.

Когда мы прибыли в Харьковскую область, служители оказали нам теплый прием. Они спросили меня о моем прошлом служении, а потом включили меня в областной совет и руководство местной церкви. Вся моя семья была вовлечена в служение евангелизации. Наши дети также стали членами Дергачевской церкви, которая является очень хорошей, здоровой общиной. У них замечательный старший пастор Виктор Моша, очень опытный служитель. На тот момент он уже отбыл три срока тюремного заключения за веру, а сейчас находится в тюрьме в четвертый раз.

Местные власти были враждебно настроены с самого начала. Вскоре после того, как мы поселились, они пришли, нарушив богослужение, и арестовали меня на пятнадцать дней. До конца 1981 года я отбыл четыре пятнадцатидневных срока за посещение богослужений. Потом они начали готовить на меня новое уголовное дело. 8 мая 1983 года я направлялся туда, где должно было проходить собрание, когда вдруг двое мужчин выскочили с боковой улицы и схватили меня. Они выхватили мой портфель, показав мне удостоверения КГБ, втолкнули меня в машину и куда-то меня увезли.

В моей камере я обрадовался, когда увидел два стиха из Библии – Откровение 2:10 и 1-е Коринфян 10:31 – написанные карандашом на грубых стенах разборчивым почерком моего друга Павла Рытикова. Мы с ним вместе служили Господу в церквях одной области, и нас уже раньше арестовывали вместе. Я знал, что его арестовали в марте, но, конечно же, он не знал, что я тоже здесь находился. Теперь я знал, что

он пребывает в этой же тюрьме. Меня определили в камеру «тройник» и повели по коридору. Когда я шел, я увидел другого заключенного перед нами. Подойдя ближе, я увидел, что это не кто другой, как Павел Рытиков!

Мы быстро переговорили, поскольку нас могли разъединить в любой момент. Вместо этого охранники завели нас в цоколь и поместили в одну камеру. Когда мы входили через дверь, Павел наступил мне на ногу, предупреждая, что в камере находится «стукач», поэтому нам нужно быть осторожными в разговорах. В основном мы говорили, когда нас выводили в прогулочный дворик. Мы также проводили время в совместной молитве. Три дня прошли очень быстро, а потом Павла забрали в суд, и я больше его не увидел.

Я остался в этой камере, где мог рассказывать другим заключенным о Боге. Никто не перебивал меня и не пытался меня остановить. За шесть недель я рассказал им все, что я знал из Ветхого Завета, включая пророчества о Христе. Потом я говорил о жизни и распятии Господа. Некоторые мужчины выросли в детских приютах и никогда ничего не слышали о Боге, поэтому для них все это было новым. Каждый раз, когда я говорил о Боге, остальные шесть или семь заключенных внимательно слушали, а потом обговаривали все услышанное.

Во время расследования моего дела начальство редко вызывало меня на допросы. В конце концов, с какой целью? Меня обвинили в нарушении статьи 187 Уголовного кодекса Украины: намеренное распространение клеветнических измышлений о советском правительстве и обществе. Но у них не было никаких доказательств против меня.

Накануне Пасхи я все еще находился в камере. Вместо празднования мне было печально. На моем сердце лежал камень, запечатанный скорбью, но я не был совсем унылым. Я был к этому готов, зная, что меня могут арестовать в любой момент. На следующий день все мои друзья из церкви пришли в тюрьму после утреннего богослужения. Таким образом, печать была сломана, а камень был отвален от могилы. Пришли мои друзья! Я слышал, как они поют, и мог их видеть из окна моей камеры. Их было так много, что милиция встревожилась и в тот же день перевела меня в другую тюрьму.

Господа

Степан и Ульяна Германюк на свадьбе своей дочери Лилии и Ивана Хорева в мае 1987 года. Мать Ивана стоит справа. Состояние здоровья Ульяны настолько ухудшилось, что ее освободили из тюрьмы в марте. 3 июля она умерла от рака желудка.

Так начался второй срок странствий и заключения. Меня приговорили к трем годам строгого режима. Но я чувствовал духом, что наши враги еще не удовлетворены. Им было не достаточно лишить меня свободы, разлучить меня с женой и детьми. Они готовили иную подлость, которая осуществилась, когда они арестовали мою несчастную, утомленную, больную жену Ульяну.

Ульяну арестовали, когда она вела наших сыновей в школу. Милиция ссадила ее с поезда, ложно обвинив ее в проведении собраний в Харькове. Сначала ей дали пятнадцать суток. Наши дети в письме рассказали мне об этом. Потом суд обвинил Ульяну по статьям 187 и 138 Уголовного кодекса Украины и приговорил ее к трем годам заключения. Наши дети были ужасно огорчены. Они с трудом могли выдержать всю клевету и злую ложь в официальном обвинении против их мамы, и они очень беспокоились о ее здоровье. В этом горестном и безнадежном состоянии они написали мне: «Папа, теперь мама будет там, где и ты».

Итак, моя жена находилась в узах, а мои дети остались одни. Атеизм очень жесток. *Что атеисты сделают дальше?* И что может атеизм кому-нибудь предложить? Они проводили над нашей семьей эксперимент, заключив в тюрьму обоих родителей и оставив детей одних.

Но, слава Богу, до этого времени все наши дети были членами церкви. Мы могли встретить страдания с миром в сердце, потому что Бог милостиво позаботился о наших детях и обратил их к Себе. Они уже приняли Христа, поэтому мы могли не только страдать, но и умереть с миром. Дети знают Бога; дети спасены!

Но теперь наш дом был пустым и тихим. Дом, который раньше был веселым и оживленным, где мы иногда не ложились спать до часа или двух ночи, потому что мы разговаривали, и пели, и плакали, и

радовались вместе. Наша дочь Лилия осталась там горевать одна. Иногда зимой было очень холодно, и ей приходилось там спать в плохо отапливаемой квартире.

Здесь я должен упомянуть, что был некий период в лагере, когда я обиделся на Бога за то, что Он допустил арест моей жены, которая была такой слабой и больной. Почти два дня мое сердце было очень темным и встревоженным. Но потом я образумился, стал молиться и плакать, обращаясь к Господу: «Пожалуйста, прости меня за то, что думаю, что я люблю ее больше, чем Ты. Я не умирал за нее на Голгофе, Господь; *Ты* умирал». И Господь ответил на мою молитву. Даже хотя я и горевал из-за заключения моей жены, я больше никогда не впадал в такое отчаяние, потому что знал, как сильно Бог ее любит. Все, что дает нам Бог, мы должны принимать из Его рук.

Когда мой срок подошел к концу, я вернулся домой, собрал своих детей и немедленно отправился прямо в лагерь, где удерживали мою жену. Хотя я не видел ее полтора года и попросил короткое свидание, дежурная женщина отказала мне. Потом я попросил надзирательницу лагеря разрешить нам увидеться всего на пять минут, чтобы моя жена, увидев, что я уже на свободе и вернулся домой, немного взбодрилась. Надзирательница стала кричать, что все это моя вина, что это я погубил мою жену и детей и что я должен немедленно отсюда убираться, чтобы Ульяна даже не видела моего лица. Я выслушал все это спокойно, а потом вежливо попросил ее разрешить нам увидеться на несколько минут. Наконец-то она посмотрела дело моей жены и увидела, что вскоре нам полагается трехдневный визит.

«Хорошо, вам полагается свидание, но не сегодня. Возвращайтесь двадцатого июля. А сейчас убирайтесь отсюда!»

Поскольку я находился на испытательном сроке после моего освобождения, мне нужно было пойти в отделение милиции и получить разрешение на свидание. Там мне назначили определенный маршрут для поездки. 20 июля мы с детьми упаковали некоторую еду и направились в лагерь. Сотрудники КГБ были уже там. Мои дети узнали их, потому что те присутствовали на суде. Очевидно, милиция их проинформировала и дала им схему моего маршрута. Мы видели, как они разговаривали с одним из охранников, и когда нас провели на

обыск, этот охранник проверил все наши сумки очень тщательно, разворачивая даже конверты и распаковывая плитки шоколада. Они очень боялись, что мы попытаемся передать какую-то литературу, поэтому открывали абсолютно все.

Нас ввели в комнату для свиданий. Когда привели мою жену, мы были потрясены ее внешним видом. Я не думал, что человек может так исхудать, даже в лагере. В последний раз я видел ее полтора года назад, когда она навещала меня в лагере. Тогда она весила 80 килограмм и была довольно плотной. Теперь она похудела до 40 килограмм, а ее руки и ноги были как палки. Она была очень слабой и утомлялась даже от разговора, но ее дух был очень радостным и сильным! Мы привезли много еды, чтобы как-то подкрепить ее, но сколько помощи можно оказать за это время? Мы обнялись, заплакали и вместе опустились на колени, чтобы поблагодарить Бога за пути, которыми Он нас вел, и за Его постоянное присутствие и заботу.

Во время нашего визита я готовил для Ульяны полезную пищу, чтобы подкрепить ее силы. Она не могла кушать лагерную еду. Каждый, кто был в лагере, знал, какое там плохое питание. Они делают кашу и суп из противных, жирных, полусгнивших продуктов, и даже человек, который совершенно здоров, едва может это переваривать. А больной вообще не может это есть. У моей жены было серьезное заболевание желудка. Мы много раз обращались к начальству лагеря с прошением, чтобы ей присвоили статус инвалида и, соответственно, специальную диету. Лагерные врачи сообщили нам, что они и присваивали ей специальный статус, но каждый раз вмешивались из КГБ и его аннулировали.

Мы также вместе вспоминали Вечерю Господню во время нашей встречи. Это был особый для всех нас момент, когда мы вспоминали страдания и смерть Господа. Два дня нашего пребывания вместе прошли очень быстро. Когда мы расставались, Ульяна обняла и ободрила нас. Она сказала не беспокоиться, что Господь сохранит всех нас.

Через два месяца нам разрешили еще одно короткое свидание с Ульяной. Мы прибыли в лагерь для свидания в 10:00, но нам не разрешали с ней увидеться до 13:00, потому что они занимались

специальными приготовлениями в комнате для свиданий. Окно, которое отделяло нас от нее, было побелено с обеих сторон, так что мы с трудом могли друг друга видеть. Окно, где находился наблюдатель, было закрыто экраном, чтобы мы не видели, кто там. Хотя другие комнаты для свиданий были пустыми, они нас не пустили туда. Ульяна была такой же худой, как и в предыдущий раз, но теперь она должна была держаться за стены при ходьбе.

Несмотря на трудности и постоянное притеснение со стороны властей, Степан Германюк продолжает проповедовать.

После нашего посещения мою жену поместили в больницу и накачали всякими лекарствами. Но вскоре ее опять отправили в лагерь. Ей так и не дали статус инвалида.

Я убежден, что наши преследователи удерживали мою жену в заключении из-за того, что она была членом Совета родственников узников. Нескольким нашим друзьям из церкви стало известно, что ее могли бы освободить раньше, если бы не ее участие в этом служении. Например, проповедника из Крыма, Петра Шоху, вызвали на «разговор» сотрудники КГБ, и во время беседы он их спросил:

– Почему вы удерживаете Германюк? Почему вы ее не отпустите?

– Мы бы давно ее отпустили, – ответили они, – но она является членом Совета родственников узников.

Но, слава Богу, я могу радоваться этому, потому что я вижу в Писании параллель этой ситуации с историей о Сауле и Давиде. Нигде в Святом Писании не сказано, что Давид боялся Саула. Саул боялся Давида. Саул был правителем и преследовал Давида. Но Давид не боялся, потому что Бог пребывал с ним. Слава Богу, что ситуация остается такой же и в наши дни. И поскольку Господь пребывает с нами, мы уверены в победе.

P.S. Состояние здоровья Ульяны Германюк продолжало ухудшаться, пока ее неожиданно не освободили 25 марта 1987 года. Она смогла присутствовать на свадьбе своей дочери Лилии и Ивана Хорева в мае того же года. Однако 3 июля Ульяна Германюк умерла от рака желудка. На похоронах, которые прошли спустя два дня, присутствовали многие собратья-христиане из различных городов, которые свидетельствовали о ее верности Богу.

11: Зинаида Вильчинская

Заключенная бабушка

Зинаида Вильчинская была 54-летней бабушкой, когда ее арестовали в мае 1986 года в поезде, во время перевозки христианской литературы. Как члена Совета родственников узников ее приговорили к двум годам трудовых лагерей. Из-за слабого здоровья и активного протеста со стороны христиан на Западе власти освободили Вильчинскую в июне 1987 года, на одиннадцать месяцев раньше. Ее муж, Владимир, провел шесть лет в тюрьме из-за его служения в Независимой баптистской церкви в Бресте. Чета Вильчинских имеет четверо детей. Их дочь Галина отбыла два срока в лагерях за свою работу с детьми.

Перед своим арестом я предчувствовала, что мне придется пройти по пути скорби, попасть в тюрьму. И я часто проверяла себя. Когда я жила дома, сыта и тепло одета, я спрашивала себя: «А что если вдруг приедет милицейская машина, они предъявят ордер на мой арест и скажут: «Собирайте свои вещи», – буду ли я бояться?» Я просила Господа дать мне силу, чтобы подготовиться, и Он действительно подготовил меня. Ничто в моем доме не удерживало меня, я была готова это все оставить ради Господа. Я знала, что я могу оставить дом, не оборачиваясь, как сделала жена Лота. Позже, когда меня арестовали, Господь дал мне силу.

Когда меня забрали в отделение милиции, меня поместили в очень холодную камеру с голыми железными нарами. Охранники забрали мой шарф и куртку, и я лежала на нарах в самом платье. Я дрожала и начала молиться. Когда моя сокамерница увидела, что я молюсь, она тоже стала на колени и сказала: «Я не могу этого выдержать. Я тоже замерзаю». Она стала тихо плакать.

«Господь, – молилась я, – если Ты хочешь, чтобы я здесь замерзла, пусть будет воля Твоя; только дай мне вытерпеть это с любовью, покорностью и кротостью. Но Ты можешь помочь мне. Ты даже можешь забрать меня отсюда, если на то есть Твоя воля».

Я снова легла и почувствовала тепло. Я сказала другой женщине: «Позволь мне обнять тебя, чтобы ты согрелась». Мы согрелись вместе. Позднее, когда нас перевели в разные камеры, она всем рассказывала в своей камере: «Бог согрел тетю Зину [так они меня называли] в нашей камере, а она согрела меня». Даже охранники мне улыбались, потому что эта история распространялась. Моя бывшая сокамерница всем об этом рассказывала, и это было настоящее свидетельство.

Когда охранники переводили меня и эту женщину в тюрьму, я собрала свои вещи и тихо ждала в коридоре. Охранник схватил меня за руки и сказал: «Руки за спину». Он держал пару наручников. Я просто тихо стояла и смотрела на него. Он повторил приказ. Потом он взял меня за руку и пристегнул меня наручниками к другой женщине.

– Не двигайтесь, или они сдавят вам руку, – предупредил он.

Я опустила руку.

– Имеете ли вы право одевать мне наручники?

– Что вы имеете в виду?

– Я женщина. Более того, пожилая, я вам в матери гожусь. Разве вы можете надевать наручники своей маме? Вы сказали мне собрать свои вещи и выйти, и я это сделала. Я пойду, куда бы вы меня не повели. Я не сопротивлялась, но вы одели мне эти наручники. У вас нет на это права!

– У нас есть право. Это приказ, и именно это мы сделаем, – настаивал охранник.

– Об этом узнает весь мир. Когда об этом узнают мои друзья, не обвиняйте их в клевете на советскую систему. То, что вы делаете, незаконно.

Тюремный надзиратель услышал то, что я сказала. Он подошел и сказал охраннику снять с меня наручники.

– Тише, тише, – сказал он, – мы уже их снимаем.

Больше они не пытались надеть на меня наручники.

Потом меня завели в отвратительную, сырую, темную, голую тюремную камеру. Я вошла в камеру, поприветствовала всех и сказала, что меня посадили в тюрьму за то, что я христианка. Я склонилась на колени – они освободили для меня немного места – и помолилась. Они внимательно слушали. Я также молилась о них, чтобы Господь открыл их духовные глаза, чтобы они смогли видеть. Там находились ужасные люди, но эта молитва коснулась их сердец и смягчила их. Одна женщина даже заплакала, потому что она была православной и немного веровала. Позднее она задавала мне много вопросов.

Условия там были ужасными. Мой матрас был влажным. Все было цементным. Я даже не могла опустить ноги на пол с постели, настолько холодным был пол. Но я все равно радовалась, благодаря Господа за все эти трудности. Я раздумывала над тем, как трудно было Христу страдать за наши грехи ради нашего спасения. Мои страдания по сравнению с Его были легкими.

Дважды в той тюрьме меня закрывали в штрафной изолятор, в первый раз больше, чем на полдня. Каждую заключенную из моей камеры забирали туда, потому что некоторые из них создавали проблемы. Во второй раз я попала туда тоже за проступки других. Охранники знали, что я была невиновной, и даже сказали: «Мы знаем, что вы ничего не сделали». Но все равно они отправили меня в штрафной изолятор. Пребывая в нем, я думала о моих дорогих друзьях, которым приходилось проводить здесь от пятнадцати до тридцати дней. Какое ужасное место! Камера не отапливается. Цементные стены грубые с шипами, чтобы нельзя было к ним прислониться. Сидеть можно лишь на холодном, влажном, цементном полу. Я смотрела на все это очень осторожно и все время молилась, думая, что, возможно, как раз сейчас кто-то из моих друзей тоже находится в штрафном изоляторе, и просила Господа укрепить этого человека.

Только Господь может защитить наших друзей и удержать их от роптания. В трудных обстоятельствах только сердце, полностью преданное Богу, может воздержаться от жалоб. Когда неверующие

люди попадают в тюрьму, они исполнены отчаяния и сквернословия. Но слава Господу за то, что Он дает Своим людям достаточно силы, чтобы вынести все эти тяжести.

Мое сердце было таким, что я прощала всех быстро и всегда пыталась не впускать в свое сердце неприязнь к кому бы то ни было. Я за них всех молилась.

Следователь задавал мне много вопросов, начиная с местонахождения Геннадия Крючкова. Он уже знал все о нашем братстве и говорил о Георгии Винсе. В день моего ареста я сказала следователю, что буду молиться за него и его семью, чтобы они узнали источник радости в Господе. Он ответил: «Хорошо, молитесь».

Следующий год был самым счастливым временем в моей жизни. Каждый день я благодарила Бога за то, что Он послал меня сюда, чтобы свидетельствовать. У меня было много возможностей поговорить с заключенными и охранниками. Многие заключенные, видя мою веру, говорили: «Действительно, Бог пребывает с ней». Иногда они даже обговаривали меня и мою веру. Однажды я слышала, как одна заключенная говорила другой: «Видишь, как Христос ей помогает. Видишь, какая она счастливая, как все это для нее легко. Видишь, как Христос работает в ее сердце». Я благодарила Господа, ведь Он действительно работал в моем сердце. Я никогда не беспокоилась о том, какие вопросы они мне будут задавать. У меня было только одно желание: нести свидетельство о Господе и о Божьих людях. Многие в нашей стране знают о верующих только из клеветнических кампаний в газетах и радио. Но во время наших разговоров администрация признавала правду. Одни верили сразу же, а другие – со временем.

Одна школьная учительница в тюрьме была высокого о себе мнения. Когда она узнала, что я нахожусь в тюрьме за мою веру в Бога, она попыталась убедить меня изменить мои убеждения.

– Зачем вам все это терпеть? – спрашивала она. – Нет никакого Бога. Вы страдаете тут ни за что.

Но, побыв со мной в камере какое-то время, она изменила свое мнение. Она стала говорить:

– Христос действительно помогает тете Зине. Видите, какой сильный Христос! Она бы не смогла выжить здесь, если бы не Христос.

Одну наркозависимую женщину подослали ко мне в камеру, чтобы «разговорить» меня, чтобы выудить из меня информацию. Но позднее она раскаялась.

– Простите меня за то зло, которое я вам причинила, – сказала она, обняв меня.

Я простила ее и сказала:

– Пусть Господь простит тебя.

– Если я выйду отсюда, то больше не буду этим заниматься.

Я сказала ей искать Божьих людей, и она пообещала, что постарается попасть на богослужение.

Потом была возможность свидетельствовать в суде. Когда я ездила туда и обратно в фургоне, у меня было много разговоров с молодыми солдатами, конвоирующими меня.

– Мы никогда не встречали людей, которые бы так, как вы верили в Бога, – говорили они, – несомненно, ваш Бог – удивительный Бог. Он действительно вам помогает.

Один молодой солдат задавал очень серьезные вопросы. Я сказала ему, что мы верим в живого Бога, Который может воскресить мертвого, Который помогает нам и всегда пребывает с нами. В первый день он был озадачен, но в последующие дни он постоянно задавал мне вопросы. Перед судом он стоял возле меня, продолжая спрашивать.

Эти люди обращали на меня особое внимание, потому что я была очень больной перед судом и во время суда. Один сказал мне:

– Вы очень больная и в то же время очень радостная. Несомненно, именно ваш Бог поддерживает вас.

Во время перерыва в судебном заседании ко мне приходили поговорить другие адвокаты. Хотя я просила не назначать мне адвоката, суд вынудил меня на это, и слухи об этом дошли и до других.

– Вы отказывались от наших услуг, но теперь так много рассказали нам о Боге, – сказали они, – мы рады, что встретили вас и узнали так много от вас о Боге.

Я тоже была счастлива, что встретила этих людей и молилась о них.

После суда судебные служащие тоже пришли поговорить. Господь дал мне много мудрости, и теперь мне трудно даже рассказать, что я переживала в то время радости и трудности. Господь свидетельствовал через меня, и эти люди удивлялись ответам на свои вопросы.

Во время этапирования в лагерь я свидетельствовала в пересыльных тюрьмах. В тюрьме в Воронеже я встретила женщину, которая отправлялась в ссылку в Хабаровск и уже достаточно настрадалась. После того, как мы подружились и молились вместе, она приняла весть о Христе в свое сердце. Она радовалась, благодарила Бога, а потом поблагодарила меня.

– Не благодарите меня, – сказала я, – Господь привел меня сюда, чтобы я могла свидетельствовать вам. Если бы меня не было тут, кто бы вам рассказал?

– Да, точно. Я попала сюда, чтобы встретить вас, – согласилась она.

Господь дал особое благословение, когда меня посадили на регулярный пассажирский поезд. Осознавая, что христиане – особенные люди, охранники перевели меня в отдельный вагон, чтобы я не находилась возле пассажиров. После этого у нас завязалась хорошая беседа с охранниками.

Когда я прибыла в лагерь, начальство вызвало и предупредило меня, чтобы я перестала говорить о Боге.

– Я христианка, – ответила я, – я не могу молчать. По этой причине Бог прислал меня сюда: рассказать людям об Иисусе Христе.

Невзирая на возражения начальства, Господь дал мне силу свидетельствовать им.

Начальница моей бригады оказалась жестокой женщиной. Она разговаривала с заключенными только с кулаками и криками. Все в лагере ее боялись. С самого начала она вызвала меня и предупредила, что меня накажут, если я кому-нибудь буду рассказывать о Боге.

– Я запрещаю вам. И вы не будете писать письма, содержащие стихи из Библии, – сказала она, прибавив, что ей поручили мое перевоспитание.

Казалось, что дела мои тут будут плохи. Но со временем Господь смягчил ее сердце по отношению ко мне. Дважды я видела у нее на глазах слезы, а однажды она даже плакала.

Сначала наши беседы происходили часто. Я слушала все спокойно, улыбалась и говорила: «Хорошо». Она рьяно пыталась настроить меня против Бога. Потом, когда она оказалась бессильной против моего свидетельства, она привела капитана, чтобы поговорить со мной. Этот человек был знаком с верующими. Он задавал мне вопросы о Союзе церквей евангельских христиан-баптистов и сказал, что чиновник, отвечающий за религиозные культы, просвещал его в этих вопросах.

Начальство также встречалось с этим чиновником и интересовалось Союзом церквей. Я была благодарна Господу, что произошла эта встреча, потому что после нее администрация лагеря стала лучше ко мне относиться. После того, как чиновника, отвечающего за религиозные вопросы, заверили, что я действительно из Союза церквей, он рассказал начальству, почему мы не придерживаемся Законодательства о религиозных культах 1929 года. И они фактически поняли, что неправильно пытаться удовлетворить одновременно и Бога, и человека. Они со мной согласились!

После моего разговора с капитаном лидер моей бригады стала даже больше мной довольна. Наши беседы стали более мягкими, но на какое-то время она огорчалась, когда я что-нибудь говорила о Боге. Она кричала:

– Я запрещаю вам! Не говорите этого. Вы никогда Его не видели – Бога нет.

– Вы можете на меня сердиться, если хотите, – ответила я, – но я ничего не могу сделать без Господа. Я всегда с Ним разговариваю.

Со временем бальзамом для ее сердца стало, когда я цитировала Слово Божье. Когда я говорила с ней о Боге, она отвечала:

– Пускай Господь вознаградит вас.

Я еще не попала в лагерь, как начала получать почту. Первое письмо я получила от нашей молодежной группы в Бресте, а потом стали писать отдельные семьи. Конечно, они первые узнали мой адрес; потом его тоже узнали друзья из других городов. Вскоре большой поток писем стал прибывать ко мне в лагерь. Я получала письма из Украины – из Ровно, Здолбунова, Киверцов, Ковеля. Невозможно перечислить все места, откуда прибывала почта – даже из таких отдаленных мест, как Якутия.

Письма были большим свидетельством о Господе и Его любви. Представители администрации давали мне целые кипы писем и говорили: «Мы уже их проверили». Они полностью изменили свои взгляды на верующих и на Господа. Они стали менее жесткими и более толерантными.

Я получала много писем от детей, и они были мне особенно дорогими. Я помню некоторых детей из Ленинграда, которые присылали поздравительные открытки ко Дню рождения, а также на праздники. Я старалась всем им ответить. Мне писали также дети из Валги. Начальство вызывало меня и спрашивало:

– Кто эти дети?

– О, у меня много детей. Это Божьи дети.

– Но эти дети пишут вам.

– Конечно, – сказала я, – это ради них я здесь. Одним из обвинений против меня было нарушение законодательства, которое запрещает нам воспитывать детей, как христиан. Поэтому меня заключили в тюрьму, поэтому мои дети пишут мне.

Таким образом, мне писали дети и пожилые женщины, некоторые из них с трудом могли писать, а я старалась всем им ответить и ободрить. Было очень трогательно, когда дети присылали рисунки. Они присылали нарисованные цветы и писали: «Эти цветы для вас». На Пасху они рисовали кресты, восход солнца или картины воскресения. Надзиратель вызвал меня, посмотрел на открытки и сказал: «Как мило! Как хорошо эти дети постарались». Так что я получала прекрасное ободрение от детей.

Потом очень много писем стало приходить из-за границы. Меня дважды вызывали и в моем присутствии работники лагеря открывали письма и читали их. Сначала они были очень строгими по отношению к заграничным письмам, заявляя: «Вы говорили, что у вас нет связей с людьми за границей, но посмотрите. Нас засыпают заграничными письмами».

Я говорила им, что христиане объединены любовью Иисуса Христа. «Везде – в каждом уголке земли – у нас есть друзья, наши родственники через кровь Иисуса Христа».

Прежде чем они открыли письма, я сказала: «Если эти письма написаны детьми Божьими, то я могу с уверенностью вам сказать, что они будут выражать только любовь и сострадание к гибнущим грешникам».

Администрация осознала истинность моих слов. Когда они их открывали, то перечитывали открытки, где было написано приблизительно следующее: «Уважаемый начальник лагеря, я искренне вас прошу передать эту открытку моей сестре во Христе, Зинаиде Вильчинской». Дальше в этой открытке говорится: «Мы молимся за вас. Каждый день, когда наша семья собирается за столом, мы вспоминаем вас. Мы просим Господа, чтобы Он вас укрепил и послал вам все необходимое на каждый день. Мы молимся, чтобы администрация лагеря была доброй по отношению к вам».

Один из сотрудников лагеря прочитал мне эти слова. «Действительно, любовь среди вас очень большая, – прокомментировал он, – никто больше не может так поступать. Никакие другие люди не имеют такой дружбы, которая есть между вами». Администрация была очень удивлена. Когда они вызвали меня во второй раз, они открывали письма быстрее, читали их лично и давали мне прочесть те, которые написаны на русском.

Молитвы и открытки из-за границы являются большой поддержкой Божьим людям, бальзамом для души. Я брала в руки каждую открытку и письмо с трепетом. Сначала я молилась и благодарила Господа за любовь и доброжелательность моих дорогих друзей, которые мне написали. Потом, во время чтения, мое сердце радовалось и ободрялось. Я получала новую силу. Очень ценными для меня были

стихи из Писания, потому что в этом лагере мы были лишены всего, нам запрещали даже говорить о Боге – и тут я получала прекрасные стихи из Книги Жизни.

Потом я получила посылку из Дании. Об этом узнал весь лагерь. Администрация вызвала меня, сказав, что они не могут выдать ее мне. Я ответила:

– Делайте, что хотите, но эти люди прислали эту посылку мне.

Они знали, что не имеют права отправлять ее назад, не указав причину возврата. Тогда мне сказали:

– Мы пошлем ее вашему мужу.

– Хорошо, если мне не разрешается получить ее, пошлите эту посылку моему мужу, – согласилась я.

Но вместо этого они оставили ее у себя и вручили мне в день моего освобождения.

Вскоре я узнала, что в лагере запрещен даже пост. Не прийти в столовую – значит нарушить режим. Хочешь ты или нет, но нужно идти. В первый раз, когда я постилась, я сказала охраннику:

– Я пощусь, я не пойду.

Когда он предупредил меня, что я обязана идти, я ответила:

– Хорошо, я пойду. Я просто посижу.

– Делайте, что хотите, но вам нужно быть там.

Все удивились, что я не ела. Они спрашивали:

– Как вы можете это делать?

– Я пребываю в общении с Господом, – сказала я, – это особенный день молитвы.

Охранник, который предупреждал меня, что я должна пойти в столовую, попросил:

– Пожалуйста, помолитесь и обо мне.

Многие другие задавали мне вопросы и просили о молитве. В такие дни действительно чувствуешь, что Божьи люди поддерживают тебя в молитве.

Наконец-то, после длительной восьмимесячной разлуки, администрация разрешила двухдневный визит моих родственников. Когда охранники привели их на обыск, мой маленький внук увидел меня в коридоре. Он улыбнулся и побежал, чтобы обнять меня, но охранник удержал его. Они поместили меня в одну комнату, а мою семью в другую. Но этот трехлетний малыш вышел из своей комнаты, увидел, куда меня завели, и со слезами на глазах взял конфетку, открыл дверь и сказал: «Бабушка!» Он попытался дать мне конфету.

Женщина-охранник схватила его за руку: «Кто тебя сюда пустил? Это запрещено».

Я поцеловала его и сказала возвращаться к остальным, а он незаметно протянул мне конфету. Женщина чувствовала себя неловко, поэтому сказала: «Ну, возьмите конфету». Она взяла его за руку и вывела со слезами на глазах. После того, как всех обыскали, мне разрешили войти к ним в комнату.

Наша встреча была очень трогательной. Я была больной: болели почки, я не могла спать по ночам, и я не могла поднять руки или переодеться без посторонней помощи. Моя семья сказала, что я очень изменилась. Прежде всего, мы помолились, поблагодарив Господа за такую прекрасную встречу, которую Он нам подарил здесь на земле.

Моя семья передала мне привет от всех наших дорогих друзей, которые молились и поддерживали нас. Меня это ободрило, и я была благодарна Богу. Конечно, после того, как мои родственники ушли, они не стали молчать о моем физическом состоянии. Они сказали нашим друзьям, и люди стали писать ходатайства обо мне. Когда первые телеграммы пришли в лагерь, начальство вызвало меня и сказало: «Сообщите им, что мы перевели вас на другую работу, чтобы они перестали писать и донимать нас».

Я могу поделиться своим собственным опытом, насколько ходатайства друзей-христиан помогли мне, когда я была в отчаянном положении в тюремном лагере. Некоторые христиане сегодня говорят,

что неправильно писать прошения и ходатайства органам государственной власти, а что нужно обращаться только к Господу. Но Господь действует на этой земле через людей. Посмотрите на Есфирь и Мардохея, что они сделали во время смертельной опасности, которая нависла над Божьим народом. Господь использовал их, чтобы ходатайствовать перед царем о евреях, которые были обречены, и Он щедро благословил их старания. Бог хочет, чтобы мы сегодня делали то же. Он не хочет, чтобы мы молчали, но чтобы через наши молитвы и прошения мы помогали узникам, обреченным на уничтожение врагами церкви.

Я могу засвидетельствовать это даже маленькими эпизодами из моей жизни. Например, когда я работала в снегу в башмаках, я никогда не могла их высушить и поэтому всегда болела. Моя семья привезла мне хорошие сапоги, но начальство не разрешало мне их получить. Но когда христиане стали ходатайствовать об этом, то администрация дала разрешение. Когда пришла посылка с сапогами, они бегали по лагерю и искали меня: «Вам пришла посылка, пожалуйста, придите и заберите ее».

Позже, если я сушила свои новые сапоги, надсмотрщики спрашивали:

– Почему вы не в сапогах?

– Я их сушу.

– Носите их. Только скажите своим друзьям, чтобы они больше не писали.

Администрация шла на различные уступки. Когда меня перевели в столярный отдел, меня спрашивали: «Не слишком ли тяжела для вас здесь работа? Вы довольны своей работой? Ваши друзья все время пишут». У других заключенных случались обмороки, но никто на них не обращал внимания, но Господь через Своих людей так расположил сердца начальства, что они даже спрашивали: «Не слишком ли вам здесь тяжело? Нужно ли вас перевести на другую работу?» Слава Богу за Его милость и за чудесные молитвы и ходатайства Его людей.

Господь также проявлял Свою милость ко мне и по-другому. Например, в бараках невозможно молиться. От рассвета до сумерек

бараки полны людей, шума и непристойных слов. В течение дня барак практически не бывает пустым. Но Господь дал мне место на работе, где бы я могла с Ним пребывать, «гора Фавор», как я его называла. Я приходила на работу в семь, а все остальные приходили не раньше восьми. Я склонялась на колени, изливала свое сердце перед Господом и находила удивительную помощь. Я также могла там читать. Я брала на работу с собой свои письма, потому что в бараках не было возможности. Надсмотрщики часто проводят обыски и забирают письма. Разрешено хранить несколько писем, но если их накапливается больше, то заставляют их уничтожить. Поэтому я хранила свои письма при себе на работе, часто их перечитывая. Мои друзья переписывали для меня песни, и я пела. Каждое утро я пыталась проводить время на «горе Фавор», подкрепляя свою душу перед тем, как продолжить мой земной, физический труд.

Во дворе лагеря я старалась быть в постоянном общении с Господом, и моя душа испытывала такое наслаждение, что, держа в руках метлу, я почти не замечала заключенных вокруг меня. Я подметала и пела. Другие женщины удивлялись. «Почему вы все время поете? Чему вы так радуетесь?» – спрашивали они.

Вскоре они узнали, что я верующая и что эта бабушка-христианка поет для Бога и о Боге. Моим любимым гимном был «Ты знаешь путь, хоть я его не знаю». Я не помнила всех слов песни, но я повторяла ее снова и снова, едва проснувшись и до позднего вечера. Эта песня объясняет, почему в моем сердце всегда пребывает мир – Господь знает мой путь.

Когда я возвращалась в барак после работы, Господь дарил мне такую силу, что я была защищена от всего, что меня окружало. Я никогда даже не чувствовала грязных слов. Иногда я просыпалась и задавалась вопросом: «Я еще здесь, или уже было восхищение, и меня забрали с земли?» Но позже, оглянувшись и увидев вокруг всех заключенных, я понимала, что я все еще в лагере. В моем бараке и в моей бригаде было много старших женщин, а некоторые были довольно преклонного возраста. У нас были инвалиды и пенсионеры. Старые женщины в основном были убийцами, которых мучил грех. Многих бросили. Никто им не писал. Заключенные и начальство их презирали. Они были на всех обозлены, но я просила Господа дать мне

возможность достучаться до этих загрубелых душ с каменными сердцами.

Одна пожилая женщина, которая работала возле меня и была приговорена к семи годам, не знала ничего, кроме брани и грубости. Сначала я свидетельствовала ей добротой. Я старалась быть мягкой и говорить добрые слова. Это тронуло ее сердце.

– Вы – живая душа, – сказала я ей, – вы должны помолиться и попросить Бога простить вас.

– Как я могу молиться, если совершила такое ужасное преступление? Бог больше меня не слышит. Я Богу не нужна. Я никому не нужна.

– Господь сказал вору на кресте: «Сегодня будешь со Мною в раю», и если вы также примите Его, Он примет вас.

Она приняла все это так эмоционально, что я сказала ей:

– Помолитесь.

– Но как мне молиться? – спросила она.

– Просто, как ребенок говорит с отцом, так вы должны попросить о прощении.

Я увидела, как она пошла в угол дворика, перекрестилась и помолилась. Я подошла к ней, поговорила с ней, и с тех пор она со мной сблизилась.

Другим женщинам на работе было любопытно узнать, почему я оказалась в лагере. Их благосклонность ко мне была очевидной, когда сотрудник лагеря проходил и насмехался надо мной из-за того, что я верующая. «Вы не знаете, что говорите. Прекратите!» – мои коллеги стали защищать меня. После этого он относился ко мне с уважением. Таким образом, Господь давал мне возможности свидетельствовать моим коллегам.

Праздники давали мне особый шанс делиться своей верой. В Рождественское утро я поднялась и с радостной улыбкой поздравила с праздником мою самую близкую соседку, а потом другую. У них появились на лицах застенчивые улыбки, а потом они вспомнили:

– О, точно. Сегодня Рождество.

– Но *что* такое Рождество? – спросила я у заключенных. – Знаете ли вы, что это означает?

Некоторые знали, но большинство – нет. Кто-то отвечал:

– Да, это когда Бог родился, – и высказывали свои версии об этом.

Другие спрашивали:

– Где и как Он родился? Зачем Иисус Христос пришел на землю?

Весь день был занят такими разговорами.

На следующий день я поздравила своих сотрудников. Они задавали мне различные вопросы о Рождестве. «Как вы празднуете?» – спросила меня старая женщина. Я объясняла, как Божьи люди празднуют этот особенный день, но основным желанием моего сердца было рассказать о рождении Христа, о Его чудесном приходе в этот мир.

Потом в апреле пришла Пасха. В то время я находилась в лазарете, но ранним Пасхальным утром я поприветствовала свою соседку традиционными словами:

– Христос воскрес!

– Воистину воскрес! – ответила она.

Потом пришла медсестра и пожелала доброго утра.

– Христос воскрес! – сказала я, улыбаясь.

Она также радостно ответила. Я была благодарна Богу, радуясь, что даже едва живые люди все же видят истину и отвечают на это чудесное приветствие.

В тот день несколько заключенных из моей бригады приходили проведать меня. Сначала пришли две женщины. Одна была очень близка к Господу. Мы с ней много беседовали, и она прочла много адресованных мне писем. Потом пришла очень жестокая женщина, которая работала возле меня на работе. Я никогда и не подумала бы, что она придет меня навестить. Позднее пришли три молодые девушки, и к моему удивлению, они улыбнулись и сказали: «Христос воскрес!» Я много с ними говорила о Господе. Они были очень

заинтересованы. Потом приходили и другие, так что Господь утешал меня даже через заключенных. Никто из других бригад не имел посетителей, но ко мне приходило много людей, чтобы навестить меня в день Воскресения нашего Господа Иисуса Христа. И наиболее радостным было то, что они приходили и приветствовали меня словами: «Христос воскрес!»

На следующий день пришел главный врач. Увидев его, я крикнула: «Христос воскрес!» Он взглянул на меня и сказал: «Вильчинская, «Воистину воскрес!» Я была очень довольна. Во время праздников я не встретила никого из медперсонала или заключенных, кто бы не ответил на мое приветствие. Некоторые не знали, как ответить, и просто повторяли те же слова «Христос воскрес!», и тогда я говорила: «Воистину воскрес!»

Я получила много пасхальных поздравительных открыток и давала их почитать другим женщинам в моей палате. Хорошее свидетельство! Они восхищались, читая, и передавали другим.

Одна женщина в лазарете прочитала все мои письма и открытки и пришла к Господу. После того, как нас выписали, мы старались хоть как-то поддерживать общение, хотя общаться с заключенными из других бригад было строго запрещено. Через забор или в коридоре мы пытались сказать друг другу слова ободрения. Она задавала много вопросов о Господе и Его любви. Эта душа осталась близкой к Господу, и я была очень счастлива, что встретила ее.

Через Своих людей Господь совершил чудо моего освобождения. В начале марта пришел прокурор, вызвал меня в кабинет и сказал, что у меня есть возможность вернуться домой.

– Просто напишите, что вы больше не будете задействованы в уголовных делах, – сказал он.

– Я не совершала никаких преступлений и не могу написать, что совершала.

– Вы можете верить во все, что хотите, просто напишите заявление, – продолжали меня уговаривать сотрудники лагеря. Один из них даже намекнул:

– Да, вы можете верить и продолжать свою работу – только напишите.

– Нет, я не могу лицемерить. Если я буду продолжать мою работу, это означает, что я не могу написать такое заявление, – настаивала я.

Они пытались убедить меня, что есть много людей, которые верят в Бога и соглашаются с ними.

– Возможно, – согласилась я, – даже демоны веруют и трепещут перед Богом, но посмотрите, что они делают. И есть много людей, которые верят в Бога, но не являются верными Ему. Но Господь не хочет только нашей мертвой веры; он хочет преданности. Я хочу быть верной Ему до конца.

Я обратилась к прокурору:

– Вы опоздали. Я когда-то пообещала Господу служить Ему с чистой совестью, и я до своей смерти не могу предать Его. Я ничего не буду писать.

– Значит, вы не хотите возвратиться домой. Вы можете продолжать расчищать снег, – грубо сказал он.

Я встала, спросила разрешения уйти и пожелала, чтобы Господь дал ему силу увидеть Его красоту и узнать истину, а потом ушла.

После этого визита прокурора я стала известной и среди заключенных, и среди начальства. У меня была возможность разговаривать со многими о Господе и объяснять, почему я не приняла помилование. Начальники всех бригад подходили ко мне, спрашивая: «Почему вы не хотите вернуться домой? Какой ваш мотив оставаться здесь?»

Меня даже вызывал очень важный человек в лагере – начальник оперативного отдела.

– Почему вы не хотите вернуться домой? Глупо было с вашей стороны отказаться от помилования от нашего правительства. Это уступка для вас, и вы можете уйти. Еще не поздно написать заявление.

Я объяснила ему, почему не приняла помилование. Он внимательно слушал, и у нас получился хороший разговор. В конце он сказал мне:

– Вы правильно сделали, что продолжаете в том же духе. Вас освободят в этом году, потому что будет большая амнистия. Вы будете освобождены из-за вашего возраста.

Я объясняю этот разговор силой Господа, потому что Господь больше, чем кто-либо, может ободрить и укрепить нашу силу. Устами этого человека Господь сказал мне: «Не беспокойся. Имей терпение. Еще немного, и ты отправишься домой. Хотя тебе и трудно, будь сильной».

Я поблагодарила этого мужчину и ушла. Потом я поблагодарила Господа за эти слова. Не потому, что я буду дома, а потому что эти люди, правители этого мира, увидели силу и истину Божью. И они ободрили меня. Слава Господу.

Меня вызывали еще два раза в связи с помилованием. Последнее предложение поступило всего за две недели до амнистии. Сотрудники лагеря вызвали меня, чтобы прочитать мне письма от друзей из других стран, говоря:

– Видите, как они ходатайствуют о вас? Но мы не можем вас отпустить. Мы бы с радостью вас отпустили, но мы не можем. Напишите заявление, и вы можете быть свободны.

Таким образом, у меня появилась возможность рассказать начальнику о Божьей истине. Он полностью со мной согласился.

– Вы правы, – сказал он, – но это значит, что нам придется удерживать вас здесь до конца.

Моя бригадирша также пыталась подготовить меня к досрочному освобождению, если я выполню некоторые условия, но я сказала ей, что все ее усилия тщетны.

– Мне бы пришлось признать себя виновной и раскаяться, – сказала я, – но я не совершала никакого преступления, не могу признать себя виновной и не могу покаяться, поэтому, пожалуйста, не делайте этого.

Тогда она предложила мне все объяснить.

– Если вы хотите сказать, что, возможно, я изменю свои взгляды, – продолжала я, – то я не хочу, чтобы вы это говорили. Я не хочу

никакой неправды в своей жизни ни через мои уста, ни через уста других.

Начальство лагеря даже не потрудилось вновь вызывать меня на заседание комиссии – они знали, что это бесполезно.

Позднее, перед амнистией, я должна была после работы пойти в кабинет бригадирши. Я была очень уставшей и, сидя в коридоре возле двери, я пребывала в таком общении с Богом, что не замечала ничего, что происходит вокруг. Я сидела, когда вдруг в коридор вошла бригадирша. Согласно строгим правилам нашего лагеря, когда она подходит, заключенные должны вставать. Если ты не встанешь – это нарушение режима, но я продолжала сидеть, потому что я не заметила ее.

Бригадирша открыла дверь в кабинет, я быстро встала, сказав:

– Извините, я пребывала в глубоком раздумье и не заметила вас.

– Ничего, не беспокойтесь. Проходите, – улыбнулась она.

– Скоро будет амнистия, – сказала она, – вы сможете уйти. Как ваше здоровье? Как там работа?

Она внимательно прочла много моих писем, и я верю, что через них Господь много сказал душе этой жестокой женщины. Она всегда спрашивала меня о письмах и стихотворениях. Она интересовалась очень искренне и под конец даже радовалась, что многие мои друзья вернулись домой из тюремных лагерей.

– Вот ваши друзья пишут, что некоторых освободили. Возможно, скоро и вы освободитесь.

– Вы очень добры ко мне, – сказала я, – Бог вас не оставит. У меня в сердце одно желание: чтобы вы узнали радость в Нем.

– Я вижу, что у вас есть радость, и вы необычайная женщина. Вы произвели на меня большое впечатление, – она плакала, опустив голову. – О, Вильчинская, вы коснулись моего сердца – я не могу говорить…

Она вытирала свои слезы и не могла себя контролировать.

– Я желаю вам только добра, – сказала я, – поймите, что у меня нет никакой враждебности по отношению к вам или вашей семье. Я действительно хочу, чтобы вы получили радость спасения.

Я увидела, что она была огорчена. Я поднялась, постояла немного и сказала:

– Я могу идти?

– Идите, – она украдкой вытерла свои слезы, но эта картина осталась в моей памяти.

После того случая я еще больше за нее молилась, прося Господа открыть ей глаза. Позднее, когда эта женщина услышала о том, что меня скоро освободят, она радовалась. Подойдя ко мне на работе, она воскликнула:

– Вы отправляетесь домой!

– Да, – сказала я, – я еду домой, а вы остаетесь здесь, и, возможно, мы больше никогда не встретимся на земле.

– Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется. Мы можем еще когда-нибудь встретиться.

– Если вы захотите встретиться с верующими, то даже здесь, в Гомеле, они есть, – я пожелала ей радости и мира от Господа. Она заплакала.

Мое освобождение произошло внезапно. Комендант лагеря пришел в караульное помещение и сказал мне:

– Мы очень рады, что встретились с вами, и у нас было так много разговоров. Мы очень рады вашему освобождению. Возможно, вы бы могли уйти раньше, с первой амнистией, но Москва освободила вас сейчас.

Я спросила его, на каких основаниях меня освобождают.

– По приказу из Москвы, – ответил он, – из Верховного Совета.

– Но я не просила о помиловании.

– Ваши верующие писали прошения о вас и из-за всех их просьб, обращенных к Верховному Совету, вас освобождают, – комендант сказал, что надеется, что я никогда больше здесь не окажусь.

– Вы знаете, что я здесь не за совершенное преступление. Вы знаете, что это из-за Божьей работы, – напомнила я ему.

– Просто не возвращайтесь.

Я со всеми попрощалась во время утреннего обыска и пожелала им наилучших Божьих благословений, и чтобы они узнали Господа. Я знала, что я возвращаюсь домой и мне нечего бояться. Все они плакали. Одна женщина упала мне на шею со словами: «Что я буду без вас делать?»

У Зинаиды Вильчинской было много возможностей поделиться своим тюремным опытом на церковных собраниях.

Христиане в СССР выражают свою любовь цветами. Христиане на Западе выражают свою любовь письмами. Чета Вильчинских наслаждается и тем, и другим, радуясь воссоединению дома.

Я также увидела женщину, которая пришла ко Христу в лазарете. Она была по ту сторону забора, проходя мимо конторы. Я помахала и сказала:

– Я еду домой.

Она подбежала к забору.

– Вы возвращаетесь домой? А как же я? Что же я буду делать без вас?

– Вы еще останетесь здесь на какое-то время, – сказала я тихо, – пусть Господь поможет вам покинуть это место.

Она начала плакать. Мы помахали друг другу и расстались.

Администрация проводила меня очень доброжелательно. Комендант посмотрел на меня и сказал:

– Вильчинская, вы такая уважаемая женщина, но вы так плохо одеты. Вам нужно переодеться, но мы видим, что у вас в шкафчике нет запасной одежды.

– Да.

– Но вам нужно переодеться.

– Я нормально выгляжу, – заверила я его.

– Кто-нибудь будет вас встречать?

– Никто, потому что никто не знает.

– А если бы знали, то встречали?

– Безусловно, они бы приехали прямо сюда.

– Хорошо, а дома они вас встретят?

– Если они узнают, тогда встретят. Но если нет, тогда не встретят.

– Знаете ли вы кого-нибудь в Гомеле? – настаивал комендант.

– Да, у меня есть здесь несколько братьев и сестер во Христе.

– Хорошо, ваша бригадирша заведет вас в магазин. Мы выделим для вас некоторую помощь, и она купит вам платье, чтобы вы смогли переодеться.

Я поблагодарила его за его заботу и за желание помочь, но сказала, что мне действительно ничего не надо, и что я сама могу пойти в магазин и купить одежду.

– У меня есть немного денег, которые мне прислала семья, поэтому, если мне нужно сменить одежду, я это сделаю.

– Нет, она пойдет с вами, покажет, где магазин, и поможет вам. Подождите ее.

В караульном помещении они оттягивали мое освобождение своими разговорами. Но когда они увидели, что уже пришло время меня освободить, они больше не могли удерживать меня. Комендант сказал, что я свободна, но попросил:

– Вильчинская, я очень вас прошу, пожалуйста, еще не идите. Подождите вашу бригадиршу. Она сейчас придет.

– Если вы так искренне меня просите, – ответила я, – я подожду.

Вообще-то, я все равно хотела ее еще раз увидеть.

Я вышла из ворот, подняла глаза и поблагодарила Господа. Стоя там, я с трудом могла поверить, что нахожусь за стенами лагеря. Мое сердце разрывалось. Я мысленно возвращалась к плачущим старым женщинам, которых я видела минуту назад во время нашего прощания. Они плакали и обнимали меня, особенно та старая женщина, которая совершила убийство. Она упала мне на шею, рыдая, и это разбило мне сердце. Только в момент моего освобождения я осознала, насколько она была ко мне привязана. Мое сердце было переполнено, и я помолилась: «Господь, возможно, ради этой души я могла бы остаться здесь немного дольше...»

Когда я стояла там, размышляя, я почувствовала, что не сделала всего, что могла, что, возможно, мне следует остаться в лагере и рассказывать работникам и заключенным о Божьей любви. Я молилась: «Если на то Твоя воля, открой ворота, и я вернусь, чтобы

больше им рассказать». Но я верю и знаю, что без воли Божьей ни один волос не упадет с головы, поэтому и мое освобождение не противоречило Его воле.

Я увидела, что ко мне идет моя бригадирша. Когда мы пошли вместе, я обернулась.

– Почему вы оборачиваетесь? – спросила она.

– Мне очень жаль тех людей.

– Конечно, ведь у вас такое сердце. Вы заботитесь обо всех. Но они такие, что их не стоит выпускать никогда.

Вместе с этим замечанием Господь дал мне еще один шанс рассказать о Нем.

– Именно ради таких людей Господь пришел на землю. Не праведным нужно покаяние, а таким забытым, никому ненужным грешникам. Он пришел спасти их души. Он пролил Свою кровь, чтобы спасти грешников.

Она тихо слушала.

Скоро мы подошли к магазину. Бригадирша была в военной форме, а я – в истрепанном тюремном платье. Я выбрала платье и примеряла его. Оплатив его, бригадирша пожала мне руку.

– Я очень рада, что встретила вас. Вы оставили добрый след в моем сердце. Я вас не забуду.

И так мы расстались.

Я шла улицами Гомеля, смотрела на все продающиеся товары и купила себе пирожок с мясом. Однако, вспоминая тех бедных женщин в лагере, я не могла даже его есть. Не могла, хотя я съела всего лишь немного хлеба в то утро. Господь опять мне показал, что, если Он посылает нас в узы, мы должны идти радостно, чтобы свидетельствовать о Христе.

После того, как я получила билет на поезд, я позвонила домой. Мои дети уже узнали о моем освобождении. Я также узнала, что моя дочь Галина должна была быть здесь уже вечером. Администрация лагеря разрешила мне свидание с моей семьей восемнадцатого и

девятнадцатого, поэтому она была уже в пути. Я очень обрадовалась, поговорив с ними по телефону.

Тем временем мое сердце стремилось к Божьим людям. Я хотела найти христианина и вылить мою благодарность Богу. Из писем, которые я получала, у меня было два адреса верующих в Гомеле. Я нашла дом одной женщины, но она меня не узнала. «Раньше вы были полнее», – сказала она. Мы помолились вместе, и я пошла по другому адресу. У нас было прекрасное время общения – так много слез, такая радость, такое утешение.

Эти друзья проводили меня на железнодорожную станцию. Позже друзья в Кобрине встретили меня на пути в Брест. Моя семья в Бресте сообщила им, что я буду проезжать мимо, поэтому они пришли, чтобы меня увидеть. Они стали искать по всем вагонам, а я думала, увижу ли я кого-нибудь, кого я знаю. И вдруг появились они! Какой же большой была радость в том поезде. Мы молились, плакали и разговаривали.

Мы приехали в Брест, где нас встретили другие друзья, но также и враги – представители власти. Никто из наших друзей не знал, в каком я была вагоне, но одна сестра услышала разговор двух агентов КГБ, которые проходили мимо и упоминали, что Вильчинская будет в двенадцатом вагоне. Поэтому все христиане знали, где меня встречать. Наша встреча была очень сердечной. Пришло почти тридцать человек – мои дети, внуки и друзья, молодые и старые. Они заняли весь тамбур. Все были исполнены большой радостью.

Когда мы прибыли домой, там меня ожидало еще больше друзей и соседей. Некоторые соседи даже плакали, а один принес цветы. Мы молились и пели на улице. Тогда подъехала милиция, наблюдая за нами из машин. Но никто не пытался нас остановить. Потом мы вошли в дом, и друзья долго у нас гостили. Позднее, когда остались только мой муж, дети и внуки, дети принесли мне шкатулку обетований, чтобы я достала из нее библейский стих. Мне выпал стих Притчи 31:8-9: «Открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот. Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и нищего».

Я всегда чувствовала большое сострадание ко всем обездоленным, и когда меня избрали на это служение, я нашла свое призвание. Я не сомневалась, что это сделал Господь, и мое сердце было благодарным

Господу за это служение. Но даже перед моим арестом некоторые люди, включая родственников, советовали: «Ты должна сделать перерыв и прекратить эту работу. Другие могут заниматься этим служением. Почему ты должна это делать?» Мне часто приходилось уезжать из дома более чем на неделю, а дома была бабушка, за которой нужно было ухаживать, и мой муж плохо себя чувствовал, были также и другие трудности.

Я молилась: «Господи, даже если мои друзья, братья и сестры сейчас говорят: «Не езди, кто-то другой может это сделать», Ты знаешь желание моего сердца – быть верной Тебе до моего последнего вздоха. С детства я стремилась защищать бедных и нуждающихся». Теперь, когда Господь опять проговорил ко мне через этот стих, я спросила у моей семьи:

– Что вы думаете об этом? Кто говорит через этот отрывок из Писания?

– Господь.

– А если Господь говорит, могу ли я это проигнорировать? Могу ли я ослушаться Его, после того как Он показал мне так много милости и провел меня – провел всех нас – по такому удивительному пути? Можем ли мы пренебрегать этим призывом от Господа?

– Нет, – ответил мой муж, – мы должны Его слушаться.

Потом я спросила мнения всех наших детей:

– Скажите мне честно, согласны ли вы, что я вновь должна взяться за эту работу, и будете ли вы помогать мне в этом служении?

Со слезами на глазах все они пообещали Господу служить Ему на этой ниве с возобновленной силой. Мы помолились:

– Вот мы. Возьми нас и помести туда, куда Ты хочешь. Не туда, где бы хотели оказаться мы, но туда, куда Ты решишь.

Я была очень благодарна Господу, что члены нашей семьи были единомышленниками и имели полное согласие; это исполнило желание моего сердца.

В завершение я могу сказать, что преследование Божьих людей – это благословение от Господа. Мы принимаем гонения с радостью. Когда меня посадили в тюрьму, я часто вспоминала, как апостолы пели, когда находились в темнице. В наше время люди удивляются, когда Божьи дети сидят в тюрьме и поют. Почему они поют? Они поют, потому что Бог их благословил. Те, кто туда попадает, идут с Господом.

Конечно, мое тело было слабым. Порой я была очень больной. Но мой дух был настолько здоровым, что он овладел моим телом. Когда мои силы были на исходе, я говорила: «Господь, Ты видишь, как мне тяжело». И мой дух превозмогал слабость плоти. Я могу уверенно сказать, что узы, которые послал мне Господь, были чудесным благословением от Него. Я не могу объяснить благословение этих горестей, которые Он послал в мою жизнь, но Господь чудесным образом провел меня через них.

12: Алексей Каляшин

Почти жених

Алексей Каляшин (1955 г. р.) впервые был арестован в сентябре 1981 года, всего за неделю до своей свадьбы. Через три года, 1 сентября 1984, когда друзья собрались возле ворот лагеря в Нижнем Ингаше, чтобы встретить Каляшина после освобождения, его там не оказалось. Вместо освобождения начальство этапировало его в Красноярск, чтобы предоставить ему новые «уголовные» обвинения. На основании ложных, сфабрикованных доказательств Алексея признали виновным и приговорили к дополнительным двум с половиной годам тюремного заключения. Позднее он женился на своей невесте, организовав церемонию бракосочетания в лагере в июне 1985 года. В конце концов, вернувшись на свободу, Алексей был рукоположен на служение.

В день моего ареста я, как обычно, отправился на работу, но в голове мысли были только об одном – приготовления к свадьбе. Сотрудники органов внутренних дел часто прерывали богослужения нашей церкви, но я тогда и не думал, что они меня арестуют прямо перед свадьбой. Даже когда я приступил к работе, все мои мысли были заняты свадьбой: что еще нужно купить, где это купить и что еще нужно сделать.

Около полудня два милиционера вошли в цех. Я увидел их, но не обратил особого внимания, пока они не подошли прямо ко мне с обеих сторон и взяли меня под руки. Это было так неожиданно, что я сразу не понял, что это арест.

Мужчина в гражданской одежде извлек из портфеля бумагу.

– Это вы Каляшин Алексей Александрович? – спросил он.

– Да.

– Вы арестованы! – сказал он и показал мне ордер.

Только тогда я понял, что происходит. Они посадили меня в машину и повезли в тюрьму во Владимире.

По пути я снова думал о свадьбе, что теперь она отложится на долгие годы. Я думал, как Нина, моя возлюбленная, примет известие о моем аресте. Я просил Господа помочь нам перенести то, что наши надежды и планы были разрушены. Потом я вспомнил стих из Библии на свадебном приглашении «Отче! Прославь имя Твое» (Иоанна 12:28) и попросил Господа прославить имя Его даже через такой неожиданный поворот событий.

Когда охранники вели меня по тюремному коридору, я представлял себе большую, переполненную камеру, где десятки людей ругаются и дерутся. Я мысленно готовился к этому моменту, прося Господа помочь мне. Но когда охранник открыл дверь камеры, я увидел маленькую комнату, где сидел один пожилой человек. Мы познакомились, и я вскоре узнал, что он находится в тюрьме уже более двадцати лет. Я рассказал ему, что меня арестовали за христианскую деятельность. У него было много вопросов, поэтому мы весь вечер говорили о Боге и о христианской вере.

Через три дня меня привели на свидание с моей мамой, она очень беспокоилась о предстоящей свадьбе.

– Мама, – сказал я, – все это произошло так неожиданно – сначала мой арест, а теперь будет суд. Передай Нине, что мне очень жаль, что так случилось, но она не должна себя чувствовать мне обязанной и ждать три года. Я освобождаю ее от данного обещания и не обижусь, если она выйдет замуж за кого-нибудь другого. Я ее пойму.

В этот момент наше свидание прервали, и маму забрали.

Следователь усердно пытался склонить меня к компромиссу. Используя мои свадебные планы как приманку, он предлагал мне свободу. В обмен он предлагал мне написать заявление, что Библия не противоречит Законодательству о религиозных культах 1929 года и что я согласен следовать этим предписаниям. Он даже предложил мне сделать запись на магнитофон вместо того, чтобы писать заявление.

Следователь всегда заканчивал наши разговоры напоминанием: «Алексей, ваша свадьба назначена на девятнадцатое сентября. Вы можете освободиться до того времени. Вы молодой человек. Зачем вам отправляться в тюремный лагерь на три года вместо того, чтобы жениться? Подумайте об этом».

Я сказал ему, что никогда не пойду на компромисс с моими христианскими убеждениями. Я просил Господа, чтобы Он помог мне быть непоколебимым в этой борьбе и продолжать быть верным Ему.

Перед судом я попросил следователя разрешить мне свидание с моей невестой. Он разрешил пятнадцатиминутную встречу в его присутствии. Первыми же словами Нина стала ободрять меня, но я чувствовал, что обязан ей сказать:

– Нина, они обещают приговорить меня к трем годам. Мы не говорим о трех днях или трех месяцах. Это длительный период. Ты не должна меня ждать! Я освобождаю тебя от твоего обещания выйти за меня замуж.

– Алексей, – ответила она, – я люблю тебя, и никогда в жизни я не откажусь от обещания стать твоей женой.

– Следователь Владимир Владимирович предлагает меня освободить, если я скажу, что Библия не противоречит Законодательству о религиозных культах 1929 года. Что ты думаешь об этом предложении?

Нина посмотрела мне прямо в глаза.

– Мы не будем это даже обсуждать!

Я поблагодарил Бога за то, что Он дал мне подругу, которая была моей единомышленницей в наиболее важных вопросах.

– Нина, – сказал я, – Господь поможет нам пройти по этому пути испытаний.

– Конечно, Алеша, Иисус не оставит нас. Я буду много о тебе молиться.

Наше свидание закончилось. Я вернулся в камеру с радостью в сердце. Я рассказал моему сокамернику о встрече с Ниной и о том, как глубоко мы понимали и любили друг друга.

Во время суда много верующих собралось возле здания, но им не разрешили войти. Изо всех моих друзей и родственников только моей матери разрешили присутствовать. Когда я отказался, чтобы меня защищал адвокат-атеист, судья спросил:

– А какого адвоката вы хотите в качестве своего защитника?

– Я могу доверить мою защиту только адвокату-христианину, который знаком с библейским учением и способен понять мотивы моих действий.

– Нет такого адвоката во всей нашей стране.

– В таком случае, – ответил я, – не буду прочь, если адвокат-христианин приедет из-за границы.

Судья отклонил мою просьбу.

Суд длился три дня. Меня обвиняли в проведении богослужений в нашей церкви и, посредством этого, нарушении общественного порядка. Главными свидетелями были члены добровольной дружины и милиционеры, которые прерывали наши собрания. Конечно, другие свидетели-христиане и я объясняли, что наше мирное богослужение вообще не нарушает общественный порядок.

Когда судья вышел в комнату совещаний, прежде чем огласить приговор, меня вывели в комнату, где следователь – майор КГБ – захотел задать мне некоторые вопросы.

– Алексей, какое ваше мнение о Геннадии Крючкове? Согласны ли вы, что он просто бродячий проповедник?

– Нет! – ответил я. – Пастор Крючков – это служитель Евангелия, избранный церковью и уважаемый всеми верующими. Он не бродячий проповедник.

Он задавал мне другие вопросы, потом поднял трубку телефона, попросил соединить с комнатой для совещаний, где находился судья, и

сказал, какой приговор мне вынести. И именно так, как он и сказал, я получил три года. Мне сказали приготовиться к этапированию.

– Но у нас есть закон, в котором говорится, что заключенных нужно помещать в лагерь вблизи от дома, – сказал я судье, – почему меня отсылают куда-то?

– Да, вы правы, – ответил он, – закон действительно говорит о том, что заключенных нужно отправлять в лагеря поблизости от их дома, но существуют исключения – возможно, одно на тысячу. И вот, пожалуйста, вы как раз и есть тем редким случаем.

Во время этапирования конвоиры втиснули близко тридцати человек в один отсек поезда. Поесть нам давали совсем мало. Я прошел через несколько тюрем, но наиболее ужасные условия были в свердловской тюрьме. Сто тридцать заключенных поместили в камеру, предназначенную для тридцати. Нам не было где лечь, не хватало даже места, чтобы сесть. Поэтому все мы сидели на грязном полу на своих мешках, ожидая продолжения этапа.

В первый же день один мужчина с жестоким лицом и длинными руками ходил среди вновь прибывших, роясь в вещах каждого из них. Он забирал все, что хотел, и никто не смел протестовать.

Когда меня спрашивали, за что я сюда попал, я объяснял, что я христианин, заключенный за проповедь Евангелия. Все, кто ранее встречал верующих в других тюрьмах, реагировали моментально. Они предлагали мне еду и находили место на нарах, чтобы я мог отдохнуть. Потом меня засыпали вопросами до конца моего пребывания в Свердловске.

Наконец этапом прибыли в место назначения, и я оказался в лагере, расположенном в Сибири в Красноярском крае. У меня с собой была Библия, поскольку в тюрьме я написал заявление, где просил разрешить мне иметь ее у себя. Но в лагере охранники отобрали ее у меня.

– Я скорее умру, чем разрешу тебе иметь Библию в лагере! – сказал начальник оперативного отдела, старший лейтенант Данильченко. – Только через мой труп!

Позднее я несколько раз разговаривал с сотрудниками лагеря, прося свою Библию, но они отвечали:

– По какой статье тебя осудили? За религию? И ты еще хочешь иметь здесь Библию? Если бы ты находился здесь за убийство или за что-нибудь другое, возможно, тогда бы мы разрешили. Но дать Библию религиозному фанатику – не бывать этому!

Я сразу же нашел другого христианина в лагере – Сергея Бублика, осужденного вместе с другими членами печатной команды издательства «Христианин». Мы раньше не были знакомы, но я радовался, что я больше не один. Мы были в одном лагере восемь месяцев.

Условия в лагере были угнетающими. Было мало пищи, и даже воду приходилось привозить. Администрация разрешала нам немного воды, чтобы помыться, но этого не хватало для стирки белья.

Сергей помогал мне, поскольку он уже знал, как вести себя в лагере. Мы проводили время вместе после работы: разговаривали, молились и делились новостями со свободы. Другие заключенные иногда говорили:

– Как вы находите столько тем для разговоров? Вам не надоедает компания друг друга? Ведь здесь в лагере даже когда родственники или соседи встречаются, они проводят вместе два или три вечера, обговаривают все, и на этом конец.

Мы объясняли, что любовь Господа Иисуса Христа и кровь, которую Он пролил на кресте, сделала нас братьями. Что касается тем для разговоров, у нас они никогда не иссякали, потому что мы говорили о Библии, о путях Господних и о том, как Господь ведет нас. Мы также сказали им, что у нас много общих друзей, которые присылают нам письма, которыми мы делимся друг с другом. Поэтому наша дружба стала свидетельством наших братских отношений во Христе.

Количество писем, которые мы получали, также изумляло других заключенных. Сергей обычно получал двадцать писем в день и до ста писем в день на праздники. На Рождество 1983 года я получил более трех сотен писем и открыток. Друзья иногда присылали целые главы из Библии, христианские стихотворения и гимны. У нас с Сергеем не

было секретов друг от друга. Мы всегда читали наши письма вместе, даже те, что я получал от Нины.

До моего приезда в лагерь у Сергея были серьезные проблемы с корреспонденцией. На протяжении четырех месяцев администрация не давала ему ни единого письма с христианским содержанием. Его семья узнала об этом и пожаловалась, и в результате этого его почту возобновили.

Я решил написать жалобу прокурору Красноярского края о том, что у меня отняли Библию. Спустя некоторое время он приехал, чтобы разобраться в этом вопросе, и меня вызвали на разговор. Он сказал, что я могу иметь Библию, если только буду читать ее самостоятельно и не буду давать ее другим заключенным. Прокурор сказал Данильченко, начальнику оперативного отдела (тому, который сказал мне, что скорее умрет, чем отдаст мне Библию), войти. Потом он спросил, где моя Библия.

– В сейфе, – ответил Данильченко.

Прокурор сказал ему принести Библию и отдать ее мне. У Данильченко не было другого выбора, как подчиниться. Я возвратился в барак с моей Библией!

Перед Пасхой мы с Сергеем решили сделать что-нибудь особенное нашим друзьям-заключенным. Люди в нашем лагере страдали от голода, а работа была изнурительной. Многие болели от нехватки витаминов и общего истощения. Мы начали откладывать хлеб, варенье и маргарин, чтобы были угощения на праздник. В день Христова Воскресения мы пожелали всем радостного праздника, а потом отрезали хлеб, намазывали его маргарином и вареньем и давали всем, кто хотел. Многие принимали это радушие со слезами на глазах; они знали, что нам приходилось лишать себя еды, чтобы с ними поделиться.

Через восемь месяцев после того, как я прибыл в лагерь, мне сказали вновь готовиться к этапированию. Начальник сказал мне, что меня переводят по приказу КГБ.

Горько было расставаться с Сергеем. Мы так много пережили вместе. Присутствие возле меня брата во Христе было большой

поддержкой. Теперь впереди ожидала неизвестность. На прощанье Сергей прочитал мне стих из Бытия 31:49: «Да надзирает Господь надо мною и над тобою, когда мы скроемся друг от друга».

Меня вывозили в октябре. Как раз за месяц до этого меня навещала моя семья, и мама привезла мне валенки, фуфайку и шапку. Начальство забрало у меня эти вещи на сохранение и выдало мне квитанцию, сказав, что я смогу получить все зимой. Но когда я пошел к начальнику с квитанцией перед этапированием, он просто отобрал ее у меня. Следовательно, везли меня на встречу с зимой в легкой одежде.

Мой новый лагерь был расположен в Нижнем Ингаше. Жизнь там была намного жестче, чем в предыдущем лагере. Бараки были переполнены, и хотя нары были в три этажа, многим приходилось спать на полу. Вдобавок ко множеству насекомых и вшей в лагере бушевало заразное заболевание кожи. В первый раз в бане я был шокирован: большинство заключенных имели струпья по всему телу. Казалось, что их тела гниют. В моем первом лагере человека в таком состоянии немедленно отправили бы в лазарет и оказали медицинскую помощь. Но здесь никто не обращал на это внимания.

Я попросил Господа защитить меня от этой мучительной болезни, взяв Псалом 90 как основу своей молитвы. И Господь услышал меня – за все годы моего пребывания в лагере я не заразился этой болезнью, хотя недуг и я жили в постоянном контакте.

Порядки также отличались от тех, что были в моем первом лагере. Например, по вечерам после работы и ужина нам не разрешали возвращаться в бараки. Вместо этого нас держали в коридоре до «выключения света». И так мы стояли, битком набитые в коридоре, несколько часов ожидая отбоя.

Сначала я чувствовал себя одиноким и подавленным в новом лагере. Но в один вечер, когда мы по обыкновению стояли в коридоре, один заключенный вдруг спросил: «Откуда ты, дружище? И за что тебя осудили? По какой статье?»

Я сказал ему, и он оживился.

«Так ты верующий? С нами был еще один христианин, Александр Никитков, его недавно освободили. Хороший парень! Так значит ты один из них?»

Тогда он сказал что-то главному заключенному, который подошел и стал задавать мне вопросы. Это привело к беседе о Боге, и мой дух воспрянул. Я больше не чувствовал себя забытым и одиноким. Господь снова дал мне служение.

Вскоре другие заключенные рассказали мне о работниках КГБ, которые стали приезжать в лагерь, проводить расследование и расспрашивать узников, которые жили или работали со мной. Сотрудники КГБ сказали им подавать письменные доносы на меня.

– Алексей, – сказал один человек, – работники КГБ вызывали меня несколько раз и спрашивали о тебе. В последний раз они сказали мне доложить о каком-то твоем нарушении, чтобы они могли закрыть тебя на пятнадцать суток. Я не хочу поднимать на тебя руку! Я не могу этого сделать! Но они требуют. Что мне делать?

Но что я мог ему посоветовать?

– Решай сам, – сказал я, – это будет на твоей совести.

После этого разговора я постоянно проверял свои вещи, заглядывал под матрас, в свои карманы, всюду. Кто-то легко мог незаметно подбросить мне нож или еще что-нибудь запрещенное, а потом «найти» его. Но тот человек ничего против меня не сделал. Потом он признался, как его наставляли поближе подружиться со мной, чтобы задавать вопросы о моем прошлом и моей церкви, а потом информировать обо всем КГБ.

Было очевидно, что КГБ готовит мне новый срок. Они проверяли и перепроверяли мою почту, пока наконец не нашли ошибку в одном из писем для моей мамы. Когда объявили о том, что будет амнистия к шестидесятой годовщине СССР, мама написала, что, возможно, я вернусь домой после амнистии. Я отписал, что нам не следует полагаться на человечность чиновников, а на благодать Божью. Сотрудники КГБ конфисковали это письмо и закрыли меня на пятнадцать дней «за письмо клеветнического характера против Советского правительства и общественного порядка».

На праздник Рождества я получал более трехсот писем. Я радовался и благодарил Господа, но другие узники с трудом могли поверить, что так много людей беспокоилось обо мне. Вернувшись в канун Рождества в бараки, я и еще девять человек хотели отпраздновать этот день. Один из них был из христианской семьи. Его мама и сестра были членами церкви, но он сам жил греховной жизнью и оказался в этом лагере, где мы познакомились. Этот человек был весьма привязан ко мне. Другие тоже стали интересоваться Иисусом Христом.

Мы только собрались вместе, как кто-то позвал меня на улицу. Там стоял заключенный, который обычно работал снаружи лагеря и возвращался только ночью. Он вынул сверток из-под своей куртки и передал его мне.

– Что это? – спросил я. – От кого это?

– Ты знаешь Дарью?

– Да, – сказал я. Эта женщина жила в поселке возле нашего лагеря. Она уже несколько раз мне присылала теплую обувь и белье. – Когда ты ее видел?

– Только что. Она до сих пор стоит там возле лагеря.

Я был потрясен. Это был канун Рождества, когда все спешат к своим родным или на богослужение. Но прийти в лагерь поздним вечером, зимой, чтобы передать немного радости заключенному брату во Христе – это было удивительным проявлением христианской любви! Едва сдерживая слезы, я поблагодарил этого заключенного и забрал сверток в барак.

Мы вместе развернули сверток, и нашли там шоколад и несколько конфет. Я разделил шоколад на десять порций. Каждому из нас достался крохотный кусочек, но через этот подарок Господь глубоко коснулся сердец моих друзей. Наше настроение было радостным и праздничным. После того, как я раздал листки, на которых были написаны стихи из Библии о рождении Христа, мы подытожили Рождественский сочельник, прочитав вместе эти стихи.

Мой срок подходил к концу, но я чувствовал, что грозовые тучи собираются надо мной. Подготовка материалов против меня для нового срока усилилась. Заключенных вызывали и расспрашивали обо

мне. Начальство следило за каждым моим шагом. После бесед с сотрудниками КГБ заключенные стали спрашивать меня о вещах, с которыми они были совершенно незнакомы. Например, они спрашивали меня о служителях из Совета церквей евангельских христиан-баптистов, – где они живут и в чем именно заключается служение каждого из них, – а также задавали вопросы о внутренних делах церкви, которые никогда не обговариваются с посторонними людьми. Работники КГБ удерживали многих заключенных непрерывно на протяжении четырех-пяти часов, требуя улик против меня. Иногда узники пересказывали мне эти разговоры.

Я понял, к чему все это приведет: меня не освободят в конце моего трехлетнего срока. С этим было трудно смириться. Нам с Ниной пришлось еще раз отложить свадебные планы, мы решили провести совместное празднование возвращения домой и свадьбы. В тот момент, когда угроза повторного срока была очень реальной, мне необходима была духовная поддержка, поэтому я написал Владимиру Ивановичу, проповеднику, приведшему мою семью к Господу. Я попросил поддержать меня в молитве, как Аарон и Ор поддерживали Моисея, чтобы победить в битве.

Я все еще надеялся, что освободиться удастся точно в срок. В последние дни заключения все притихло. За четыре дня до освобождения я получил обходной листок и стал собирать необходимые подписи, подтверждающие, что я вернул лагерю всю его собственность. Я также начал со всеми прощаться.

За два дня до моего освобождения в барак пришел следователь и спросил: «Где твоя тумбочка, Каляшин? Мне нужно просмотреть твои бумаги».

Он начал обыск. У меня мало что осталось. Другие узники просили меня оставить им что-нибудь на память, особенно открытки, и я уже почти все раздал. Но следователь опустошил мою полку. Позднее меня вызвали в кабинет и сказали, что меня обвиняют по статье 190. Будет еще один суд, и мне могут дать три года.

Охранники забрали меня в штрафной изолятор. Один заключенный там должен был выйти на свободу через два дня, поэтому я попросил его известить мою семью о сложившейся ситуации. День спустя

охранники перевели меня в одиночную камеру, где я провел наедине последующих семь дней.

Господь был особенно близок ко мне в те дни испытаний. Я вспоминаю Деяния 21, как много людей отговаривали Павла от путешествия в Иерусалим, предупреждая об узах и скорби. Но Павел ответил: «Что вы делаете? Что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (стих 13). Три года назад во владимирской тюрьме я исследовал свое сердце и спросил себя, готов ли я сказать то же, что и апостол Павел. Был ли я готов не только попасть в узы, но даже и умереть за имя Господа? В то время я пришел к заключению, что я готов находиться в узах за работу для Бога, но не умереть за Христа. Теперь, во время этих семи дней изоляции, Господь коснулся моего сердца по-особому. Размышляя о словах Павла, я наконец-то также мог сказать: «Я хочу быть готовым умереть за имя Господа Иисуса».

Таким образом, Господь подготовил мою душу. Но что-то необычное происходило с моим телом: мое сердце стало так неистово колотиться, что будило меня ночью и не давало мне спать. В послеобеденную пору учащенное сердцебиение начиналось снова. Я провел в таком состоянии следующих пять месяцев вплоть до суда. После суда мое сердце перестало меня беспокоить и возобновился его нормальный ритм.

В этот раз, как и три года назад, более всего меня беспокоила мысль о том, что придется откладывать свадьбу на неопределенный промежуток времени – возможно, навсегда. Я пытался не думать о Нине и о наших надеждах и планах; такие мысли были слишком болезненны. Конечно, очень утешало то, что Нина полностью понимала и поддерживала меня. Когда я предлагал ей выйти за меня замуж, я объяснил, что моя жизнь посвящена Господу, и поэтому много трудностей и испытаний могут случиться в нашей совместной жизни. Я попросил ее серьезно подумать, хочет ли она разделить судьбу служителя – и, возможно, заключенного. Нина ответила, что она готова следовать за Господом вместе со мной, даже если это значит идти по пути уз и страданий. Мы совсем не знали, что наши страдания начнутся еще до свадьбы!

Перед судом меня перевели в тюрьму в Красноярске и поместили в камеру для смертников. Поскольку в этой камере нет матрасов, а нары сделаны из железа, я плохо спал ночью. Положив мешок под голову, я лежал прямо на железной кровати, но быстро просыпался, потому что боком примерзал к железу. Мне приходилось все время переворачиваться ночью, чтобы не замерзнуть. Я находился там месяц.

Во время суда власти использовали два письма как улики против меня. Первым было письмо моей маме, за которое я уже отсидел в одиночной камере пятнадцать суток. Вторым стало письмо, адресованное Ларисе Зайцевой из Ростова, в котором, по их словам, содержались «негативные элементы». (В чем заключались эти элементы, я не знаю до сегодняшнего дня.) Они также обвинили меня во владении фотоальбомом, который я заполнил фотографиями, полученными из писем от семьи и друзей, где также были вырезки из писем, стихотворения и стихи из Библии. Предположительно, альбом был клеветническим по содержанию. Во время обыска у меня конфисковали также журнал «Вестник Истины».

В заключении научно-идеологической экспертизы было сказано: «Материалы, предоставленные для исследования, содержат заведомо ложные измышления, порочащие Советское правительство и социальный строй. Они непоколебимы в своей цели разжигания в читателе идеологической враждебности путем дискриминации политики Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства по отношению к религии, церкви и верующим, разжигания в их окружении нездоровых социально-политических проявлений и, в конечном итоге, создания организованной политической оппозиции существующему порядку в СССР на основе верующей части нашего населения. А также в письмах от Каляшина, адресованных Марии Каляшиной 25 мая 1983 года, и в фотоальбоме под названием «Мои года скитаний», так же подтверждается эта идея гонений за веру».

Изучая обвинения, я обратился к суду с просьбой провести другое расследование с участием юристов, которые являются экспертами в теологическом образовании. Поскольку мое дело основывалось на материалах из христианского журнала «Вестник Истины», цитатах из Библии и стихотворениях христианского содержания из моего

фотоальбома, я считал экспертов-атеистов некомпетентными в оценке материала такой религиозной тематики. Спустя некоторое время следователь заявил, что моя просьба о проведении теологической экспертизы отклонена, но мое дело передадут прокурору СССР для дальнейшего исследования. За несколько дней до суда следователь привел ко мне адвоката. Я согласился поговорить с ней, но эта женщина сразу же сказала, что разговор будет коротким, потому что она торопится.

«Но от этого дела будет зависеть человеческая жизнь и заключение в тюрьму на несколько лет, – возразил я, – для меня это серьезно. Я хочу задать вам юридические вопросы, касающиеся моего дела».

Она быстро ответила на мой вопрос. Но когда я стал записывать то, что мне казалось важным для моей защиты, она вновь перебила меня, сказав, что у нее больше нет времени, и ей нужно идти.

«Лариса Георгиевна, – сказал я, – вы понимаете, что меня могут приговорить не к трем неделям или трем месяцам, а к трем или даже более годам? Мне необходима ваша юридическая помощь, но вы даже не хотите уделить время, чтобы разобраться в моем деле и ответить на мои вопросы. Вы должны понять, что у каждого своя судьба, своя история, и вы не можете подходить к каждому делу одинаково. Я вынужден отказаться от вашей защиты в суде».

Моей матери, Нине и некоторым друзьям удалось узнать день и место проведения суда. Пришло также много молодежи из красноярской баптистской церкви. Сначала власти выделили для суда лишь маленькую комнату, в которую вряд ли бы кто поместился. Но после того как я попросил судью о большей комнате, на следующий день эта комната была заполнена христианской молодежью.

«Вестник Истины», который у меня конфисковали, получил много внимания во время суда.

– Почему вы, баптисты, печатаете этот журнал? – спросил судья.

– А вы бы печатали статьи христианского содержания в ваших газетах и журналах? – ответил я.

Конечно, нет! Что за вопрос?

Тогда я объяснил, насколько важной является христианская литература для верующих и что «Вестник Истины» публикует статьи только на следующие темы: духовное назидание, жизни и свидетельства верующих, новости из жизни церквей по всей стране.

– Мы любим свой журнал, и он нам нужен, – добавил я.

Но судья продолжал:

– В конце концов, Каляшин, вы знаете, что этот журнал запрещен! Как же вы можете его читать?

– Наш христианский журнал очень ценен для меня, – ответил я, – я всегда его читаю.

Господь чудным образом благословил судебную процедуру и посрамил намерения врагов. Бог помог мне отвечать на вопросы так, что даже прокурор был обезоружен и не знал, что еще спросить. Мама позднее сказала мне, что все в зале суда думали, что меня освободят, поскольку суд показал мою невиновность.

В один момент я задумался о чем-то и опустил голову, сосредоточившись. Но Нина подумала, что я стал горевать, поэтому она улыбнулась мне и кивнула, сказав: «Выше нос! Не грусти!» Я улыбнулся ей в ответ и опять почувствовал тепло в сердце благодаря ее поддержке.

Судья наконец вышел в комнату для совещаний, потом вернулся в зал и зачитал приговор: два с половиной года лишения свободы. Друзья стали бросать мне цветы, но охранник поторопил меня выйти из комнаты.

После суда меня поместили в комнату с другими сорока заключенными. С потолка капала вода, поэтому даже матрасы были влажными. Узники встретили меня не очень приветливо, но когда я сказал, что я христианин, то мужчины, которые были в лагерях с Вениамином Маркевичем, Олегом Поповым и Георгием Винсом, подошли ко мне, чтобы поговорить.

– Ты знаешь Георгия Винса? – спросил один.

– Да, он один из наших служителей.

– Когда увидишь его, передай ему привет от Киселя. Мы вместе отбывали наказание на Урале.

– Я не знаю, увижу ли я снова Георгия Винса, – ответил я, – его выдворили из страны и отобрали гражданство.

2 января был день моего рождения. Конечно, в камере никто об этом не знал, и я даже не хотел об этом упоминать. После обеда охранник неожиданно вызвал меня.

– Вы переводите меня в другую камеру? – спросил я. – Мне взять с собой свои вещи?

– Нет, ничего не берите!

Меня завели в комнату для свиданий! Там меня уже ждали Нина и мой младший брат Евгений! Какой замечательный подарок на День рождения! Нам предоставили двухчасовое свидание.

Я провел в красноярской тюрьме восемь месяцев. Каждый день нам давали суп из квашеной капусты, он был кислым и со странным запахом. У меня сложилось впечатление, что кастрюли никогда не мыли и суп на каждый день варили в грязных с предыдущего дня кастрюлях. Мне начал болеть желудок. Вечером нам давали водянистую пшеничную кашу.

После восьми месяцев охранники вызвали меня для этапирования. Перевезли меня в лагерь, расположенный на реке Береза, посреди красивого леса. Я просто радовался: свежий воздух, небо над головой, приятный бриз... На следующий день меня уже назначили на работу, но каждый вечер после работы я выходил на улицу.

Вскоре ко мне с визитом приехала Нина, и мы решили подать заявление на разрешение провести свадебную церемонию прямо в лагере. (Конечно, я не собирался протестовать, если она решила стать женой заключенного и жить в разлуке два года до окончания моего срока!) Мы подали заявление, и начальство назначило 10 июня днем регистрации брака. Руководители лагеря пытались помешать нашим свадебным планам, но Господь защитил нас, и свадьба произошла в запланированный день. Наши родители сопровождали Нину, а евангельский служитель из Дедовской церкви, Николай Кручинин, провел церемонию.

После свадьбы, когда моя семья и Нина уехали, начальство все чаще вызывало меня на беседы, угрожая и запугивая меня. Угрожая, что отправит меня в камеру к гомосексуалистам, прокурор сказал:

– Я запихну тебя в такую камеру, и ты знаешь, что они с тобой там сделают!

– Ничего хуже, чем смерть, вы мне не сделаете! – ответил я.

– Да, это правда. Дальше смерти мы не сможем зайти, – согласился он.

– Но смерть меня не пугает. Я христианин. Если я умру, я буду на небесах с Господом.

Прокурор ничего не ответил, а просто приказал увести меня обратно в барак. Это был наш последний разговор.

Спустя несколько дней меня неожиданно вызвали в кабинет начальника лагеря. Я предполагал, что снова кто-то пришел на переговоры со мной, но причина оказалась другой. Меня поторопили на этап в другой лагерь и даже не разрешили собрать мои вещи.

В новом лагере меня направили на самую изнурительную работу – на лесозаготовку. Мы работали по двенадцать часов в день, и к вечеру я был настолько обессилен, что даже не мог переступить через бревно. «Господи, – молился я, – если Ты позволишь, чтобы со мной случился несчастный случай, пожалуйста, помоги мне не жаловаться и принимать все от Тебя с благодарностью».

Господь услышал мои молитвы, и через две недели меня перевели на более легкую работу, где мы работали всего восемь часов в день, и у меня еще вечером оставалось свободное время, чтобы прочитать полученные письма и ответить на них. Я пробыл в этом лагере всего три месяца; после меня этапировали в другое место. Конвоиры сказали мне, что меня отсылают очень далеко, вплоть до Уральских гор. Так что в этот раз меня отсылали на запад от тюрьмы в тюрьму: Красноярск, Омск, Свердловск, Пермь, Кизел.

В свердловской тюрьме я встретил заключенного по имени Иосиф из Украины. Он сказал мне, что знал семью Винсов из Киева. Он вспоминал Лидию Михайловну, бабушку, с большим уважением, а

также сказал мне, что дочь Винса дала ему Библию, после чего он и его жена стали еще больше их ценить. «Да, – сказал он, – интересные люди вы, баптисты! Мне особенно нравится, какие верные у вас жены, даже когда вы в тюрьме и находитесь в разлуке многие годы. В наши дни это редкость».

Я провел всего полтора часа в камере с Иосифом; потом охранники поместили нас в разные камеры, и мы друг друга больше не видели. Но наш разговор остался в моей памяти.

В Кизеле охранники поместили нас в камеру цокольного помещения, где пол залит водой. Камера была большой, поэтому у нас было достаточно места. Я очень устал в поезде, поэтому сразу же нашел себе местечко на нарах и уснул. Но сквозь сон я услышал возрастающую суматоху. Заключенные, которые находились в камере дольше, стали рассматривать и отбирать вещи у вновь прибывших из моего этапа.

Пришел и мой черед. Кто-то толкнул меня в бок и сказал:

– Ну, земляк, открывай свой мешок! Посмотрим, что у тебя есть.

Я поднял голову. Передо мной стоял старый цыган. (Позднее я узнал, что он уже отсидел три срока, каждый по пятнадцать лет. Дважды его приговаривали к казни, но потом приговоры заменяли пятнадцатью годами.)

– Вот мои вещи. Посмотрите! – сказал я.

Он начал все вытаскивать и увидел, что почти весь мой багаж состоял из писем. Тогда у меня было больше тысячи писем.

– Что это такое? – спросил он.

– Моя почта!

– Кто тебе пишет? – спросил он удивленно.

– Мои друзья! Я христианин, поэтому у меня есть друзья в каждом городе, даже по всему свету!

– Верните ему вещи! – приказал он остальным. Позднее он рассказал мне, что встречал верующих в других тюрьмах и очень их уважал.

В конце концов, я прибыл в мой новый лагерь. Начальство сразу же начало создавать для меня особые условия. Например, они называли меня тяжелым случаем, хотя у меня не было ни единого нарушения. Некоторые узники рассказали мне, что начальство лагеря угрожало им, требуя неправдивые доносы о том, что Каляшин принудительно втягивал их в разговоры о Боге.

7 мая 1986 года меня вызвали с работы в кабинет начальника лагеря, чтобы поговорить с двумя работниками КГБ. Они приехали из Перми и Кизела, чтобы задать мне несколько вопросов о служителе Василии Юдинцеве, которого недавно арестовали, обвинив в том, что он является редактором «Вестника Истины». Я не хотел давать никаких показаний против служителя церкви и извинился, объяснив, что я нахожусь в тюрьме пять лет и мало что знаю о происходящем на свободе. Но потом они стали угрожать, что мне лучше рассказать, знаю ли я Юдинцева лично и какой была его роль в церковной деятельности, когда я еще был на свободе.

Я отказался давать такую информацию и сказал им прямо, что они не имеют права вмешиваться во внутренние дела церкви. Майор КГБ из Перми пришел в бешенство и начал кричать. В конце он пообещал лишить меня свидания с моей женой. Именно этого я боялся больше всего, поскольку Нина должна была приехать с визитом на следующий день. Я вернулся в барак с тяжелым сердцем. Но в тот же вечер я был изумлен, потому что меня вызвали на свидание с Ниной! Как же мы радовались и славили Господа!

На следующий день, когда офицер-оперативник вошел в комнату для свиданий и увидел меня там, он вознегодовал:

– Каляшин, у тебя свидание? Кто разрешил тебе свидание?

– Начальник лагеря подписал разрешение, – сказал я ему.

Он позвал начальника лагеря и сказал, что сотрудники КГБ сказали ему лишить меня свидания, когда он их подвозил на железнодорожную станцию в предыдущий день. Но начальник ничего не знал об этих инструкциях, а Нина приехала на день раньше, в то время как офицер-оперативник вернулся поздно вечером. Поскольку имелись свободные комнаты, нам сразу же предоставили свидание. По

Божьей милости мы с Ниной увиделись, несмотря на то, что в КГБ решили по-другому!

Алексея встречала дома жена Нина и их первенец, который родился во время пребывания Алексея в тюрьме.

Вскоре после освобождения, Алексея рукополагают на служение. Не смотря на то, что его штрафовали несколько раз за проведение домашних молитвенных собраний, он продолжает проповедовать и преданно служить Господу.

За пять месяцев, предшествующих дате моего освобождения, меня часто вызывал майор КГБ из Кизела. Сначала он хотел знать, как я собираюсь жить на свободе после своего освобождения. Я ответил, что моя жизнь посвящена служению Богу и я буду делать в церкви все, что назначит мне Господь. Потом он убеждал меня вести себя осторожнее на свободе, и самое главное – не препятствовать работе КГБ в церкви.

За несколько дней до окончания моего срока я получил обходной листок, но начальство лагеря продолжало оказывать серьезное психологическое давление. Я волновался. В молитве я спрашивал Господа: «Действительно ли я буду свободным через несколько дней, в компании друзей, дома с моей женой? Или все произойдет, как в прошлый раз, когда в день моего освобождения меня перевели в другую тюрьму?»

В последнюю ночь в лагере я не мог заснуть. Пришло утро, и заключенные пошли на работу. До десяти часов меня все еще не вызвали в караульное помещение. Меня вызвали в одиннадцать тридцать, и охранники даже не проверили мои вещи, прежде чем выпустить меня за ворота лагеря.

Мои любимые родственники и друзья ждали меня на улице! Моя маленькая сестричка Надя бросилась мне на шею. Подбежал брат моей жены Павел, а потом все собрались вокруг. Я был свободен! Пять с половиной лет уз остались позади! Но желание моего сердца не изменилось – преданно служить Богу. Поэтому прямо возле ворот, в окружении семьи и друзей, я поблагодарил Господа за Его милость ко мне на только что пройденном пути.

Я искренне благодарю всех, кто поддерживал меня как узника-христианина в молитвах, письмах и ходатайствах. Благодарю вас за то, что разделили мои страдания за Христа. Как сказал Иисус Христос: «Я был в темнице, и вы пришли ко Мне». И Господь, будучи верен Своим обещаниям, воздаст вам сторицею.

13: Николай Шепель

Готов страдать

В январе 1984 года Николая Шепеля (1938–2011 гг.) арестовали в Тбилиси вместе с евангелистом Питером Петерсом. Николая, которому тогда было 45 лет, приговорили к трем годам лишения свободы, это был уже его второй срок. Его освободили в 1987 году. Последнее время они жили со своей супругой Екатериной в поселке Хуторы. У Шепелей семеро детей.

Незадолго до моего первого ареста (в 1963 году) я осознал, что мне предстоят большие трудности и испытания. Вот как это произошло.

Я провел вечер с моей пожилой мамой в ее квартире, и когда возвращался на автобусную остановку, я раздумывал над Божьим Словом и пел про себя песни. Путь был долгим, и я был один на заснеженных улицах. У меня было прекрасное время общения с Господом, когда я вдруг мысленно услышал Его вопрос: «Любишь ли ты Меня?»

С глубоким повиновением я ответил: «Да, Господи, Ты знаешь, что я Тебя люблю».

Потом последовал второй вопрос: «Готов ли ты страдать за Меня?»

«Да, Господь, – ответил я, – я готов».

И тут мои мысли прервал автобус, завизжав возле меня тормозами. Спустя несколько дней, как раз во время работы, меня вызвали в кабинет руководителя. Там меня уже ожидала милиция с ордером на арест.

С момента, когда я вошел в тюремную камеру, у меня появилась возможность свидетельствовать о Христе. Остальные заключенные сразу же окружили меня и стали задавать вопросы: «Кто ты такой? За

что тебя посадили?» Я сказал им, что я христианин и что меня арестовали за проповедь Евангелия.

В конце концов, я хорошо поладил с остальными заключенными, хотя поначалу они отнеслись ко мне грубовато. Начиная с первого дня в камере я взял себе за правило, как только раздается вечерний звонок и узники укладываются спать, я становился на колени возле моих нар для молитвы. Но несколько моих сокамерников пытались мне помешать. Когда я молился в первый вечер, кто-то положил книгу мне на голову. Все они ждали, как я буду реагировать, но я проигнорировал книгу и продолжал молиться. Когда я закончил молитву, я снял книгу с головы, положил ее на стол и лег спать. В следующий вечер у них появилась другая идея. В течение всего дня они изготавливали маленький крестик. Когда я молился, они положили его мне на руки. Я опять не отреагировал. Завершив молитву, я просто положил крестик на стол и лег спать. На третий вечер они бросили мне на голову простынь. Я продолжал молиться, а когда закончил, то снял простынь и лег на нары.

Только через двадцать лет я увидел плод моего христианского свидетельства в той следственной камере. Однажды вечером, будучи уже дома, я услышал стук в окно.

– Кто там? – спросил я.

– Николай, открой! – услышал я чей-то голос и, хотя я его не узнал, но открыл дверь, а там стоял Виктор, который двадцать лет назад был со мной в той камере!

– Мне нужно с тобой поговорить, – сказал он. Я пригласил его войти и присесть.

– Моя жизнь потерпела полный крах, – начал он, – и сегодня я наконец-то решил что-то с ней сделать. Я решил завести свою машину, максимально разогнать ее и врезаться в дерево. Но позже я вдруг вспомнил о тебе. Я вспомнил, как ты молился в той камере. Поэтому я принял решение сначала прийти к тебе, а потом – будь что будет.

Мы с Виктором разговаривали до утра, и когда он уходил, я подарил ему Евангелие. Вскоре он и его жена обратились ко Христу, присоединились к церкви. Пути Господни удивительны!

После моего первого ареста и многих дней, проведенных в следственной камере, наконец надо мной состоялся суд. Меня и еще двух верующих (проповедника и молодую христианку) осудили вместе. Я получил самый худший приговор – три года тюрьмы плюс два года трудового лагеря строгого режима и вдобавок пять лет ссылки с конфискацией имущества.

Когда меня и еще одного брата этапировали в тюрьму в Харьков, я узнал, что нас считают особо опасными преступниками. Охранники в поезде отделили нас от остальных заключенных в отдельный вагон и присматривали за нами.

До прибытия в Харьков я думал, что уже знаком с тюрьмой, потому что долгое время находился в следственной камере. Но когда я увидел это место – бетон, железо и мрак – я сказал: «О, Господи, возможно ли выжить в таком месте?» Но после полутора лет пребывания там я благодарил Бога за то, чему Он научил меня – выжить можно где угодно, если с тобой пребывает Бог.

Я уже узнал, что одной из наиболее утомительных вещей в тюрьме является яркий свет, который включен двадцать четыре часа в сутки, бесконечно раздражая глаза. Но работа в харьковской тюрьме прибавила боль другого характера. Мы работали с химикатами, и приходилось иметь дело с едкими веществами, которые обжигали наши руки. Эта работа была мучительной, и невозможно было от нее избавиться. Но Господь освободил меня от нее в ответ на молитвы церкви.

Начальнику лагеря требовался составитель документов, и он начал искать подходящую кандидатуру среди заключенных. Когда кто-то сказал ему, что я знаком с работой редактора, он вызвал меня на разговор. Он назначил меня на работу в конторе, и это было замечательной альтернативой. Я делал чертежи на столе в чистой комнате, и иногда в рабочее время мне разрешали выйти на улицу подышать свежим воздухом. В закрытой тюрьме чистый воздух ценится больше, чем еда. Это было особенным благословением от Бога! Но еще большим благословением стало то, что через восемнадцать месяцев пребывания в тюрьме меня реабилитировали. Я отбыл лишь

часть моего срока! Но это был не последний мой конфликт с атеистической властью.

До 1984 года наша церковь находилась под возрастающим давлением со стороны властей, которые вынуждали нас зарегистрироваться. Но поскольку условия регистрации были неприемлемыми, мы единогласно проголосовали за отказ регистрироваться. Потом власти стали оказывать давление лично на меня как пастора церкви. Например, в моем отделе на работе провели собрание, во время которого несколько человек, проинструктированных властями, поднимались и клеветали на христиан. Их комментарии были беспочвенны настолько, что печально было даже сидеть и слушать. В конце концов, мне предоставили семь минут для ответа. Я начал было объяснять ситуацию моим сотрудникам, но за семь минут многого не скажешь.

Когда мое время истекло, несколько человек сказали: «Пусть он продолжает. Дайте ему еще семь минут». Когда следующие семь минут истекли, мои коллеги снова потребовали, чтобы мне разрешили продолжать, не перебивая. Мое время вновь продолжили, и я мог вполне объяснить, почему как христианин я не могу исполнять те требования правительства, которые противоречат Божьему Слову. Все внимательно слушали. Тем не менее, когда я закончил, встал представитель Отдела религиозных культов и стал отвратительно, ложно обвинять христиан. Позже все голосовали, нарушил ли я закон. Но голосование провели незаконно: никто так и не подсчитал, сколько человек было «против» и «воздержалось». После собрания многие работники пожимали мне руку и говорили: «Придерживайся того, во что ты веришь. Не позволяй никому изменять твои убеждения».

После того собрания я был уверен, что меня снова арестуют. Я обсудил это с женой. Она для меня была необычайным ободрением. Она полностью меня поддержала, сказав, что готова на все. Я чувствовал внутренний мир, доверял Господу, меня обнадежила поддержка моей семьи.

Господь позволил мне работать на свободе несколько дольше. Позднее, возвращаясь домой из пасторского собрания, на железнодорожной станции я был арестован. Меня увезли в черкасскую

тюрьму, и всю дорогу туда я разговаривал с милиционерами об Иисусе Христе. Они даже не надели на меня наручники!

Находясь в тюрьме во время расследования, я узнал, что два других служителя из нашей церкви – проповедник Александр Павленко и музыкальный руководитель Анатолий Иващенко – были арестованы сразу после меня и что нас будут судить вместе. Это были болезненные новости. Это означало, что церковь осталась без служителей. Я не видел в тюрьме двоих моих друзей, но нас привезли в суд в одном автомобиле, и мы смогли вместе помолиться.

Суд проходил на заводе, где я работал. Пришло много работников и друзей-христиан. В «зале суда» мы втроем свидетельствовали о Боге и твердо стояли на наших христианских убеждениях. Меня приговорили к трем годам тюремного заключения, а двум другим служителям дали по два с половиной года.

После прочтения приговора наши друзья стали бросать нам цветы и выкрикивать: «Мужайтесь! Мы молимся за вас!» Охранники отобрали у нас цветы, но нас очень ободрило такое проявление любви. Во время перевозки назад в тюрьму мы помолились вместе в последний раз и попрощались. Охранники, как мы и предполагали, разъединили нас в тюрьме.

Меня послали в лагерь в Черкассах, недалеко от дома. Несколько христиан там раньше уже отбывали свои сроки, поэтому, как только другие заключенные узнали, что я верующий, они сказали: «Мы знаем ваших! Они хорошие люди – надежные, дружелюбные. Они всегда говорят правду и помогают друг другу». Это стало особым благословением – услышать свидетельство о христианах в мой первый день пребывания в лагере. Эти слова были также хорошим уроком, что мы должны всегда жить так, чтобы свет Христа был виден всем. Позднее я встретил двух других христиан в лагере – это была радостная встреча.

Оглядываясь назад, я разделяю мой срок заключения в Черкассах на три периода. Первый был периодом пылкой молитвы о том, чтобы Бог использовал наши свидетельства в лагере, чтобы Он произвел духовное пробуждение среди заключенных и чтобы наши годы пребывания в узах не были напрасны. Когда мы встречались для

общения, мы всегда напоминали друг другу, что Бог не привел нас сюда отбывать свои сроки, а работать для Него и завоевывать души для Его царства. Поэтому сначала мы молились о Божьем благословении. Второй период был временем ответов на молитвы, где мы увидели много плодов. А третий период принес нам тяжелые испытания, но даже и тогда мы видели особенные благословения от Господа.

Первый период длился приблизительно год. Я работал электриком по вызову. Я работал один в маленькой комнате, и меня вызывали только тогда, когда срочно нужно было что-то починить. Иногда я работал в ночную смену и проводил тихие часы в молитве и чтении маленького Евангелия, которое имел при себе. Через год меня перевели на другую работу, где я постоянно находился в окружении людей, но благодаря такой перемене я получил много хороших возможностей поговорить с другими о Господе.

Я и другие два христианина решили, что хотя нас мало, но мы будем считать себя лагерной церковью. Каждый из нас взял на себя служение согласно нашим дарам и способностям. Например, один брат был ответственным за заботу о материальных потребностях. Все трое делились продовольственными посылками, которые мы получали, чтобы никто не испытывал нужду. К этому служению мы также подключили заключенных, которые начинали интересоваться христианством. Второй брат был ответственным за евангелизацию, потому что Господь дал ему этот дар. Он умел завязать разговор с кем угодно и где угодно. Моей обязанностью было наставлять узников, которые пришли к Господу и хотели узнать больше о Божьем Слове и принципах христианской жизни.

Семья Николая читает письмо, полученное от него из тюремного заключения.

Я радовался тому, что вижу Божью волю на мою жизнь, ведь пока я служил в церкви на свободе, Бог подготовил меня именно к такому тюремному служению. Один из новых христиан, Василий, каждый день поджидал меня после работы и всегда говорил: «Давай немного поговорим». Позднее я заметил, что он делится своей верой с другими. Очень радостно было видеть, что новый христианин начал труд для Господа.

Конечно, все новые верующие переживали большие испытания и давление со стороны руководства лагеря. Один из них, Коля, пережил такое испытание после своей беседы, что оказался в тюремном госпитале. По сей день я не знаю, что с ним произошло или где он находится.

Мы решили не крестить никого из новых христиан в лагере. Вместо этого мы дали им имена и адреса верующих в их родных городах и посоветовали им, чтобы их крестили в местных церквях.

Во время третьего периода моего заключения сотрудники КГБ стали приходить в лагерь, чтобы поговорить со мной. Они предлагали мне много привилегий и даже досрочное освобождение, если я соглашусь стать их информатором. После того, как я отказался, начальство лагеря стало меня изнурять. Они ложно обвинили меня в нарушении правил лагеря. Один раз что-то было «не так» с моей робой; в другой раз им показалось, что моя стрижка не соответствует нормам. Позже, 27 декабря, моя жена и семеро детей приехали в лагерь, чтобы навестить меня. Они отметились в конторе, и визит был утвержден, но тогда охранники пришли в мой барак для обыска и «нашли» двадцать пять рублей в моей наволочке.

«Посмотрите, – сказал охранник, – Шепель прячет деньги!»

Меня отвели прямо в кабинет к начальнику лагеря и наказали семью днями пребывания в штрафном изоляторе.

– Но у меня по расписанию должно быть свидание, и моя жена с детьми уже здесь, – возразил я.

– Ну что ж, нам придется сказать вашей жене, чтобы она больше не передавала вам тайно деньги, – ответил начальник лагеря.

Конечно же, это была полнейшая фальсификация, потому что все понимали, что деньги мне в наволочку подбросили.

– Но я болен, – сказал я, – меня лечат от обострения язвы. Как вы можете помещать меня в штрафной изолятор?

Начальник позвал главного врача лазарета, чтобы тот принес мою карточку.

– Позволяет ли состояние Шепеля поместить его в штрафной изолятор?

Врач ответил, что можно, поэтому меня туда и отправили. Это было суровым испытанием для меня. Трудно даже выразить, как сильно я хотел увидеться с моей семьей! Я провел почти все семь дней в посте. Но даже во время одиночного заключения Господь послал мне неожиданное благословение. В мою камеру поместили еще одного заключенного. Когда мы начали разговор, он рассказал мне о своей жизни. В ответ я мог поговорить с ним о Христе и о спасении. Позднее, в канун Нового года, этот человек спросил меня: «Как человек становится христианином? Что мне сделать, чтобы спастись?» Мы помолились вместе, и он попросил Бога простить его грехи. Представьте, каковой же была радость! Позднее этот человек признался мне, что именно в тот вечер он собирался покончить жизнь самоубийством. Он вытащил два метра веревки, которые он спрятал в койке. Я удивился, почему охранники не нашли ее – ведь они всегда обыскивают все очень тщательно. Сатана делал все, что мог, чтобы убедиться, что душа останется в его власти навсегда. Но Бог одержал победу и дал этому мужчине спасение и вечную жизнь.

После пребывания в штрафном изоляторе я сильно заболел, и меня на время положили в тюремный госпиталь. Но в последующие восемь месяцев я имел серьезные проблемы с сердцем. Мое сердце просто не хотело работать так, как нужно, и я был уверен, что не проживу достаточно долго, чтобы снова увидеть свою семью и друзей. Мне удалось послать моей жене записку со стихом из Библии, в которой говорилось: «Спасай взятых на смерть…» (Притчи 24:11).

За несколько месяцев до окончания моего срока условия моей жизни значительно улучшились. За мной стали лучше ухаживать медики. Затем меня к себе в кабинет вызвал начальник лагеря.

– Напишите своей жене, – сказал он, – и скажите, что ваши условия теперь улучшились. Скажите ей, чтобы больше никто не писал прошений. В противном случае нам все наше время придется проводить, отвечая на письма, которые мы получаем с просьбами касательно вас.

Благодаря этому я осознал, насколько важно молиться и ходатайствовать за Божьих людей в узах. Это потрясающее служение сострадания и поддержки. Я очень ободрился, узнав, что так много друзей ответило на мой крик о помощи. Слава Богу!

Еще один груз довлел надо мной во время пребывания в лагере. Суд решил лишить нас с супругой родительских прав и отобрать наших младших детей за то, что мы учили их послушанию Богу. Моим наибольшим утешением в этот период было понимание того, что Бог все держит в Своих руках и что Он никогда не пошлет нам испытаний свыше наших сил. Я также знал, насколько твердой и непоколебимой является моя жена в следовании за Господом, и это тоже утешало меня.

В те годы я часто думал о Псалме 70:5: «Ибо Ты – надежда моя, Господи Боже, упование мое от юности моей». Я знал, что каждый, кто постоянно надеется на Господа во всем, не будет посрамлен.

Приближался день моего освобождения. В лагере всегда начинают прощаться с остальными наперед. Я провел заключительные беседы со вновь обращенными. Они радовались со мной, что скоро я буду дома с моей семьей, но некоторые говорили: «Вы еще нужны нам здесь. Ужасно об этом говорить, но мы хотим, чтобы вы могли остаться еще на какое-то время».

В последний день я пошел в лагерную контору, чтобы забрать свои документы. Начальник лагеря был там. Несмотря на все зло, которое он мне причинил за время моего пребывания в лагере, я сказал:

– Спасибо, начальник, за все.

– Что? – изумленно ответил он. – За что вы меня благодарите?

– За все, – ответил я, и, конечно, он знал, что я имел в виду.

Я знал, что если у него осталась хоть какая-то совесть, он подумает об этом. Затем я вышел на улицу, там свирепствовала вьюга.

Но как раз перед моим уходом меня неожиданно позвали обратно в контору.

– Вы находились здесь три года, – сказал начальник лагеря, – и не показали никаких признаков исправления. Поэтому вы будете год находиться на испытательном сроке.

На людном домашнем богослужении Николай прославляет Бога за Его преданность и милость.

Весной 1988 года Николай Шепель был известным проповедником на слете христианской молодежи.

Как правило, человека извещают об испытательном сроке задолго до освобождения, но мне сказали об этом всего за десять минут перед выходом за ворота.

– Спасибо за испытательный срок, – сказал я начальнику лагеря.

Мой ответ поставил его в неловкое положение.

– Что вы имеете в виду? – спросил он. – Неужели вы думаете, что это моя идея?

Когда он это сказал, я осознал, что он просто исполняет чьи-то приказы. Я снова вернулся на холод.

Дети принимают значимое и активное участие в богослужениях. Это является свидетельством того, что вера в Иисуса Христа будет передаваться из поколения в поколение, несмотря на то, что это раздражает атеистическое правительство.

Из-за свирепой вьюги в тот день мои друзья не смогли добраться до лагеря, чтобы встретить меня, и мне было очень тяжело добраться до железнодорожной станции. Но там, наконец, я увидел мою жену и друзей, которые направлялись в лагерь. Они забрали меня домой, где дети вывесили плакат со словами: «Добро пожаловать домой, дорогой папа!» Много друзей пришло к нам домой, чтобы поздравить меня, поэтому, прежде чем я успел сменить тюремную робу, мы сразу же провели богослужение, чтобы поблагодарить Бога.

На соседней странице:

Советская милиция возле места проведения богослужения.

Милиция прерывает домашнее богослужение.

Друзья ожидают возле входа в зал суда, где выносят приговор христианину.

Узник-христианин за решеткой.

Заключенные в Омске, Сибирь. Михаил Хорев претерпел здесь пытки в штрафном изоляторе «африканка».

Советский тюремный лагерь.

Теперь, оглядываясь на мою жизнь, я могу сказать, что Бог проявлял Свою милость и любовь во многих случаях – даже в самых трудных обстоятельствах. Каждый христианин встречается с испытаниями, но когда праведник остается преданным Господу, тогда Бог посылает благословения. Главное помнить: когда христианин верен, Бог прославляется. Он будет использовать наши испытания и трудный опыт, чтобы Его имя стало известным для многих.

Биографическое приложение

Артюшенко Борис (1920–1984). Родом из Курска. Пастор Артюшенко отбыл три срока в узах. Через четыре месяца после его четвертого ареста за проповедование он умер на операционном столе в тюремном госпитале. Официальный диагноз – перфорированная язва двенадцатиперстной кишки.

Балацкий Анатолий. Родился в 1939 году. Родом из Ворошиловграда. Имя супруги – Галина. Он отбыл три срока в узах.

Батурин Николай (1927–1988). Имя супруги – Валентина. Семеро детей. Родной город Шахты. Пастор Батурин отбыл шесть сроков в тюрьме за свое служение проповедника и секретаря Совета церквей евангельских христиан-баптистов. Когда он узнал, что на него завели седьмое дело, то ушел в подполье и служил СЦ ЕХБ, скрываясь. Умер от сердечного приступа, находясь дома наедине.

Библенко Иван (1928–1975). Имя супруги – Таиса. Родной город Кривой Рог. Отбыл один срок.

Бойко Николай (1922–2003). Имя супруги – Валентина. Семеро детей (сначала было восемь, но один ребенок умер). Раньше был служителем в Одессе. Пастор Бойко временно жил в изгнании в поселке Аян в Хабаровском крае. В трудовом лагере к нему относились в особой жестокостью. В начале его последнего срока (третьего) начальство сказало: «Здесь ты не будешь верить в Бога. Мы сломаем тебя. А если не сломаем, то сгноим тебя!» В результате их усилий он провел месяцы в штрафных изоляторах. Страдал от порока сердца и частичного паралича.

Бублик Сергей. Родился в 1957 году. Имя супруги – Людмила. Родной город Ростов-на-Дону. Отбыл три года тюремного срока за печать Библий.

Быстрова Тамара. Родилась в 1949 году. Не замужем, ее мать умерла. Родом из Нарвы. Эта женщина отбыла три года тюремного заключения за печать Библий.

Вильчинская Галина. Родилась в 1958 году. Родители Галины (Зинаида и Владимир) живут в Бресте, но она вышла замуж за Ивана Шаповала и теперь живет в Новокузнецке. Она отбыла два срока за преподавание Библии детям в летнем лагере.

Винс Лидия Михайловна (1907–1985). Супруга американского миссионера Петра Винса и мать Георгия Винса. Отбыла один срок в возрасте 63 лет за то, что работала председателем Совета родственников узников. Она присоединилась к своему сыну в изгнании в Америке, где продолжала трудиться для советских христиан вплоть до своей смерти.

Власенко Владимир. Родился в 1954 году. Имя супруги – Людмила. Двое детей. Родной город – Николаев. Отбыл один срок.

Горянин Михаил. Родился в 1951 году. Имя супруги – Вера. Родной город Тихорецк. Шестеро детей. Отбыл один срок.

Дидняк Мария. Родилась в 1933 году. Имя супруга – Василий (он не был христианином). Двое детей. Родной город Николаев. Отбыла один срок.

Зайцева Лариса. Родилась в 1951 году. Имя матери – Анастасия. Родной город – Ростов-на-Дону. Отбыла два срока за работу в издательской команде, которая печатала Библии.

Зинченко Павел. Родился в 1952 году. Имя супруги – Татьяна. Четверо детей. Родной город – Харьков. Отбыл один срок тюремного заключения.

Иващенко Анатолий. Родился в 1952 году. Имя супруги – Надежда. Четверо детей. Родной город Черкассы. Он сын пастора Якова Иващенко, который находился в ссылке. Отбыл один срок за служение молодежного лидера и музыкального руководителя своей церкви.

Классен Рудольф. Родился в 1931 году. Имя супруги – Талита. Родной город Караганда, где и нес служение пастор Классен. Отбыл три срока. После своего последнего освобождения сказал своей церкви: «Для нас, как христиан, это привилегия – претерпевать укоры и горести не только за наше личное свидетельство, но также и за поддержку других, кого преследуют за Христа».

Круговых Александр. Родился в 1946 году. Имя супруги – Тамара. Пятеро детей. Родной город Макеевка. Отбыл один срок.

Кручинин Николай. Родился в 1943 году. Имя супруги – Людмила. Семеро детей. Родной город Дедовск, пригород Москвы. Отбыл два срока.

Крючков Геннадий (1926–2007). Председатель СЦ ЕХБ. Имя супруги – Лидия. Девять детей. Семья Крючковых жила в Туле, где их дом длительное время находился под наблюдением. С 1970 года пастор Крючков был вынужден жить и вести подпольное служение вдали от своей семьи и скрываясь от КГБ. Он отбыл один срок с 1966 по 1969 год.

Миняков Дмитрий (1921–2012). Пятеро детей. Первая жена Дмитрия, Антонина, умерла в 1980 году, когда он нес христианское служение в подполье. Имя его второй супруги – Ксения. Дмитрий отбыл три срока за то, что был проповедником и служителем в СЦ ЕХБ. Перед своим последним арестом в 1981 году он написал: «Мы будем стоять в истине, доколе Бог будет давать нам жизнь. Единственное наше желание – остаться верным Ему».

Михин Василий. Родился в 1933 году. Имя супруги – Татьяна. Девять детей. Родной город Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Отбыл один срок.

Моисеев Иван (1952–1972). После того, как Ваню призвали в Советскую армию (воинская часть 71-96-8), ему часто угрожали, его изнуряли и наказывали за христианские убеждения. В возрасте 20 лет военные его жестоко пытали и утопили в Азовском море возле Керчи. История его верности Христу многократно пересказывалась и публиковалась по всему миру.

Моша Виктор (1935–2012). Имя супруги – Нина. Родной город Дергачи. Виктор был активным служителем, благодаря его энергичным проповедям его любили и дети, и молодежь. За свое служение он отбыл четыре срока тюремного заключения.

Никитков Александр. Родился в 1934 году. Имя супруги – Зинаида. Шестеро детей. Родной город Рязань. Отбыл два срока, а во время второго заключения в рязанской тюрьме пережил сердечный приступ.

Одинцов Николай (1870–1939(?)). Имя супруги – Александра. Жил в Подмосковье. Николай Одинцов был председателем Федеративного союза баптистов в Советском Союзе. В 1928 году он возглавил делегацию баптистов из СССР на Четвертом всемирном конгрессе баптистов в Торонто, Канада. Но советские власти вскоре арестовали его за это служение. Его жена получила последнее свидание с ним в 1937 году в Сибири. После Второй мировой войны, по словам других христиан, он умер во время этапирования с одного лагеря в другой. Его заживо съели сторожевые псы.

Павленко Александр. Родился в 1952 году. Имя супруги – Надежда. Четверо детей. Родной город – Черкассы. Отбыл один срок.

Попов Николай. Родился 1927 года. Имя супруги – Надежда. Восьмеро детей. Родной город – Рязань. Отбыл три срока.

Попов Олег. Родился в 1954 году. Имя супруги – Татьяна. Четверо детей. Родной город – Рязань. Отбыл один срок. Олег – сын Николая Попова, и он был заключен в той же тюрьме, в которой раньше удерживали его отца.

Рытиков Павел. Родился в 1930 году. Имя супруги – Галина. Десятеро детей. Родной город Краснодон. Павел Рытиков отбыл четыре срока за проповедование, служение в СЦ ЕХБ и преподавание христианства детям. Из уз он писал: «Не увлекайтесь удовольствиями этого мира, ибо дружба с миром есть вражда против Бога. Не попадайте в плен мышления и стремлений окружающего вас мира, но слушайтесь Бога и живите так, как учил нас Христос».

Сажнев Павел. Родился в 1952 году. Имя супруги – Вера. Пятеро детей. Родной город – Ворошиловград. Отбыл один срок.

Скорняков Яков (1928–2008). Имя супруги – Нина. Девятеро детей. Родной город – Джамбул. Пастор Скорняков отбыл три срока тюремного заключения за служение пастора и работу в СЦ ЕХБ. В письме из лагеря он писал: «Мы сильны даже в смерти, потому что мы способны молиться за наших мучителей и палачей». Когда он освободился из лагеря после последних двух комбинированных сроков (восемь лет), он смог вынести 9546 писем, которые он получил от христиан, пребывающих на свободе.

Тимчук Владимир. Родился в 1959 году. Имя супруги – Людмила. Родной город – Москва. Отбыл один срок.

Тягун Иван. Родился в 1930 году. Имя супруги – Елена. Семеро детей. Родной город – Кировск. Отбыл один срок.

Хмара Николай (1916–1964). Имя супруги – Мария. Четверо детей. Родной город Кулунда. Николай Хмара стал христианином и был крещен вместе с женой в июле 1963 года. Он открыл свой дом для домашних богослужений и был арестован 5 ноября. На суде, который длился с 24 по 27 декабря, его приговорили к трем годам. 11 января 1964 года Мария получила телеграмму, где говорилось о том, чтобы она приехала забрать труп своего мужа. Тело было покрыто синяками, следами ожогов на руках и ступнях. Желудок был проколот, а язык отсутствовал.

Чистяков Вениамин. Родился в 1935 году. Имя супруги – Любовь. Одиннадцать детей. Родной город Орджоникидзе. Отбыл один срок.

Шоха Петр. Родился в 1909 году. Имя супруги – Иосифа. Десятеро детей. Родной город – Саки. Он отбыл три срока тюремного заключения. В возрасте 79 лет пастора Шоху арестовали на богослужении и обвинили в нападении на местного милиционера. Во время суда сильный, молодой «потерпевший» выглядел смущенным из-за явно сфабрикованных обвинений. Все же судья признал пастора Шоху виновным.

Юдинцев Василий. Родился в 1931 году. Имя супруги – Серафима. Тринадцать детей. Родной город – Харцызск. Отбыл два срока за служение пастора и работу в СЦ ЕХБ. Его удерживали в тюрьме и допрашивали тринадцать дней, пока власти не подтвердили, что он арестован.

Юдинцева Серафима. Родилась в 1938 году. Имя супруга – Василий. Тринадцать детей. Родной город – Харцызск. Эта женщина сначала была приговорена к двухлетнему сроку, когда ее младшему ребенку исполнилось пять лет, но суд позднее снял обвинения.

Глоссарий

ВСЕХБ – Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов. Группа зарегистрированных церквей, лидеры которых пошли на компромисс с библейскими принципами, чтобы снискать благосклонность и официальное признание Советского правительства. Известны также как «зарегистрированные баптисты».

Камера «тройник» – маленькая камера, предназначенная для троих заключенных.

Оперативный отдел – представительство КГБ в советских тюрьмах и лагерях.

Следственная камера – специальная тюремная камера, где советские власти держали граждан, подозреваемых в незаконной деятельности, в то время как прокурор устраивал допросы и готовил против них материалы дела. Время, проведенное в следственной камере, варьируется от нескольких дней до нескольких месяцев и засчитывается как часть окончательного приговора заключенного.

Совет родственников узников – организация женщин, мужья или другие родственники которых пребывали в узах за свою христианскую деятельность. Этот Совет собирал информацию о христианских заключенных и координировал помощь их семьям.

Статьи Уголовного кодекса:

Статья 70 (Уголовного кодекса РСФСР): антисоветская агитация и пропаганда.

Статья 128 (Уголовного кодекса УССР): нарушение законов об отделении церкви от государства и школы.

Статья 187-1 (Уголовного кодекса УССР): распространение заведомо ложных измышлений, клевета на советский государственный и общественный строй.

Статья 187-3 (Уголовного кодекса УССР): организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Статья 190-1 (Уголовного кодекса РСФСР): распространение заведомо ложных измышлений, клевета на советский государственный и общественный строй.

Статья 190-3 (Уголовного кодекса РСФСР): организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Статья 227 (Уголовного кодекса РСФСР): посягательство на личность и на права граждан под видом исполнения религиозных обрядов.

СЦ ЕХБ – Совет церквей евангельских христиан-баптистов. Избранное руководство преследуемых церквей евангельских баптистов, которые отказались идти на компромисс с библейскими принципами для того, чтобы получить официальное одобрение правительства. Их церкви не были зарегистрированы правительством и встречались в частных домах, квартирах, в лесу. Также известны как «незарегистрированные баптисты».

